

Вестник Сыктывкарского университета (научный журнал)	Серия гуманитарных наук ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ КУЛЬТУРОЛОГИЯ ЖУРНАЛИСТИКА	Выпуск 2 2013
---	--	------------------------------------

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Власов М.А.</i> Модели социальной политики	3
<i>Волкова Т.Ф.</i> Два апокрифа из Торжественника, составленного печорским книжником И.С. Мяндиным	20
<i>Волокитина Н.А., Иванов Ф.Н.</i> Армия и военная служба в России XVIII-XIX вв. в народной памяти (на примере коми сказки «Учитель свиней»)	36
<i>Гончаров И.А.</i> Политическая онтология: непосредственность и дискурсивность	40
<i>Доброноженко Г.Ф.</i> «Кулаки» как объект социальной политики в 1928-1929 гг.: репрессии за индивидуальную идентичность	58
<i>Завьялов Б.М.</i> О традициях и новациях в Российском образовании (читая классику)	64
<i>Казакова К.А.</i> Анализ семиотических моделей рекламы как способа повышения эффективности коммуникативного взаимодействия между брендом и покупателем	83
<i>Кознова И.Е.</i> К проблеме памяти в творчестве М.М. Бахтина.	91
<i>Максимова Е.О.</i> Жилые постройки в былинах Печоры: образно-тематическая характеристика	100
<i>Лудыкова В.М.</i> Коми литературный язык: состояние, проблемы, перспективы развития	117
<i>Пунегова Г.В.</i> Звуковая интерференция при речевой коммуникации в условиях русско-коми двуязычия (на материале среднеязычных согласных)	128
<i>Рассыхаев А.Н.</i> Игра типа «В колечко» в традиционной культуре коми	137
<i>Солондаев В.К., Конева Е.В., Кочкина Л.В.</i> Психическое развитие детей, проживающих в сельской местности	146
<i>Черных В.А.</i> К вопросу о переводе многозначных слов из сферы университетской жизни в США. (На материале перевода автобиографического романа Pitirim A. Sorokin "A Long Journey")	154
<i>Юркина О.В.</i> Языковые средства выражения идеи «просветленного бытия» и «просвещения» в публицистических контекстах очерков путешествия И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»	165

РЕЦЕНЗИИ, МАТЕРИАЛЫ

<i>Доброноженко Г.Ф.</i> Рецензия на сборник «Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI вв.»: Материалы Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 ноября 2012 г. / отв. ред. И.А. Тропов. СПб.: ГУАП, 2012. – 202 с.: ил.	177
<i>Завьялов М.Г.</i> Рецензия на монографию: Гуманитарное образование в высшей школе для негуманитарных специальностей: традиции и современные проблемы: Коллективная монография / под ред. Б.М. Завьялова. Сыктывкар: КОГУЗ «МИАЦ», 2012. 148 с.	182

Святочная поздравительная поэзия в Фольклорном архиве СыктГУ: систематический указатель / сост. <i>И.И. Демченко, Т.С. Канева</i>	185
<i>Мелихов М.В.</i> Рукописные сборники печорского старообрядца С.А. Носова: сборник № 10.	200
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	216

Выходит не менее двух раз в год.
УЧРЕДИТЕЛЬ: ФГБОУ ВПО «Сыктывкарский государственный университет»

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор:

Мелихов Михаил Васильевич – д.филол.н., профессор кафедры русской и общей филологии СыктГУ.

Заместитель главного редактора:

Доброноженко Галина Федоровна – д.и.н., профессор, зав. кафедрой истории, политологии и социологии СыктГУ;

Редакционная коллегия:

Максимова Любовь Анатольевна, к.ист.н., доцент, зав. кафедрой истории России и зарубежных стран СыктГУ;

Гончаров Игорь Анатольевич, д.филол.н., профессор, зав. кафедрой политологии и международных отношений СыктГУ;

Лудыкова Валентина Матвеевна, д.филол.н., профессор, зав. кафедрой коми и финно-угорской филологии СыктГУ;

Козырев Юрий Геннадьевич, к.филол.н., доцент, зав. кафедрой философии и культурологии СыктГУ;

Канева Татьяна Степановна, к.филол.н., доцент, зав. Учебно-методическим центром по традиционной народной культуре СыктГУ;

Разина Татьяна Валерьевна, к.психол.н., доцент, зав. кафедрой общей психологии, СыктГУ;

Рыжова Елена Александровна, к.филол.н., доцент, зав. кафедрой журналистики, СыктГУ

Редактор С.Б. Свигзова
Корректор Г.Б. Чабурова
Верстка и компьютерный макет А.А. Ергаковой

Подписано в печать 12.09. 2013. Печать ризография.
Гарнитура Times New Roman. Бумага офсетная. Формат 70x108/16.
Усл. печ. л. 24,9.
Заказ № 243. Тираж 150 экз. (1-й завод – 50 экз.)

Адрес редакции Вестника СыктГУ.
167001. Сыктывкар, Октябрьский пр., 55.
тел. 8 (8212) 43-16-87

ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 32:303.446

М.А. Власов

МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Статья посвящена сравнению основных моделей социальной политики. Сравнение и их анализ базируются на системе, включающей в себя политический режим, структуру экономики и вытекающий из них принцип перераспределения благ. Конкретные модели социальной политики вписываются в спектр, основывающийся на единых сравнительных критериях.

Ключевые слова: *социальная политика, принцип перераспределения, фонды общественного потребления, политическая структура, характер экономики.*

Article is devoted comparison of the basic models of social policy. Comparison and their analysis is based on the structure including a political mode, structure of economy and a principle of redistribution of the blessings following from them. Concrete models of social policy are entered in a spectrum which is based on uniform comparative criteria.

Keywords: *social policy, a redistribution principle, funds of public consumption, political structure, character of economy*

Социальная политика – важная составляющая института государства и власти, это своего рода механизм воспроизводства населения. На выбор механизма, то есть модели социальной политики, влияет характер государства и власти, которые используют те или иные средства, формируя тем самым определённую модель социальной политики. Логика выбора той или иной модели социальной политики проистекает от методов реализации власти в государстве, проще говоря от политического режима. Существуют две крайности (матрицы), охватывающие три аспекта общественной организации: управление, хозяйство и перераспределение благ:

1. Демократический режим – рыночная экономика – либеральная модель социальной политики.

2. Недемократический режим – плановая экономика – принцип перераспределения.

Обе крайности – это не существующие в чистом виде модели государств с их экономикой и социальной политикой, это крайние точки спектра. Реально суще-

ствующие модели государства и социальной политики находятся между ними, приближаясь в определённых чертах то к одной крайности, то к другой. На первый взгляд, кажется, что большинство государств современного мира предпочитают первую модель, причём как в сфере политики, организации хозяйства, так и в сфере перераспределения, то есть социальной политики. Вторая модель ассоциируется у нас с авторитарным закрытым политическим режимом со всеми вытекающими последствиями. Мы также согласны с тем, что политическая и экономическая открытость – это несомненный плюс первой модели. Однако, как утверждал К. Поланьи, рынок возникает в результате действия нерыночных мер. Рыночная экономика, возникшая в XIX веке, явилась чем-то исключительным в общей истории, производство ещё никогда не было так оторвано от социальной сферы, как теперь. Во второй половине XX века рыночная система достигла своего апогея, и теперь мы являемся свидетелями очередного глобального кризиса. Вполне возможно, что для того, чтобы прийти в равновесие, вся сложившаяся система вновь нуждается в действии сильных нерыночных мер, а может быть, и недемократических, непопулярных решений.

Саморегулирующаяся экономика вовлекает значимую субстанцию человека – его труд – в рыночную систему, конкуренцию, борьбу за выживание, что, в общем-то, чуждо человеческому сообществу, склонному к взаимопомощи как механизму общественного выживания. То же самое рыночная экономика совершает и с землёй, то есть природой, вкладывая её в руки промышленности для последующей эксплуатации. Поэтому сейчас человеческая жизнь, её естественное природное окружение оказались настолько подверженными саморегулирующимся рынкам, что она начала принимать форму глобального предприятия, корпорации, подчиняясь не естественным законам, а законам биржи. Если человеческий продукт ценен, в него вкладывают, если нет, то он оказывается некондиционным товаром, выбрасываемым за бесценок. Уделом таких людей становятся государственные социальные программы, поддерживающие экзистенциальный минимум и не принимающие во внимание человеческое достоинство.

Попробуем разобрать основные политические формы, встречающиеся нам на спектре моделей социальной политики.

Модель 1 (Модель Хайека-Нозика)

Сторонником модели, наиболее приближенной к чистому рынку, демократическому режиму и либеральной модели социальной политики, является Р. Нозик с идеями, представленными в его труде «Анархия, государство и утопия». Р. Нозик является последовательным сторонником либерализма во всех сферах общественной жизни. В его понимании справедливость заключается в соблюдении права в общем и права собственности в частном. Нозик провозглашает идею «минимального государства», отбирающего у индивидов право на применение насилия: «Минимальное государство – это максимальное государство, существование которого может быть оправдано» [5, с. 174]. Любое перераспределение

благ, навязываемое государством, Нозик считает несправедливым ограничением прав индивидов. Отсюда проистекает его категорическое неприятие «социального государства». По мнению Нозика, противостояние минимального государства, которое обеспечивает сохранение собственности всем членам общества, и социального государства основывается именно на праве собственности и его неприкосновенности. Нозик утверждает, что проблема социального государства, а следовательно, и всей социальной политики заключается в том, что государство берёт на себя неприсущее ему право перераспределения доходов от производительной части общества к непроизводительной на основе произвольных принципов. Критика данного тезиса направлена на социальное иждивенчество, паразитизм, пестуемый социальным государством. Под «произвольными принципами» понимается то, что у каждого человека свои потребности, и если какой-то член общества тратит больше времени на работу, чтоб получить необходимые ему блага, то это не повод отбирать его излишек и отдавать другому, у кого совсем другие потребности.

Основные права человека не могут быть нарушены для решения каких-либо социальных целей. Обосновывает Нозик это тем, что индивид является первичной структурой, а социальное – его производным, индивид не обязан приносить себя в жертву ради общества. Вместе с тем понимание справедливости в работе «Анархия, государство и утопия» – это равное право на защиту со стороны государства. В данном случае имеется в виду защита права, а не защита от потери средств к существованию. Социальная политика в понимании Нозика редуцируется лишь в политику безопасности – именно для этого существует «охранное агентство», то есть государство.

Р. Нозик в свою очередь продолжает линию, сформулированную одним из критиков государственного вмешательства в рынок, представителем австрийской школы Ф.А. фон Хайеком в работе «Дорога к рабству». Под рабством в данном случае понимается подчинение рынка планированию и государству. По мнению Хайека, существуют две базовые модели хозяйства: свободная рыночная модель и социалистическая плановая. Принципы конкуренции и планирования, по его мнению, не могут сосуществовать. Хайек цитирует А. де Токвиля и соглашается с ним: «Демократия и социализм не имеют между собой ничего общего, кроме одного слова: равенство. Но если демократия стремится к равенству в свободе, то социализм к равенству в рабстве» [10, с.14].

По мнению Хайека, плановость в экономике и государстве негативна потому, что ведет общество к радикальным формам: социализм – это частный случай коллективизма [10, с.19]. Из этого следует, что Хайек не проводит кардинальных различий между социализмом и тоталитаризмом, нацизмом, фашизмом и сталинизмом.

Хайек критикует социализм: «Это слово нередко используется для идеалов социальной справедливости, большего равенства, социальной защищённости. Но социализм – это ещё и особые методы, с помощью которых большинство сторонников этой доктрины надеются этих целей достичь. Социализм в этом случае

означает упразднение частного предпринимательства, отмену частной собственности на средства производства и создание системы «плановой экономики» [10, с.18].

Таким образом, можно интерпретировать этот тезис как «приманку» стабильности, устойчивости для общества. Если общество выбирает этот путь «благоустроенности и комфортабельности, то ему непременно придётся распрощаться и с важными гражданскими свободами. Поэтому для Хайека не существует третьего пути, гибрида рынка и планового хозяйства. Как только элементы государственного регулирования появляются в либеральной рыночной системе, она уже оказывается «больна». Санационная функция рынка для Хайека является наиважнейшей, т.к. она отсеивает его нежизнеспособные элементы.

По Хайеку, государство должно принимать минимальную роль в опеке над гражданами. Оправданной он считает государственную помощь людям, попавшим в сложную жизненную ситуацию. Да и то эта мера, по его мнению, должна быть временной. Обосновывает это автор тем, что «чем больше мы стремимся обеспечить всеобщую экономическую защищённость, воздействуя на механизм рынка, тем меньше оказывается реальная защищённость – это приводит к усилению контраста между привилегированной частью населения и непривилегированной» [10, с.69]. Вообще Хайек выделяет два типа защищённости в обществе – ограниченную – законное требование каждого члена общества (страхование от непредвиденных ситуаций) и абсолютную – в свободном обществе она не должна выступать в качестве привилегии.

Основные черты модели 1:

- минимальное государство, направленное на защиту прав и собственности;
- саморегулирующийся рынок;
- отсутствие социальных гарантий государства либо их минимальный объём;
- отсутствие институтов перераспределения общественных благ.

Можно с уверенностью сказать, то модель 1 максимально приближена к первой крайности «демократический режим – рыночная экономика – либеральная модель социальной политики».

Модель 2 (Модель Ролза)

В своей работе «Теория справедливости» Джон Ролз предложил модель общества, подходящую для социальной рыночной экономики. По мнению Ролза, человек в сообществе наделён справедливостью, то есть способностью выполнять свои обязательства, взятые по отношению к другим людям. Ролз признаёт, что идея неконтролируемого рынка не подходит к современным социально-экономическим реалиям. Под обществом Ролз понимает форму социальной кооперации, целью которой является благосостояние каждого индивида. Свободу и равенство возможностей Ролз ставит на первый план, общественное благосостояние – на второй. В его концепции общество представлено ареной конфликтов между индивидами, где справедливость проявляет себя в смягчении этих конфликтов.

Ролз определяет два принципа справедливости: справедливость в распределении прав и обязанностей и справедливость в распределении социальных и экономических благ, причём первый принцип является доминирующим по отношению ко второму. Это означает, что, если перераспределение в пользу бедных ущемляет чьи-то права, такое перераспределение несправедливо. Концепция социальной справедливости Ролза сводится к следующему: «социальное и экономическое неравенство в обществе допускаются лишь тогда, если они ведут к выгоде наименее преуспевающих членов общества» [3, с. 84]. То есть Ролз отдаёт предпочтение неравному распределению благ в обществе, если оно поднимает материальное благосостояние каждого конкретного члена общества по сравнению с моделью равного перераспределения.

Таким образом, Д. Ролз пытается соединить идею равенства с либерализмом. Но в модели Ролза права человека занимают доминирующее положение, а равенство – это производное от идеально сформированного общества. Поэтому обе идеи не находятся в равном отношении к друг другу. Ролз описывает не реальное общество, а гипотетическое, поэтому его модель трудно соотнести с чем-либо действительным. Большое количество невыполнимых условий, таких как «вуаль неведения», «равенство стартовых возможностей», не позволяют соотнести модель Ролза с какой-либо существующей или существовавшей моделью общества.

Преимуществом теории Ролза является попытка соединить понятия равенства с правами человека, найти синтез открытого и управляемого общества. Следует отметить, что данная модель является производной от модели 1, представленной в работах Хайека и Нозика. Справедливость в модели 2 относится к правовой сфере, нежели к социально-экономической.

Если обратить внимание на две базовые модели, то модель Ролза несколько отходит от крайней правой модели, допуская перераспределение с оговоркой, что это принесёт наибольшее благо наименее обеспеченным слоям населения. Демократический режим и свободный рынок принимаются Ролзом безоговорочно. Модель 2 (модель Ролза) схематично будет выглядеть следующим образом: «демократический режим – рыночная экономика – принцип перераспределения (с оговоркой)». Модель Ролза отходит от крайней правой модели и отличается от неё тем, что допускает в секторе социальной политики перераспределение социально-экономических благ при определённых условиях.

Основными чертами модели 2 являются:

- ведущая роль принципа справедливости в распределении прав;
- открытое общество с демократическим режимом;
- неравное распределение благ, повышающее достаток наименее обеспечиваемых членов общества.

Модель 3 (Модель Хабермаса)

Следующая модель общественной организации представлена в работе Ю. Хабермаса «Отношение между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма». Хабермас, немецкий социолог и философ, представитель

франкфуртской школы, рассматривает отношения между жизненным миром, т.е. гражданским обществом и системой – экономикой и политикой. Между двумя этими сферами происходит постоянный «обмен ценностями». Гражданское общество выплачивает налоги и обеспечивает свою лояльность системе. Система, в свою очередь, проводит организационную деятельность в обществе и принимает политические решения. Надо полагать, что данная организационная деятельность и принятые политические решения носят рациональный и полезный для жизненного мира характер, т.к. цена, которую платит общество за это, высока: налог – экономическое одобрение системы и лояльность – политическое одобрение системы. Встаёт вопрос: что может требовать взамен общество за столь значимый вклад в систему? Ответ прост – социальные гарантии и защищённость. Именно это является краеугольным камнем взаимоотношения жизненного мира и государственного и экономического сектора [9, с. 4].

Хабермас считает, что социальная политика – это конструктивный способ обеспечения лояльности масс политической системе [9, с. 5]. Таким образом, мы видим, что Хабермас изначально воспринимает общество как склонное к стабильности и защищённости, не стремящееся к либерализму хайкевского типа.

Вместе с тем Хабермас определяет и политическую проблему современного общества. Заключается она в том, что гражданин выбирает лишь персоналии руководящего состава, но не его доктрину, что нейтрализует политическое участие гражданина в государстве [9, с. 5]. Мы видим, что если государство, по Хайеку, в идеале должно являться лишь сторонним наблюдателем общественных процессов и регулятором правил игры, то государство, а точнее сформированная политическая система позднего капитализма, по Хабермасу, это заинтересованный игрок общественных взаимоотношений, подкупающий общество мерами социальной защиты, обменивающий их на политическую лояльность. Если учитывать то, что чистой рыночной системы не бывает, то данное представление государства, то есть системы, по Хабермасу, представляется нам более реалистичным, тем более для систем, не входящих в круг западных демократий.

Важную роль социальной политики по отношению к обществу Хабермас объясняет посредством труда. Между обществом и политической системой происходит постоянный обмен ценностями: лояльностью, социальной организацией, налогами, политическими решениями, и труд в данной системе взаимоотношений также не остаётся замкнутым сугубо в общественной сфере, так как условия труда зависят не только от сотрудников предприятий, но так же и от работодателя и государственного регулирования сферы занятости. Поэтому вопросы труда формируют повестку политических дискуссий. Хабермас в данном случае приходит к правильному мнению, что «развитая система социальной защиты становится политическим содержанием массовой демократии» [9, с. 7]. В данной модели система государственной социальной защиты становится эффективным средством регулирования социальной напряжённости. Совокупность социальных мер, называемая социальной политикой, ликвидирует диспропорции социальной незащищённости.

Хабермас доводит до крайности такое представление о социальной политике: «За нейтрализацию роли гражданина государство с развитой системой социальной защиты платит потребительскими стоимостями, которые получают граждане как клиенты бюрократической системы» [9, с. 15]. То есть Хабермас отказывает представителям современного капиталистического общества, общества потребления, в базовой гражданской функции – делать демократию, выбирать путь развития общества. Вместо этого Хабермас отводит им роль клиентов, потребителей, безразличных к собственным ущемлённым правам, жаждущих пребывать в безмятежном материальном достатке. В данном тезисе прослеживается и критика основ западной цивилизации.

Таким образом, если сравнивать понимание социальной политики у Ю. Хабермаса и Ф. Хайека, то их интерпретации очень схожи: социальная политика – это подкуп граждан взамен на их политическую покорность. Но если Хайек идеалистически воспринимает государство как ночного сторожа, то у Хабермаса государство предстаёт в несколько зловещем, коварном свете, заранее всё спланировавшим за своих граждан-клиентов и постоянно подкупающим лояльность населения социальными мерами и защищённостью.

Обращаясь к двум матрицам общества, модель Хабермаса будет выглядеть следующим образом: «скрытый недемократический режим – рыночная экономика – либеральная модель социальной политики / принцип перераспределения». Образ гражданского общества как «клиентов» системы даёт нам право сомневаться в демократичности политического режима. Это не означает, что режим авторитарный, но может означать, что он бюрократический, формалистский, где граждане не касаются политики. Сфера социальной политики представлена двумя крайностями – и либеральной моделью, и принципом перераспределения, осуществляющимся в модели Хабермаса социальными гарантиями государства (Хабермас – немец и перед его глазами – немецкое социальное государство). Если искать место данной модели на нашем спектре, то она будет располагаться левее модели Ролза. От модели Ролза её отличают: 1) допущение элементов авторитарности власти; 2) однозначный сдвиг в пользу социального государства и принципа перераспределения.

Основные черты модели 3:

- замкнутость политических элит;
- пассивность гражданского общества по отношению к политическому процессу;
- наличие «негласного договора» между обществом и властью о предоставлении политической лояльности взамен на социальную опеку государства.

Модель 4 (Модель ордолибералов – Поланьи)

Ещё одна модель общества и социальной политики представлена в работах и практическом воплощении на примере ФРГ течением ордолибералов. Теория социального рыночного хозяйства зародилась в Германии в 1930-е годы: ряд учёных и преподавателей Фрайбургского университета во главе с немецким эконо-

номистом Вальтером Ойкеном основывают неолиберальную школу, которая стала называться «ордолиберализмом» (ордо – «строй», «порядок»). Основные тезисы нового экономического и социального порядка изложены в труде В. Ойкена «Основы национальной экономики». В послевоенное время ордолиберализм постепенно превращается в государственную доктрину для разрушенной войной Германии, где создание социального и рыночного порядка становится основной целью политики и экономики ФРГ.

По мнению ордолибералов, социальная политика – это неотъемлемая составляющая политики государств в целом. Однако принципы социальной политики не должны сводиться к перераспределению благ между населением, т.к. это непременно приводит к диспропорциям, вызывает привыкание людей к определённому материальному благосостоянию и снижает темпы развития экономики. Сущность социальной политики состоит в создании определённого материального уровня благосостояния и существовании при этом принципиальной возможности принятия самостоятельных решений гражданами.

По мнению Ойкена, главная задача социальной политики – это вплетение её в экономический механизм и ограничение свободного развития рынка тогда, когда его хаотическое развитие приводит к нежелательным социальным результатам. Однако Ойкен и ордолибералы не были диаметрально противоположны взглядам неолибералов, они также признавали важность и даже принципиальность отделения государства от экономики. Особенность фрайбургской школы состояла в тезисе: «Рынок нацелен прежде всего на экономическую эффективность, а государство – на поддержание принципов его эффективности и конкурентности. Поэтому и рынок, и государство могут существовать только в неразрывном единстве. Это означает, что для социально ориентированной рыночной модели характерен симбиоз двух определяющих сил: активное, но разумно ограниченное вмешательство государства в экономику, прежде всего в социальную сферу, при соблюдении фундаментальных принципов рыночной экономики» [1].

На практике идеи ордолиберализма начал воплощать западногерманский экономист и государственный деятель Л. Эрхард (1897-1977). Основной идеей социально-рыночного хозяйства Л. Эрхарда было «благосостояние для всех». Смысл состоял в комплексной реформе денежной системы и в модернизации отношений «рынок – государство». Реформа была направлена на то, чтобы не государство даровало социальные блага людям, а они сами смогли бы их заработать. Как обозначали теоретики ордолиберализма, сильное правовое государство это не то, которое раздаёт налево и направо многочисленные льготы, не то государство, манипулирующее экономикой ради политических целей, а то, которое использует политическую власть ради создания условий для честной эффективной конкурентной борьбы.

Социальная политика в понимании ордолибералов означала создание государством благоприятных условий для работы и самообеспечения граждан, а также достойную поддержку тех, кто не в состоянии этого сделать. В то же время Л. Эрхард, практик немецкого экономического чуда, писал, что социальное ры-

ночное хозяйство не равняется либерализму в экономике. То есть весомая роль в создании социального рыночного хозяйства отводилась государству [1, с.9]. Ордолибералы оправдывали расширение государственной регулирующей функции в экономике исходя и из нацистского прошлого, когда экономика страдала от монополий. Оправдание расширенной регулирующей функции также связано с усложнением социально-экономической жизни. Таким образом, перед социально-экономической системой ставились задачи достижения максимального благосостояния государства, сохранение базового принципа свободы личности и взаимной ответственности свободного рынка и государства перед людьми.

Схожая концепция социальной политики, близкая к фрайбургской школе, представлена одним из основателей экономической антропологии – К. Поланьи. Поланьи видит в социальной политике особенный защитный институт, защищающий человека от либеральных экономических принципов, которые ценят в человеке не его самого, а лишь его функцию – труд. В своей статье «Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги» Поланьи совершенно верно утверждает, что если экономика эксплуатирует человеческие трудовые ресурсы, то она вмешивается и во внутреннее человека, ведь труд для человека – это не функция жизни, а само её содержание. Он пишет: «будучи лишённым защитного панциря культурных институтов, человек погибнет от социальной незащищённости» [6, с. 4]. Поэтому забота государства о человеческих условиях труда, о достойном уровне жизни – это защита от безжалостного рынка. По мнению Поланьи, труд, земля и деньги – это фиктивные товары, которые должны рассматриваться совсем в иной плоскости, нежели остальные товары. Труд, земля и деньги необходимы для экономики, но сами не должны подчиняться экономическим законам, так как есть природные, естественные факторы рынка.

По мнению Поланьи, экономическая система всегда была включена в социальную, и социальная организация была приматом экономики, то есть экономика служила для общества. Доминирование стихийного неограниченного рынка, по Поланьи, привело бы к гибели общества, так как товар «рабочая сила» не должен использоваться отдельно от человека в его целостном понимании.

Таким образом, мы встречаемся с ещё одним пониманием термина «социальная политика», как охранительной функции государства, предназначенной для защиты человека как целостности культурной, политической, социальной и экономической от ударов рынка [6, с.5]. Модель ордолибералов – Поланьи – будет выглядеть следующим образом: «демократический режим – регулируемое рыночное хозяйство – значительная доля перераспределения в социальной политике». Если сравнивать данную модель с моделью Хабермаса, её будет отличать то, что рыночное хозяйство, по мнению ордолибералов и Поланьи, должно ограничиваться социально-политическими мерами тогда, когда рынок угрожает нормальному существованию человека. Вместе с тем граждане не подвергаются упреку в клиентском отношении к государству, а в государстве отсутствует примесь патернализма.

Основные черты модели 4:

- открытое демократическое общество;
- создание рыночной системы нерыночными средствами (государственным ограничением);
- поддерживающая функция социальной политики;
- перераспределение общественных благ через государственные программы.

Модель 5 (Модель Маркса)

Модель общества, описанная К. Марксом в его «Критике Готской программы» [4], основывается на противоречиях существовавшего общественного строя Германии и передовых капиталистических стран Европы и Америки второй половины XIX века. Процессы индустриализации, резкого роста числа промышленных рабочих и изменение условий их жизни навели Маркса на мысль о переходе капиталистической общественной организации в новую, более справедливую модель, названную им социализмом, который далее должен был развиваться в коммунизм. Важнейшим этапом создания социалистической модели общества Маркс считал консолидацию промышленных рабочих – ведущей созидательной прослойки – и выдвижение ею своей программы переформирования общественных институтов и государства. Большой интерес в данной модели представляют воззрения на взаимоотношения организованных структур промышленных рабочих и сложившейся экономической системы капитализма. Согласно Марксу система капитализма породила новую общественную организацию благодаря промышленному массовому способу производства, создав большое количество рабочих мест в городах. Когда эти рабочие места были заполнены, образовался новый класс рабочих. Но система капитализма, породившая новый класс, поставила их в сложнейшие и несправедливые социально-экономические условия. По мысли Маркса, теперь уже созданный класс промышленных рабочих в коалиции с крестьянством должен был изменить структуру общественной организации и перераспределения экономических благ в свою пользу благодаря обобществлению национальных богатств и предприятий. Данный этап развития общества назывался бы социалистическим. Важным в данной модели является то, что именно социально-экономические условия жизни, проще говоря социальная политика, являются причиной смены одной формации, то есть способа экономической организации общества, другой, более совершенной формацией. По мысли Маркса, модель социализма должна основываться на принципе «от каждого по способностям – каждому по труду», вследствие чего экономически пассивное население должно было бы вымереть, т.к. государственных социальных программ для данной стадии не предполагалось. Однако, когда механизмы общественного управления промышленностью и государством заработали бы, на смену пришла бы модель коммунизма с принципом перераспределения «от каждого по способностям – каждому по потребностям». В коммунистической модели предполагался совершенно новый институт перераспределения – фонды общественного потребления. Под данным термином понимаются различные секторы государственного

бюджета, аккумулирующие национальный продукт и предназначенные для дальнейшего перераспределения этого продукта среди населения.

Экономика социалистического и коммунистического общества, по модели Маркса, имела бы в своей основе безденежный механизм. Принцип действия данного механизма был описан в «Критике Готской программы» следующим образом: «Общественный рабочий день представляет собой сумму индивидуальных рабочих часов; индивидуальное рабочее время каждого отдельного производителя – это доставленная им часть общественного рабочего дня, его доля в нем. Рабочий получает от общества квитанцию в том, что им доставлено такое-то количество труда (за вычетом его труда в пользу общественных фондов), и по этой квитанции он получает из общественных запасов такое количество предметов потребления, на которое затрачено столько же труда. То же самое количество труда, которое он дал обществу в одной форме, он получает обратно в другой форме» [4, с. 4]. Данный тезис Маркса раскрывает суть социалистического перераспределения. Принцип перераспределения Маркса созвучен с моделью французского экономиста П.Ж. Прудона. В своей статье «Бедность как экономический принцип» [7] Прудон определяет экономическое равновесие общества как бедность. Под бедностью автор понимает труд и наличие самого необходимого. Благосостояние общества он определяет справедливым распределением благ, при котором обеспечивается минимальный уровень жизни каждому члену общества.

Безденежная экономика Маркса обозначает отсутствие рынка. В рамках безрыночных отношений товар, или благо, никаким другим способом не сможет пройти от производителя до потребителя кроме как через принцип перераспределения. Согласно модели Маркса в основе коммунистического принципа перераспределения лежит не чья-то воля, а справедливое замещение для трудоспособных их вклада в общественное благосостояние. Рабочий сам решает, что изъять из общественных ресурсов в объёме его разумных потребностей. Исходя из этого вырисовывается и принцип собственно социальной политики данной модели.

Согласно модели Маркса не государство диктовало бы свою волю производительным слоям общества, а рабочие при помощи «революционной диктатуры пролетариата». В рамках данной модели государственный аппарат оказался бы под прямым контролем производящих классов, форма государственного управления называлась бы «диктатурой пролетариата» – по мысли Маркса – демократической формой правления. Власть была бы репрезентирована определённым общественным классом в ущерб другим. В таком случае данный политический режим нельзя было бы обозначать как демократический.

Исторически была попытка воплотить модель Маркса в жизнь в СССР и ряде других государств. Практика показала, что политическое руководство страной оказалось не в руках рабочих, а в руках партийной номенклатуры, таким образом, принцип «диктатуры пролетариата» не был воплощён в жизнь. Более успешной оказалась экономическая политика в СССР и странах социалистического блока. Некоторые исследователи утверждают даже о построении социального

государства в СССР в 1960-1970 гг. [2]. Экономика была организована по принципу планового хозяйства, рынок отсутствовал, государство было патерналистским. Социальная политика имела характерные черты перераспределения, чьим ведущим институтом являлись фонды общественного потребления. Модель общественного устройства Маркса имеет следующую структуру: «недемократический режим – плановая экономика – принцип перераспределения». Как видим, данная структура соответствует второй матрице социальной организации, которая стоит на крайней левой точке нашего спектра.

Основные черты модели 5:

- псевдodemократический режим, организованный по классовому признаку;
- управление экономикой осуществляется советами рабочих и крестьян – форма плановой экономики;
- два типа социальной политики на основе перераспределения: социалистическая и коммунистическая. Общественная поддержка нетрудоспособным предполагается только в коммунистическом обществе.

Спектр моделей. Выводы

Нами были рассмотрены пять моделей структуры общества и социальной политики. Имея перед собой две матрицы «Демократический режим – рыночная экономика – либеральная модель социальной политики» и «недемократический режим – плановая экономика – принцип перераспределения», расположим эти модели в рамках имеющейся матрицы (см. схему):

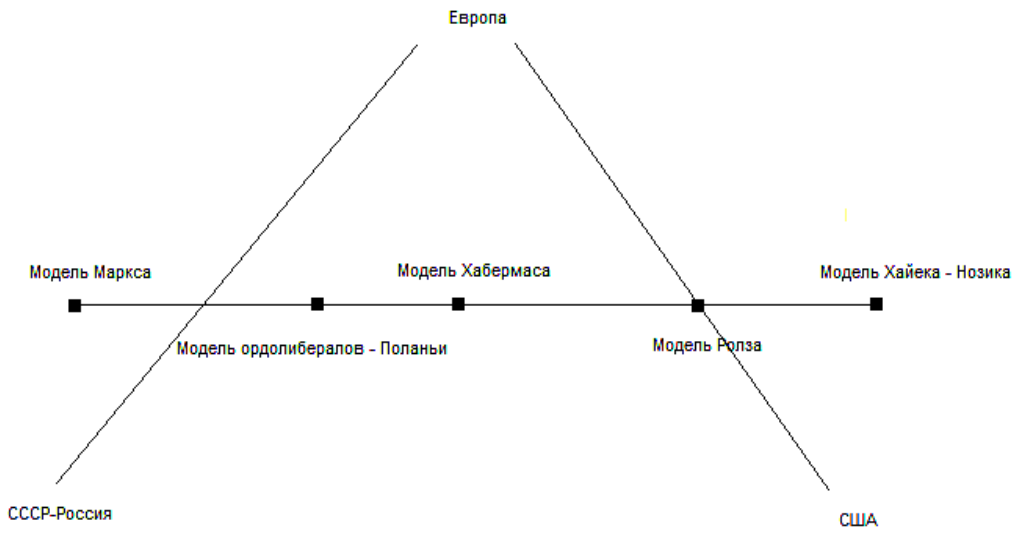

Схема 1

Географически спектр общественных моделей будет располагаться своей крайней правой формой на североамериканском континенте, проявляясь в общественной структуре США, близкой к крайности «Демократический режим – ры-

ночная экономика – либеральная модель социальной политики», описываемой в модели Хайека-Нозика. Для того чтобы объяснить совпадение первой модели с существующей моделью общественной организации и социальной политики в США, необходимо обратиться к историческим взаимосвязям. Американские штаты создавались как противоположность «старой Европе», откуда бежали несогласные с политикой европейских государств люди, авантюристы, которых зажимали экономические законы Европы, бедняки, не нашедшие себя в сложившейся социальной структуре. Поэтому принципы государственности американских штатов имели своим краеугольным камнем права и свободы индивида. Государству в них отводилась второстепенная роль по отношению к человеку. Американское общество создавалось в обход сложившейся европейской традиции консенсуса государства и населения. Его создавали «разбогатевшие бедняки, создавшие себя сами», и потому считавшие, что каждому доступно материальное благо, если он будет трудиться. Из этого вытекала и концепция социальной политики: все наделены одинаковыми правами – а это и есть основа равенства. Благополучие каждый зарабатывает себе сам. Это локальное понимание справедливости американцев, и с этим надо считаться. Мы видим, что данная модель хорошо функционирует в США, так как она является отражением духа народа, принципа его исторического формирования. Американская модель Хайека-Нозика принесла благополучие американскому народу, она есть её производное. Поэтому левые и социалистические модели не пустили корни в американском обществе, потому что они имеют иную природу, и не являются производными этого общества.

Модель Ролза описывает идеальное общество с ярко выраженными североамериканскими чертами, но с элементами перераспределения, предвосхищая социальную политику Европы (Д.Ролз – англичанин). Нами было сказано, что данная модель не имеет реального исторического воплощения, но является попыткой модернизации взглядов североамериканцев на свою либеральную структуру социальной политики. Появление модели Ролза указывает на симптом: недостаточность и неполнота праволиберального подхода в обеспечении благополучия граждан в США. Система американского капитализма в 1970-80 гг. способствовала быстрому росту экономики и отражалась на социальной сфере всё увеличивающимся размежеванием общества на богатых и бедных, росту численности этих крайних прослоек. Данная тенденция была замечена Ролзом («Теория справедливости» была написана в 1971 году), и он попытался применить превентивные меры по устранению издержек существующей системы. Ролзом была заимствована европейская модель государственной социальной политики. Он попытался привить её на американскую почву, не урезая доминанту частных прав и свобод. В итоге появилась синтетическая модель общества как прообраз необходимой США социальной политике, где допускается несправедливое распределение благ, поднимающее благополучие бедных. Модель Ролза – это производное модели Хайека-Нозика с попыткой сочетать в себе европейскую идею социального благополучия.

Две центральные модели Хабермаса и модель ордолибералов – Поланьи – стоят на спектре близко друг к другу, во многом они схожи. Географически эти модели налагаются на европейский континент с политическим принципом демократии, с регулируемой рыночной системой и левой моделью социальной политики, имеющей достаточно черт принципа перераспределения, но не через фонды потребления, а через государственные программы. Социальное государство в Европе развивалось постепенно, решающее значение имел переход от феодализма, при котором функции социального презрения несло само общество и церковь к капитализму [11, с. 27]. Абсолютистские правительства сумели выстроить властные вертикали управления государством, однако это произошло уже в эпоху возвышения капитализма, а соответственно, и изменения социальной структуры. Возникновение прослойки крупных и средних торговцев, а потом и развившихся из них промышленников произошло в условиях монополии власти. Данная прослойка в XVIII веке начала давить своими капиталами на аристократическую власть и требовать оформления и своих прав, тем самым ограничивая абсолютизм. А к XIX веку промышленниками была создана новая общественная прослойка промышленных рабочих, чья жизнь напрямую зависела от условий труда и оплаты. Всё увеличивающаяся прослойка своими социально-экономическими и политическими требованиями начала давить не только на промышленников, загнавших их в негодные условия, но и на государственную власть, требуя гражданских прав. Поскольку Западная Европа исторически оказалась впереди в плане развития промышленности, постольку прослойка промышленных рабочих там была намного шире. Сложилась характерная триада: государство – капитал – общество. В XX веке в Европе эта триада превратилась в действенный механизм взаимоотношений общества и государства, что привело к взаимным уступкам трёх сегментов системы. Сложилась ситуация, когда государство координировало капитал, не позволяя эксплуатировать общество, капитал создавал рабочие места и функционирующую экономику, общество ограничивало государство парламентом. Каждый сегмент выполнял в данной структуре, с одной стороны, несущую функцию всей конструкции, с другой – корректирующую. Если формально американская модель государства – это придаток общества, «ночной сторож», то европейская модель государства – это важный элемент социальной структуры, наделённый социальными функциями: регулирования и защиты. Социальные функции европейской модели государства возможны в результате того, что государство формирует рынок нерыночными инструментами, имея долю в экономической прибыли, и перенаправляет её на социальные нужды, сглаживая социальное неравенство.

Инструмент социальной политики европейских государств – это не фонды потребления, как в социалистическом обществе, подобно Советскому союзу, а государственные социальные программы. Разница между фондами общественно-го потребления и государственной социальной программой состоит в том, что фонд наполняется из государственного сектора экономики. Образно говоря, государство берёт из одного своего кармана и перекладывает в другой. Это прин-

цип социалистического перераспределения. Принцип осуществления государственной социальной программы состоит в том, что государству необходимо договариваться с бизнесом, в том числе и поддерживать его в случае кризиса. Данная поддержка в случае кризисной ситуации – это одна сторона, другая сторона сотрудничества государства и бизнеса – налоги, взимаемые с бизнеса в пользу государства, то есть всё тех же социальных программ. Опять же видим консенсус, который лежит в основе европейской модели. Государственные социальные программы – это инструмент стабилизации общества. То есть государство в итоге вкладывает в себя: стабильно развивающееся государство и здоровый бизнес есть производное от стабильного общества.

Крайняя левая точка спектра налагается на восточную Европу и Азию, занимаемую СССР и её наследницей – современной Россией, сохраняющей умеренный недемократический режим, управляемый государством рынок и модель социальной политики. Исторически обширная территория России требовала объединяющий центр для проведения единой политики. Распространена точка зрения, что обширная территория не может быть устойчива, если основывается на принципе индивидуализма. Только коллективизм, в нашем контексте – русская община, несущая на себе властную вертикаль, способен удержать пространство от Балтики до Тихого океана в одних руках. Русская крестьянская община явилась фундаментом патерналистского государства. Попытка искоренения общинного духа в начале XX века прервалась убийством инициатора аграрной реформы П.Столыпина, а затем началом нового коллективистского проекта (коллективное хозяйство – колхозы) под началом коммунистов.

С XV века централизация в России набирает обороты, и государственная система становится стовым хребтом общества. Исторически власть в России также была нетерпима к оппозиции, поэтому если характер власти меняется, то он меняется на всей территории одновременно, поэтому территориально не существовало различных субъектов, а соответственно и идеологического и политического плюрализма. Ортодоксальное православное христианство в свою очередь наложило отпечаток на характер народа и власти: в отличие от реформаторских религиозных течений Европы православие осталось монолитным. В XIX – начале XX вв. российское общество встало на путь свободного рынка и политического плюрализма, произошло ограничение монархии, однако большевистская революция вновь вернула общество к своеобразной форме идеологического единообразия, подчинив и всю хозяйственную жизнь государству. Постсоветская Россия также демонстрирует тенденцию государства быть доминирующей структурой на всей подотчётной территории. Собственно, благодаря определённому отставанию развития России в аграрном и промышленном секторе, сохранению коллективистских элементов и стало возможно привитие теории Маркса на отечественной почве, т.к. модель Маркса обращена именно к коллективистскому началу в обществе.

Графически отечественная общественная модель на схеме 2 представлена вертикалью с последовательно нисходящими институтами государства, эконо-

мической системы, бизнеса и общества. Данная модель противоположна американской модели Хайека-Нозика по очерёдности расположения сегментов на вертикали: общество индивидуалистского типа противопоставлено патерналистскому. Европейское общество представлено в виде структуры, чьи элементы взаимно влияют друг на друга. Отметим, что данные структуры общества представлены в рафинированном виде, но это не означает, что авторы моделей мыслят их таковыми. Однако из нашего анализа моделей возникает именно такая структура.

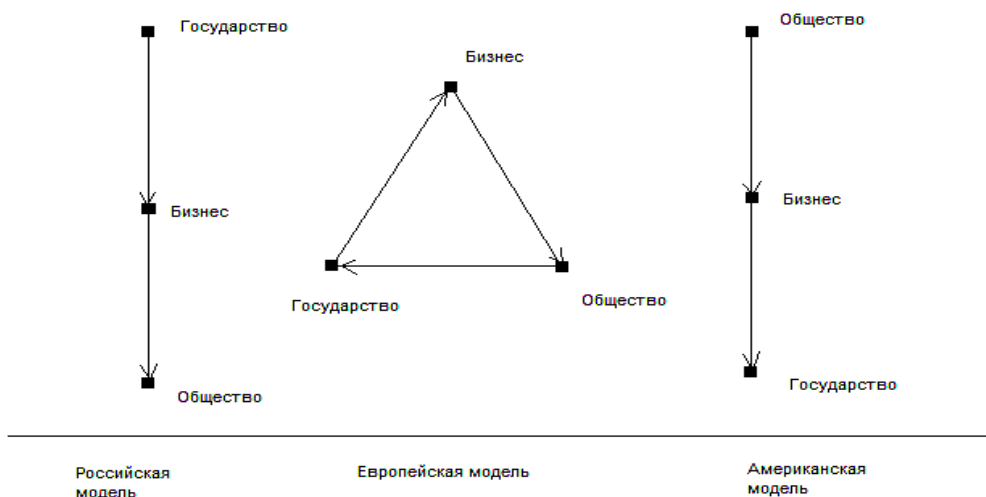

Схема 2

Нами уже было описано, как действует патерналистская система перераспределения общественных благ. Она основывается на функционировании фондов общественного потребления. Материальные блага в фонды общественного потребления попадают из государственного бюджета, который формируют государственные предприятия. В сухом остатке получается чистый принцип перераспределения. Несомненно, современное российское общество отошло от модели Маркса. Тем не менее кардинально общественная организация не поменялась. Изменился принцип перераспределения: вместо фондов общественного потребления российское правительство взяло на вооружение механизм социальных государственных программ. В основе новых государственных социальных программ лежат как советские традиции социальной системы, так и европейская социальная модель, прежде всего континентальная социально-политическая модель Германии и Франции.

Базовые модели – американская, европейская и российская – существуют в одинаковом временном континууме. Модель общественной структуры – это производное общества, в основе которого лежит принцип исторического формирования. Поэтому эти модели различны. Зачем существует различие среди общественных моделей? Это происходит для нахождения оптимальной и самой жизнеспособной из них, различие учит человеческие общества культуре принятия раз-

личный, а значит, плюрализму, из которого проистекает демократия. Демократия на самом простом уровне есть человеческое отношение к человеку. В ходе XIX и XX вв., когда основные черты трёх базовых моделей были сформированы, американское, европейское и российское общество перенимали друг у друга определённые элементы из их структуры, т.к. они казались им более эффективными, нежели свои. Так, американская модель заимствовала принцип политического плюрализма у европейцев. Европейская модель оценила принцип коммунистического распределения и включила его элементы в свои социальные государственные программы, систему распределения пособий. Российская модель активно перенимает идею базовых прав индивида и важной роли гражданского общества в системе «государство – бизнес – общество». Происходит взаимное дополнение общественных моделей и их выравнивание. В долгосрочной перспективе модели динамичны, в краткосрочной – устойчивы. Важным является их взаимодействие, т.к. спектр обществ намного шире, чем описанные модели. Вполне возможно, что принципы социальной политики и перераспределения вновь когда-нибудь вернуться к патриархальному образу распределения благ, когда от каждого члена семьи или общины будет спрашиваться по его возможностям, а распределяться блага будут согласно его потребностям. Идеал Маркса не достигнут в обществе, но он применим и хорошо действует почти в каждой здоровой семье, независимо в какой модели она существует.

1. Вальтер Ойкен о либерализме и социальной политике. Федеральный образовательный портал ЭСМ. Цит. по: Ястребов Г.А. URL: <http://ecsocman.hse.ru/text/16209767/>
2. Иванова Г.М. На пороге «государства всеобщего благосостояния». М., 2011.
3. Карнаш Г.Ю. Социальная справедливость: философские концепции и российская ситуация. М.: Издательство МГУ, 2011.
4. Маркс К. Критика Готской программы. 1875. URL: <http://www.marxists.org/russkij/marx/1875/gotha.htm>
5. Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М., 1998.
6. Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. URL: <http://www.politstudies.ru/universum/dossier/02/polan-6.htm>
7. Прудон П.Ж. Бедность как экономический принцип. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/aver/19.php
8. Социальное рыночное хозяйство / под ред. Р.М. Нуреева. М.: МГУ, 2007.
9. Хабермас Ю. Отношение между системой и жизненным миром. URL: http://igiti.hse.ru/data/159/314/1234/2_2_2Haber.pdf
10. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М., 1996.
11. Храмов А.Ф. Бюрократия и социальное государство. М., 2010.

ДВА АПОКРИФА ИЗ ТОРЖЕСТВЕННИКА, СОСТАВЛЕННОГО ПЕЧОРСКИМ КНИЖНИКОМ И. С. МЯНДИНЫМ*

В статье рассматриваются особенности списков двух апокрифов – Хождения Агания в рай и Сказания об апостоле Фоме, как он строил палаты для индийского царя, входящих в состав Торжественника, составленного известным печорским книжником второй половины XIX в. И.С. Мяндиным, выявляются приемы редактирования им древнерусского текста на основе сопоставления мяндинских списков с известными древнерусскими списками этих произведений. В приложении к статье публикуются списки рассмотренных апокрифов из усть-цилемского Торжественника.

Ключевые слова: старообрядческая литература, апокрифы, литературные переработки устьцилемских крестьян.

The article concerns the peculiarities of two apocrythical works records – «Agapy's walkings to paradise» and «A legend about apostle Phoma». The paper also shows how Phoma built a palace for Indian tsar. These two works are included in the Book of «Triumphs» which was written by I.S. Myandin – the famous Pechora's connoisseur of books (the 2nd half of the XIX th century). The article also regards his editing methods of old Russian texts. The author of this paper compares Myandin's records with famous old Russian records of the texts under consideration. The records of these apocrythical works from Ust-Tsilma Book of «Triumphs» are published in the supplement of this article.

Keywords: old believer literature, apocrythical records, Ust-Tsylma peasants' literary adaptations of Old Russian tales.

Одним из популярных видов средневековой литературы, активно читавшихся и переписывавшихся печорскими крестьянами, были апокрифы. «Репертуар апокрифов, сохранившихся в сборниках, – писал В.И. Малышев, характеризуя жанровый состав печорской книжности, – это один из ценнейших материалов для характеристики мировоззрения, настроений местного крестьянства XVII – нач. XX вв. ... Среди них есть очень исправные тексты, восходящие к XVII в. Некоторые апокрифы носят следы местных добавлений» [16, с. 34]. Привлекли апокрифы внимание и известного усть-цилемского книжника – переписчика ру-

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РГНФ Темы и сюжеты древнерусской и старообрядческой литературы в осмыслении печорских крестьян № 13-14-11002 а(р).

копией и редактора средневековых сочинений И.С. Мяндина (1823-1894). В составе рукописного Торжественника, составленного Мяндиным (НБ СыктГУ, УЦ р. 46, электронная копия), который хранился в книжном собрании усть-цилемской наставницы Екатерины Ивановны Тороповой, а после ее смерти – у соседки Федосьи Семеновны Носовой [9, с. 52-57; 10], читаются несколько апокрифов, что было совсем не характерно для состава этого древнерусского сборника, имевшего достаточно устойчивый состав [23, 24, 25, 26]. Один из них – Сказание Афродитиана – изучен А.Г. Бобровым, исследовавшим и опубликовавшим и мяндинский список «Афродитиана» из усть-цилемского Торжественника [6; 7], «Видение Макария Египетского» издано нами, но еще не исследовано по списку Торжественника [11, с. 885-890], не исследован и не издан мяндинский список «Поучения от епистолии апостола Павла», являющегося одной из кратких редакций известного апокрифа «Павлово видение» (см. о нем: [27; 20]); другой печорский список этого сочинения исследован Ю.Н. Ильиной [14]. Еще два апокрифа – «Хождение Агапия в рай» и Повесть об апостоле Фоме, «како он строил полату индейскому царю», были рассмотрены в дипломном исследовании Е.П. Гаевой [13]. Некоторые итоги этого исследования и подготовленный нами совместно к изданию текст этих апокрифов и являются предметом данной публикации.

Апокрифическая Повесть об Агапии в Торжественнике читается на лл. 335–341 и озаглавлена в рукописи **«Повѣсть о святѣмъ отцѣ Агапитѣ, како его Господь въѣде в рай во плоти»**.

«Хождение Агапия в рай» – один из древнейших славяно-русских апокрифов, датируемый XII-XIII вв. Сюжет Хождения является как бы развернутым ответом на слова Христа: «И иже не примет креста своего и вослед мне не грядет, несть мене достоин» (Мф. 10, 38; 16, 24). Сюжетная схема Хождения внешне напоминает схему волшебной сказки, однако символический подтекст, скрытый в сюжете апокрифа, обнаруживает глубокий христианский смысл всех поступков героя. Экспозицией повествования служит рассказ о жизни Агапия до начала его путешествия: с юных лет Агапий проявляет себя как агиографический герой – он **«из млада начатъ Бога воятися и заповѣди его хранити»** [19, с. 154]; в шестнадцать лет он уходит в монастырь, где в молитвах ищет ответ на вопрос, не дающий ему покоя: зачем люди оставляют свои дома, семьи, близких и идут вслед за Господом и какая награда ждет их за это?

Завязкой сюжета становится мотив таинственного небесного «гласа», который Агапий, став к тому времени уже игуменом монастыря, слышит и воспринимает как руководство к действию. Следуя ему, старец оставляет монастырь, после чего его ждет целый ряд приключений: плавание на лодке по морю, встреча с самим Христом и его 12-ю учениками, пребывание в раю, спасение моряков от голодной смерти и воскресение умершего мальчика. По словам О.А. Белобровой, «сюжет этого апокрифа имеет черты амбивалентности: интерес представляет не его учительная сторона, которой по существу и нет, а та цепь чудес, кото-

рые видит во время своих странствий и которые совершает сам Агапий» [3, с. 76].

В целом сюжет апокрифа носит кумулятивный характер, представляя собой цепь последовательно сменяющихся эпизодов, самым ярким из которых и наиболее эмоционально наполненным является описание рая, служащее своеобразным ответом на вопрос, который мучил Агапия – что получают те, кто следует за Господом. Развязкой сюжета можно считать эпизод, рисующий последнее чудесное вмешательство высших сил в судьбу Агапия, которого жители города, где он в конце повествования оказывается и совершает свои чудеса, не хотят отпускать – явившийся Агапию ангел выводит его из города и отправляет на поиски подходящего места, где он смог бы описать все увиденное и пережитое. Такое место вскоре находится, и Агапий поселяется в уединенном доме за высокими стенами, где есть все необходимое для жизни, и описывает там все свои приключения. Затем свою повесть он передает иерусалимскому патриарху, дабы тот раздал ее верующим в назидание. В эпилоге сообщается о том, что «блаженный» Агапий прожил в своем уединенном доме еще сорок лет и окончил свою жизнь с ломтем хлеба, который дал ему в раю Илья пророк.

Апокриф привлек внимание целого ряда исследователей своей образной системой. Многие мотивы его получили научный комментарий. Прежде всего, ученых привлек образ рая, созданный в апокрифе, являющийся одним из древнейших в русской письменности описаний этого сакрального места. «Автор пытается дать как можно более полную картину райского блаженства, – писала В.П. Адрианова-Перетц, – но еще не находит для этого таких ярких красок, какими, например, располагали авторы описаний адских мучений» [1, с.83]. Материал «Хождения», по мнению М.В. Рождественской, дает представление о неординарном видении древними жителями Киевской Руси загробного бытия как жизни в потустороннем мире [2, с.8]. Рай апокрифа об Агапии – это чудесный сад за высокими стенами, делающими его труднодоступным. Он полон чудных плодов и цветов, прекрасных неземных птиц. Попасть туда могут, согласно «Хождению», лишь души праведников – людей, которые при жизни действительно служили Богу. Они-то и приобретают в раю определенную зримую форму в виде произрастающих плодов, цветов, чудесных птиц и даже незаметных травинок. Описание Рая в «Хождении» Агапия и описание ада в другом апокрифе – «Хождении Богородицы по мукам» – составляют своеобразный диптих: в одном внимание сфокусировано на описании райской жизни, в другом – адских мучений, ожидающих грешника после смерти.

Отмечали исследователи и аллегоричность «Хождения Агапия». Так, В.В. Мильков пишет, что «Хождение в рай» можно понимать как аллгорию райской жизни на земле. В этом случае текст апокрифа не будет содержать отступлений от канонических представлений и может восприниматься как просто художественное повествование. Именно так его могли воспринимать в монашеской среде, что обеспечило ему такую «живучесть» [18, с.67].

Чудесный орел, сопровождавший Агапия в течение трех дней его путешествия, как отмечает В.В. Мильков, – это одно из нескольких аллегорических воплощений Христа. В контексте апокрифа этот синкретический образ воспринимается преимущественно в мифологическом смысле. Если в ветхозаветных текстах орел символизирует мощь и божественную любовь, а в новозаветной традиции является символом евангелиста Иоанна, то в апокрифе этот божественный посланец обеспечивает связь с иным миром, в данном случае – с раем [Там же, с. 70]. Апокрифические функции орла-посредника сопоставимы также с распространенным в Древней Руси представлением о том, что птицы могут достигнуть Ирия – заморской райской страны [Там же, с. 72]. Еще одним воплощением Христа в «Хождении» является юный отрок, беседующий с Агапием из корабля, внезапно представшего взору старца, приведенного чудесным орлом на берег моря. Отрок обнаруживает чудесное знание всей жизни Агапия, знает всех его подопечных в монастыре.

Легко узнаваем мифологический мотив плавания Агапия по морю, восходящий к сюжету о переправе умерших в иной мир при помощи лодки Харона – перевозчика через реки подземного царства.

В раю Агапия сопровождает пророк Илья, охраняющий райские врата. Он дает старцу отведать чудесного неоскудевающего хлеба. Это символ спасительного причастия, символ евангельского учения [18, с. 78]. Мотив чудесного хлеба присутствует и в эпизоде исцеления Агапием после того, как он покинул рай, моряков, умиравших с голода на своем корабле. Старцу четыремя ломтями удастся накормить двенадцать человек, после чего хлеб чудесным образом вновь становится целым. Этот мотив непосредственно перекликается с евангельским мотивом преломления хлебов, когда Христос накормил пятью кусками хлеба и двумя рыбками большое количество людей (Лк. 14:17). Покинув рай и поселившись в уединении, Агапий питается только этим райским хлебом, что в символическом плане означает монастырское затворничество и совершаемое там регулярно причастие, приобщающее к жизни вечной.

«Хождение Агапия» имело впоследствии силу документа. Об этом свидетельствует «Послание новгородского архиепископа Василия Калики тверскому епископу Федору»: когда во второй половине XIV в. в Твери остро обсуждался вопрос о рае «мысленном» и рае «земном» в связи с распространившимися там ересями, в качестве доказательства Василий Калика привел в пример и «самовидца» старца Агапия [4].

Мы сопоставили мяндинский список Повести с ранним списком (XII-XIII вв.) из Успенского сборника [22. С. 466-473] – далее У и списком нач. XVIII в. ИРЛИ, собр. Перетца, № 500, л. 297-310 об. – далее П (перевод апокрифа по этому списку, сделанный М.В. Рождественской, см. [2, с.173-178], а также привлекли еще ряд списков XII-XIX вв.: РНБ, Кир.-Белоз. собр., № 90/1167 (XVII в.), л. 136-156 об.; РНБ, собр. ОЛДП. Q.234 (перв. пол. XVII в.), л. 213 об.–225; ИРЛИ, Латгальское собр., № 162 (XIX в.), л. 305 об.-318 об. Сопоставительный анализ показал, что в мяндинской версии апокрифа фабула более ранних списков не

сильно изменена, событийная канва осталась прежней и все основные перипетии приключений Агапия сохранены. По набору тематических мотивов список Мяндина сближается со списком П XVIII в.: как и в этом списке, у Мяндина добавлено сообщение о том, что Агапий в монастыре построил церковь Всемилостивому Спасу, отсутствующее в списке У, и опущен целый ряд мотивов, входящих в фабулу апокрифа по списку У: диалог Агапия с отроком, намекающим ему, что он (отрок) – Господь; описание деревьев, растений и птиц в раю; объяснение Господом Агапию, что это он являлся Агапию в образе отрока и орла и его голос слышал Агапий в начале своего путешествия. Но в списке Мяндина мы выявили и ряд отличий как от раннего Успенского списка, так и от списка Перетца, свидетельствующих о редакторской работе печорского книжника.

Уже само заглавие «Хождения» в списке Мяндина отличается от заглавий и в списке У, и в списке П.

У	П	Торжественник
Съказание отца нашего Агапия, чего ради оставляют роды и дома своя, и жены, и дети, и въземше кръст идуг въ следъ господа, яко же Евангелие велить	Житие и подви-зи преподобного отца нашего Агапия чудо-творца	Повѣсть о святѣм отцѣ Агапѣ, како его Господь ввѣде в рай во плоти

Как видим, каждое из названий делает акцент на том, что для автора явилось главным. В У это рассказ о том, как Агапий нашел ответ на свои вопросы к Богу; в списке П акцент делается на личности героя, сближающегося с героями житий, на его духовных исканиях и чудесах; в списке «Торжественника», как гласит заглавие, перед нами «повесть», главным сюжетным событием которой является введение героя в рай «во плоти». Подобное переосмысление Мяндиным жанра источника уже отмечалось исследователями. Также печорским книжником было изменено заглавие апокрифа «Сказание Афродитиана» на «Повесть Афродитиана историка...». А.Г. Бобров объясняет это тем, что «жанр апокрифа в восприятии редактора оказывается близок жанру тех повестей (о Басарге, о царе Аггее, о царице и львице и др.), которые передельвал И.С. Мяндин» [7, с.33].

В экспозиции «Хождения» Агапия у Мяндина отсутствует сюжетообразующий в основной редакции апокрифа вопрос, мучивший героя, – о причинах, по которым люди следуют за Господом, оставив своих близких. Скорее всего, это было достаточно механическое сокращение, так как дальнейший текст мяндинской редакции свидетельствует о какой-то просьбе героя к Богу. Но в результате этого сокращения текст для читателя приобретает иное – провиденциальное – звучание: Агапий, не задающий у Мяндина никаких вопросов, отправляется в путешествие не вследствие удовлетворения Богом его просьб, которые он «день и ночь» обращал к Богу в молитвах, а по промыслу самого Бога, пожелавшего показать своему праведнику, который не только жил в монастыре «много постясь и моляся», но и «церковь устрои Всемилостивому Спасу», райский сад и его обитателей.

В описании начала путешествия Агапия, когда он следует за орлом, посланцем Господа, список Мяндина близок к списку П. Однако Мяндин показательно преобразовал время путешествия Агапия, сократив его с тридцати трех дней до трех дней и трех ночей. В этом с очевидностью прослеживается фольклорная традиция, что характерно и для других его литературных переработок (см. например, первую мяндинскую редакцию Троянских сказаний, в которой появляются такие образы, как «заповедный меч» Язона, перстень-талисман, который помог ему открыть волшебный сундук с сокровищем [21, с.233]; Повесть о Тимофее Владимирском, заканчивающуюся сказочным финалом [9, с.135-136].

Отметим также и одно характерное дополнение, которое Мяндин внес в ту часть Хождения, которая передает подробные указания Господа, как Агапию добраться до рая. В списке У речь идет только о рае как чудесном городе, в П появляется упоминание и об аде, где «врата суть медная и огонь страшный палить», Мяндин же это краткое упоминание развертывает: **«Здѣ бо два мѣста: едино, одеснѣю, – свѣтъ неизреченный и рай вожий, мзда праведным; а дрѹгое, ошѹю, – ад и мѹка вѣчная и гроза исповѣдимая, ѹготованая дяволѹ и грѣшником, подобным емѹ, тамо бо стѹд и огонь срашный немилостивым и сквернителем»** (л. 337-337 об.). Это дополнение вполне органично для книжника-старообрядца, в сознании которого эта бинарная оппозиция – ада и рая – всегда присутствовала.

Источник некоторых вставок, сделанных Мяндиным, легко определяется. Так, в рассказ о рае перед описанием образа Спаса Мяндин вводит и описание Божьего престола, близкое к тексту Апокалипсиса (Откр. 4: 2-3): **«Посредѣ же древ техъ ѹготованы быша 12 престоловъ, ѹкрашенныхъ золотом и каменнем драгим, и посреде ихъ единъ престолъ превыше всѣхъ, преодѣянъ багрянницею червленною. Окрест же его стояхѹ херѹвими и серафими и множествово ангелъ и архангелъ, непрестанно славяще Бога в трехъ лицѣхъ»** (л. 338 об.-339).

Еще одним элементом, добавленным И.С. Мяндиным, стали слова пророка Ильи, обращенные к Агапию перед тем, как он должен был покинуть пределы рая. Илья дает Агапию кусочек чудесного хлеба со словами, отсутствующими и в списке У, и в списке П.: **«Поиди, старче Агапие, во вселеннѹю и неси полхѣва, и повѣждь християномъ славу Божию и тамо ѹготованная благая праведнымъ, такожде и грѣшнымъ страшныя и грозныя мѹки, да разѹмѣвшє, останѹтъ зло творити»** (л. 340).

Эти слова пророка Ильи служат у Мяндина мотивировкой предпринятого им по повелению Божьему путешествия: Господь послал Агапия на поиски рая, чтобы, увидев эту чудесную страну, старец мог рассказывать о ней другим, тем самым давая надежду верующим и наставляя грешников. Таким образом, сюжетная мотивировка хождения Агапия в списках У и П – поиски ответа на вопрос, зачем надо следовать за Христом, заменяется у Мяндина другой, по-видимому, более убедительной для печорского книжника.

Таким образом, сопоставительный анализ показал, что и текст известного апокрифа подвергся печорским книжником стилистической обработке, которая в ряде случаев привела к смещению акцентов в повествовании.

Обратимся далее ко второму апокрифу, включенному Мяндиным в свой Торжественник, – Сказанию об апостоле Фоме. Оно читается на лл. 341 об.-350 и озаглавлено здесь «**Повѣсть и дѣяние святаго апостола Фомы, како онъ строилъ полатѹ индѣйскому царю**». Этот апокриф восходит к сирийскому по происхождению памятнику «Деяния Иуды Фомы апостола» («Деяние второе, когда пришел Фома апостол в Индию и построил дворец для царя на небесах» – см. перевод на современный русский язык сирийского текста [17, с.165-172]; см. также изд.: [15, с.VII-XXI, 111-118]). Апокриф представляет собой занимательный рассказ, со множеством деталей и подробностей повествующий о том, как один из апостолов Христа – Фома, не хотевший отправляться в Индию по жребию, брошенному апостолами, чтобы выбрать страну для своей проповеднической деятельности, все же попал туда и построил для индийского царя роскошный дворец, но не на земле, а в небесном мире. По ходу сюжета Фома совершает чудеса, с каждым разом все более впечатляющие, но всегда в них прослеживается элемент провиденциальности: через апостола действует Господь. Порой Фома даже не знает, что изменил чью-то жизнь. Так, например, происходит с дочерью царя и ее женихом, когда Господь, не посвящая в это Фому, творит чудо: Христос является молодым в образе апостола и призывает их к духовному браку. За одну ночь из язычников юноша и девушка становятся христианами.

Древнейший славянский список апокрифа (XIV в.), озаглавленный «Деяние святого апостола Фомы во Индии, каку полату созда цареви», находится в составе сборника Чудова монастыря (см. изд [5, с.67-71]. Апокриф читается также в составе Великих Миней Четых митрополита Макария под 5 октября [8, с.815-822]. Текстологическое изучение списка И.С. Мяндина из Торжественника в сопоставлении с двумя этими списками показало, что, сохранив фабулу апокрифа почти без изменений, печорский книжник лишь произвел ряд сокращений (опущены или сокращены такие мотивы, как проповедь Господа и благословление им молодоженов, молитва Фомы), ввел в повествование эпилог, рассказывающий о том, что после смерти души царя и его брата вселяются в возведенные Фомой небесные «палаты», и о дальнейшей судьбе Фомы – его проповедях в других странах и мучительной смерти. Есть и ряд других, более мелких вставок, характерных для редакторской работы И.С. Мяндина.

Таким образом, работа печорского книжника над текстом двух апокрифов, включенных им в состав оригинального по составу Торжественника наряду с собственными переделками нескольких повестей, свидетельствует о том, что эти апокрифические произведения воспринимались Мяндиным как повести с занимательным сюжетом, которые он отредактировал с помощью привычных для него редакторских приемов и усиления провиденциального звучания текста.

В Приложении мы публикуем списки рассмотренных апокрифов по спискам Торжественника из собрания Е.И. Тороповой.

ХОЖДЕНИЕ АГАПИЯ В РАЙ

*Повѣсть о святѣмъ отцѣ Агапѣ, како его Господь
ввѣде в рай во плоти*

Сей преподобный отецъ нашъ Агапий змлада Бога возлюбилъ и с младыхъ лѣтъ пострижесе во иноческій чинъ 15 лѣтъ. И поживъ в монастыри много лѣтъ, иже самъ возвиже, и церковь устрои Всемилостивому Спасу, и потомъ бысть игуменъ в томъ монастыри. И много постяся и моляся Господу Богу, и дондеже Господь услыша моление раба своего и посла къ нему ангела своего во образѣ свѣтлѣ, иже и пришедь къ нему въ кѣлию въ 3 часу нощи. И глагола ему: «Востани, Агапие, от одра своего». И абие возбудися старецъ от сна своего. И рече ему ангель Господень: «Услышана // (л. 335 об.) бысть молитва твоя пред Богомъ, и посланъ азъ къ тебѣ, да поставиши вмѣсто себя игуменомъ. И наутрие свитающую дню остави монастырь свой. По утреннемъ пѣнни изыди изъ манастыря внѣ вратъ и узриши на воздухѣ орла летяща, и гряди вслѣдъ его». И се рекъ ангель Господень, невидимъ бысть.

Преподобный же, воставъ от одра своего, зѣло дивися такому видѣнню. И по утреннемъ пѣнни призвавъ братию и возвѣсти имъ явление ангела Господня. И едва умоли остатися единому от братии игуменомъ. И благослови всѣхъ, и изыде внѣ вратъ.

И возрѣ очима горѣ, и абие видѣ орла велика, летяща по воздуху предъ нимъ къ востоку. Агапий же иде вслѣдъ орла. И иде путемъ 3 дни и 3 нощи // (л. 336) и прииде на край моря. Орелъ же полетѣ за море. Преподобный же остася на берегу, зря сѣмо и отъамо, и видѣ одесную страну змии многи страшны и львы рыкающия. Также и ошую тѣ же страшилища свитающия, якоже ужаснутися преподобному и начатъ молитися Господу Богу со слезами, дабы явилъ ему Господь пещеру, гдѣ бы ему скрытися отъ лютыхъ сихъ звѣрей. И абие явися ему пещера, и вниде въ ню, и пребысть въ ней 3 часа, моляся Богу со слезами. И узрѣ на морѣ, и видѣ малъ кораблець плавающъ и приста ко берегу, идѣже бѣ Агапий. И въ немъ сѣдяща два юноши свѣтлы: единъ на кормѣ, а другаго гребуща, посредѣ же ихъ сѣдѣше младъ отрокъ, благообразенъ зѣло. Отрокъ же узрѣ старца на берегу // (л. 336 об.), глагола ему: «Что, старче Агапие, здѣ твориши и почто прииде сѣмо, и кто тя приведе?» Агапий же, чудяся зѣло, что младый отрокъ именемъ его нарицае, Агапий же вся поряду повѣда, яже отъ ангельскаго явления и до корабля. Отрокъ же повелѣ ему сѣсти въ кораблець близъ себѣ и мало опочинути отъ путнаго шествия. Преподобный же вшедь въ кораблець и почи мало.

И абие воспрянувъ от сна, и узрѣ себѣ на друзѣй странѣ моря вскрай берега лежаща. И ту древеса многа различна со многими плодами цвѣтуща, и яголичия, и гроздия. Агапий же вземъ единъ гроздь, и яде, и насытится. И поидѣ въ путь свой посредѣ дивныхъ тѣхъ древесъ, и узрѣ малу стезицу, и иде по ней. И видѣ древеса краснѣйша, // (л. 337) паче первыхъ, со многими различными плодами, и отъ нихъ благоухание исходяща, и многими араматы цвѣтуща. И свѣтъ неизреченный осияющъ во всю вселенную. И тамо никогда не бысть нощи, но всегда день немерцающій и свѣтъ неизреченный.

И прииде на мѣсто непроходимое, идѣже нѣщии сѣдѣше на колесницахъ, и возрѣ къ востоку, и видѣ грядущихъ къ нему 12 мужей и посредѣ ихъ единаго мужа, страшна зѣло и велика, и власы долзѣ имуща. Агапий же ниць поклонися ему со страхомъ многимъ и рече ему: «Владыко Господи, не могу зрѣти на тебѣ, яко мнозѣмъ страхомъ одержимъ

есмы». Страшный же онъ мужъ возва его, глаголя: «Востани, старче Агапие, от земли, не бойся. Прииди сѣмо и возвѣсти ми о семь, како прииде здѣ и кто // (л. 337 об.) ты приведе». Отвѣщавъ же Агапий и рече: «Господи, не могу азъ, окаянный, вѣщати, како придохъ, ниже зрѣти на свѣтлость лица твоего и красоты сихъ мѣсть красныхъ». Страшный же онъ мужъ рече ему: «Агапие, человекъ во плоти сѣмо не можетъ внити, здѣ бо два мѣста: едино, одесную^д, – свѣтъ неизреченный и рай Божий, мзда праведнымъ; а другое, ошую^е, – адъ и мука вѣчная и гроза неисповѣдимая, уготованая дияволу и грѣшником, подобнымъ ему; тамо бо студь и огонь страшный немилостивым и сквернителем. Но ты, старче, поиди одесную страну пополудни стезицею малою, и егда доидеши, узриши тамо градъ, от драгаго камня сотворень, и многоцѣннаго бисеру свѣтящъ от него, яко лучи солнечныя. И подлѣ стѣны тоя поиди // (л. 338) и узриши тамо оконце мало, и сотвори молитву, и отверзеть ти мужъ страшень, именемъ Илия. И моли его, дабы ты пустиль во градъ». И се рекъ страшный оный мужъ ко Агапию и отиде в путь свой со 12-ю мужи.

Преподобный же Агапий воставъ от земли и поиде в путь свой, идѣже сказа Господь. И иде многое время и узрѣ оный прекрасный градъ, от драгихъ камней сотворенный и свѣтящися, яко солнце. Высота тому неизреченная, яко не мощно человеку высоты дозрѣти. Егда же доиде до оконца и сотвори молитву, и отверзе ему оконце мужъ старъ, иже Илия нарицается, и рече ко Агапию страшнымъ гласомъ: «Почто сѣмо прииде, и кто ты приведе здѣ? Ибо человекъ во плоти здѣ не можетъ внити». Отвѣща Агапий ко Илии, рече: // (л. 338 об.) «О великий пророче Божий Илие, призри на мя, грѣшнаго старца, ибо и сам ты с плотию взять еси вихремъ на небо. Но введи мя во градъ сий». И повѣда ему Агапий все порядку, како Господь посла его до здѣ и прочее. Тогда Илия приемъ Агапия за руку, и введе и во градъ, и показа ему прежде реченныя прекрасныя мѣста и различныя красоты, дръвъ и садовия, полаты дивныя, и птицы райския. Посредѣ же дръв тѣхъ уготованы быша 12 престоловъ, украшенныхъ златомъ и каменiemъ драгимъ, и посредѣ ихъ единъ престольъ превыше всѣхъ, предѣлянь багряницею червленною. Окрестъ же его стояху херувими и серафими и множество ангель и архангель, непрестанно славяще Бога в трехъ лицѣхъ. С восточную же страну узрѣ образъ Господа нашего Исуса Христа, велий страшенъ // (л. 339) зѣло, лучи испущая паче солнца сияюща, яко не мощно человеку зрѣти на него. И рече Илия: «Не ужасайся, Агапие, сей будетъ судити живыхъ и мертвыхъ и комуждо воздасть по дѣломъ его». И посемъ показа Илия кладезь великъ, украшенъ златомъ, а в немъ вода бѣла, яко млеко. И даде Илия тому старцу воды испити, Агапий же, испивъ тоя воды, возвеселися и забывъ всю свою печаль. И рече Илия ко Агапию: «От сего кладезя напоить Господь праведныя души».

И повѣде Илия Агапия внутрь града, и показа ему райския мѣста и прекрасныя дръва со многоразличными плодами, и цвѣты, и овощиями. Посредѣ же дръвесь тѣхъ уготованъ столь великъ, на столѣ уготована трапеза с предложенными хлѣбы. Илия же вземъ единъ от хлѣба и даде Агапию, и ядше, насытишася. // (л. 339 об.) И рече Агапий ко Илии: «Человече Божии, даждь ми здѣ мало мѣста, хотя во единомъ углѣ да живу». Отвѣща Илия: «Безъ воли Божии здѣ человекъ во плоти не можетъ жити». И отрѣза Илия полхлѣба и даде Агапию, и положи в мантию, и рече ему: «Поиди, старче Агапие, во вселенную и неси полхлѣба, и повѣждь християномъ славу Божию и тамо уготованъ».

^д Приписано на поле

^е Приписано на поле

ная благая праведнымъ, такожде и грѣшнымъ страшныя и грозныя муки, да разумѣвше, останугъ зло творити». И вопросы Агапий Илию показати ему путь во вселенную. Агапий же падъ, поклонися Илию до земли, и въземъ благословение, и поиде в путь свой, радуяся и дивяся, яко такова видѣннѣя сподобилъ его Господь.

И прииде вскрай моря, и ста близъ моря, и нача помышляти, како бы ему // (л. 340) возможно преити море. И по часѣхъ нѣкоемъ узрѣ корабль плавающъ великъ, и приплы ко берегу, идѣже Агапий стояше. Онъ же возрадовася зѣло и вниде в корабль. И видѣ множество человекъ мертвыхъ, яко до 200, и два живы точию. Агапий же вопросы оныхъ дву человекъ живыхъ: «Откуда есте и камо грядѣте?» Они же отвѣщаша: «Из Ерусалима града купцы, куплю творяще. И се уже пять на десять лѣтъ плаваемъ по сему морю и не можемъ себѣ истиннаго пути обрѣсти, еже бы возвратитися во свою землю. Се уже и дружина наша вся изомроша от гладу». Преподобный же дивися сему и въземъ от хлѣба райскаго и отрѣза малъ кусъ, и даде живымъ, и они узрѣвшася, и помаза тѣмъ же хлѣбомъ мертвымъ, и тии вси воскреснуша. И бысть в томъ корабли // (л. 340 об.) радость велика, и тако прославиша Бога, прославляющаго своя угодники. Преподобный же Агапий, въздѣвъ очи на небо, и помолися Богу о плавании благополучьнѣмъ, и абие поплы корабль по морю тѣмъ вѣтромъ ис того немерцающаго свѣта в другий свѣтъ, гдѣ узрѣша солнце, луну и звѣзды.

И приплыша ко граду Иерусалиму. Людие сея страны вси изыдоша в срѣтение старца. Во градѣ же томъ многоразличными скорбьми преподобный Агапий исцѣли тѣмъ же хлѣбомъ. И потомъ изыде из града того, не хотя славимъ быти от человекъ. И прииде на край моря, и дошедъ нѣкоторыя каменныя горы. И видѣ в ней уготована пещера повелѣниемъ Божиимъ, и вселися в ню. И тако трудися в ней 15 лѣтъ постомъ и молитвами день и ночь. И потомъ впаде в недугъ // (л. 341) тѣлесный и мало поболѣвъ и предаде в руцѣ души Господеви. И исполнися пещера та благоуханія.

По преставлении же святаго Агапия приидоша до пещеры тоя два юноши нѣкыя, ловь творяху звѣрей, и узрѣша: мощи святаго на одрѣ лежаху и хартию в руцѣ держаша, и от тѣла лучи испущая. И ужасошася, и скоро шедше, повѣдаша во градѣ вся, яже видѣша. Такоже и патриарху. Иерусалимский же патриархъ слышавъ и абие поиде до пещеры со всѣмъ соборомъ. И видѣ тѣло святаго, святящася и хартию в руцѣ держаше. И приникъ облобызаша мощи его, и тако приимъ хартию и прочетше, како Агапий быв во плоти в раю и какия творяше чюдеса. И тако отпѣвше надгробная, погребоша мощи святаго, славяща Отца и Сына и Святаго Духа // (л. 341 об.).

(НБ СыктГУ. УЦ р. 46, электронная копия, л. 335 – 341)

ПОВЕСТЬ О Б АПОСТОЛЕ ФОМЕ, КАК ОН СТРОИЛ ПАЛАТУ ИНДИЙСКОМУ ЦАРЮ

Повѣсть и дѣяние святаго апостола Фомы, како онъ строилъ полату индѣйскому царю

Октября 6 дня^а. Во времена проповѣди святыхъ апостоль, егда святии апостоли во Иерусалимѣ меташа жребий, кому куда ити проповѣдати слово Божие, случися Фомѣ жребий в страну Индийскую учить заблуждшия люди. Фома же не хотяше ити тамо, зане люди идолопоклонницы, жестоцы нравомъ и образомъ. И абие явися ему Господь во снѣ нощю, глаголя: «Не бойся, Фома, благодать моя с тобою есть. Поиди! Азь тя наставлю тамо без труда». Онъ же еще не послушаше.

И абие прииде от Индѣи купецъ, именемъ Авванъ, посланъ от царя Гунгафора купити древодѣля или зиждника. Господь же рече // (л. 342) купцу Аввану: «Хощеши ли купити древодѣлю?» Онъ же рече ему: «Ей, Господи». И Господь глагола ему: «Имамъ древодѣля хитра, да ти продамъ и». И показа ему издалеча апостола Фому и совѣща с нимъ. И взя Господь от купца Аввана 10 шлягъ сребра и написа куплю его сице: «Азь Исусъ, сынъ Иосифовъ, от Вифлиемския веси Иудеи, продаю ти жидовина именемъ Фому, купче Авване, человека моего раба».

По окончании купчей приведе Господь Фому ко Аввану купцу и вда ему. И вопроси Авванъ: «Знаеши ли своего Господа?» И рече Фома: «Сей есть Господь мой», показа на Иуса. И рече Авванъ: «Азь купихъ тя у него». Фома же молчаше. Наутрии же, помолився Господеву, рече: «Воля твоя буди». И иде ко Аввану купцу, ничтоже с собою нося, токмо цѣну свою, вдасть бо ему Господь // (л. 342 об.), рекъ ему: «Благодать бо моя буди с тобою».

Влѣзшима же има в корабль, вопроси апостола Авванъ, глаголя: «Кое дѣло умѣеши?» И рече апостоль: «Древом убо – рала, хомоты, колеса, корабли, весла, кормила; каменiemъ же – столбы, церкви, дома царския». Тогда Авванъ с радостию рече: «Азь такава зиждица давно ищю».

Бывшу же вѣтру добру, доплыша же града одинаго, веселящеся, индийския земли именемъ Мадрохъ. Влѣзшима же има во градъ и слышаху гласъ мусикийскъ и арханъ, и свирѣлей. Фома же вопрошаше, глаголя: «Что убо вопль веселия сего сущий во градѣ семь?» Глаголаша же ему, яко царь хощетъ дщерь свою вдати браку, да того ради веселие се бысть. Царь же посла проповѣдники, глаголя // (л. 343), да вси соберутся во градѣ и во окрестныхъ мѣстѣхъ на бракъ, богатии и нищии, раби и страннии. Аще ли кто слышавъ и не приидеть на бракъ, повинень есть царьскому суду.

Глагола же Авванъ Фомѣ: «Поидевъ к царю на сий бракъ, да не разгнѣвается царь, паче же и странна суца». Обитаста же в гостинницѣ, и мало почивше, приидоста на бракъ. Апостоль же единъ сый от обою на 10, посреди же всѣхъ возлеже, и вси на нь взираху, яко на странна и чюжеземца, бѣше бо и зраком красень. Вечерявшимъ же всѣмъ и веселящимся, Фома же никакоже вкуси с ними. Возлежащии же глаголаху ему: «Ты почто прииде сѣмо не ядый, ни пия?» Апостоль же отвѣща к нимъ, глаголя: «Азь, братие, не ядения ради ни пития приидохъ сѣмо, но царскую // (л. 343 об.) волю исполняю, якоже и проповѣдницы возвѣщаютъ: аще кто не приидеть, повинень есть суду царьскому».

^а *Написано на поле*

Вечерявшимъ же всеѣмъ овии главу помазываютъ, а друзии браду, инии же иная мѣста. Апостоль ся по темени помаза, и по сердцу, и по нозрѣма, и вѣнецъ мурсиновъ на главу си возложивъ, и трость сурову в руцѣ си держаше. Ту же хождаше и свирѣльникъ нѣкий. Прииде же близъ апостола, свиряя над главою его. Оному же зрящу на землю, и един от чванчий пришедъ, зауши апостола, рекъ: «Прииде на веселие, нѣ подобаеъ сѣтовати и зрѣти долу, но с пирующими веселитися». Возрѣвъ же апостоль на нь и глагола ему: «Господь мой да оставитъ ти в будущий вѣкъ, а в сий да покажет ти чудо: рука твоя, зашившая мя, да узрю псы влачиму». И нача пѣти // (л. 344) елико часъ единъ. Егда же преста, на нь вси взираху, не разумѣюще глаголемыхъ имъ, но видяху зракъ его измененъ. Свирѣльникъ же все сие разумѣ и отступль от него, инѣмъ свиряше. Егда преста, всеѣмъ свиряя, противу ему сѣде, взираше на нь, когда отидеть от пира: возлюби бо его, яко своего си землянина. Чванчий же, зашивый апостола, изыде на студенец почерпсти воды, и улучися ту быти льву, иже излѣзъ, порази и, и растеза его на уды, отиде. Тогда пришедши пси и взявше уды его. Единъ же песь похвативъ десную его руку и внесе посредѣ пирующихъ. Они же видѣша, убояшася и глаголаху: «Кто погибе от насъ?» Потом уразумѣша, яко чванчий, бивший апостола, того бо есть рука. Абие же свирѣльникъ оный сломль // (л. 344 об.) вся свирѣли и пред ногама апостола поверже, глаголя всеѣмъ: «Братия моя, сей человекъ или Богъ есть, или апостоль Божий. Азъ бо слышахъ его жидовскимъ языкомъ рекша чванчию: «Узримъ руку, зашившую мя, псомъ влекому». И еже рече, збытсися нынѣ, яко же нынѣ видимъ». Овии же яша вѣру свирѣльнику, овии же не яша.

Слышавъ же царь таковая, пришедъ, глагола апостолу: «Прииди со мною, да помолитися за дщерь мою, яко единачада ми есть, днесъ бо отдаю мужеву». И поемъ, введе в чертог. Апостоль же помолися и, утвердив и, изыде, рекъ има: «Миръ Господень и благодать да будетъ с вами». И иде в путь свой. Всеѣмъ излѣзшимъ, и женихъ запону чертожную извлече да и нѣвесту введетъ к себѣ. И видѣ подобна Фомѣ стояща и бесѣдующа с нѣвѣстою // (л. 345), и глагола к нему: «Не первие ли всеѣхъ изыде, то како обрѣтесе здѣ?» И рече Господь к нему: «Азъ нѣсть Фома, но братъ его есмь азъ». И сѣдъ, начатъ учити и глаголати: «Помяните, чада моя, еже брат мой бѣсѣдова с вами, разумѣйте глаголы его и соблюдайте, и избавлени будета от всякаго тлѣннѣя», и прочее. И тако поучивъ я Господь и изыде.

Слышавъ же юноша и отроковица, вѣроваста в Господа Иисуса Христа и быста всю ночь никако же уснувшѣ. Воутрии же вниде царь в чертогъ и видѣ нѣвѣсту непокровеннымъ лицемъ сѣдящу. И рече царь: «Почто тако сѣдиши, яко бо много лѣтъ поживъ с мужемъ своимъ?» И рече царю дщи: «Воистинну, отче, во мнозѣй любви есвѣ. И Господу нашему моливѣся, яко покровъ студа отятъ Господь от мене, зане иному браку сочетаны бысть // (л. 345 об.)». Тако же и юноша рече: «Хвалю тя, Господи Иисусе Христе, явивыйся намъ, страннымъ рабомъ твоимъ, свободей мя от временныхъ». Си словеса слышавъ царь, растерза ризы своя, вопия и рече: «Шедше, приведите ми лестца онаго, азъ бо своима руками погублю и. Аще кто приведетъ ми и спасетъ дщерь мою, что же просить, дамъ ему». Шедше же посланнии, обходиста всю землю ту и не обрѣтоша и. Юноша же оныя по времени слышавше, яко апостол во Индии учить, и шедше, прияша от него баню крещения во имя Отца и Сына и Святаго Духа, и благодатию Божию просвещени бывше.

Егда же апостоль прииде во Индию со Авваном купцемъ, и возвѣстиша о зиждницѣ. Слышавъ же царь, возрадовася и повелѣ внити Фомѣ. И вопроси его царь: «Кое (л. 346) дѣло умѣеши в зиждевѣ?» Отвѣшавъ Фома: «Древомъ убо – рала, и колеса, весла, и ко-

рабли, кормила; каменiemъ же – столпы, церкви, дворы царския». Царь же радости исполнися, рекъ: «Азь такова хитреца требую, ибо азь хочу полату во Ефесѣ сотворити краснѣйшу. Можеша ли ю управити?» И апостоль обѣщася. Царь же поемъ и и много бесѣдова о здании полаты. Фома же начерта царю всё строение полаты хитро, яко дивитися царю. И приидоша на мѣсто, идѣже хотяше полату здати, и глагола царь: «На семь мѣстѣхъ хочу!» Рече же апостоль: «И мѣсто подобно есть на создание и зѣло полезно, ибо воду имѣя изобильну». И рече царь: «Начни и нынѣ». Онъ же рече: «Нынѣ не могу, царю, ибо строити полату от новаго месяца и до того же». Отвѣща царь: «Всякое // (л. 346 об.) здание в лѣтѣхъ зиждется, а ты в зимѣ хоцещи начати». Рече же апостоль: «Тако подобаетъ, царю, дабы здание прочнѣе сотворити, а ты можеша нынѣ поити во свой градъ». Тогда царь моли апостола начертание сотворити по земли основание полаты. Взем же апостоль трость, нача творити начертание и мѣру полаты: оконца бо на востокъ, свѣта ради, а двери на западъ, хлѣбницу на югъ, а водовождю на сѣверь. Видѣвъ же царь образъ, похвали и рече: «Поистиннѣ, отче, хитръ еси, и подобаетъ ти нынѣ цареву служити». И оставль ему злата много и отиде. И на всяко время посылаше ему^б злато, и сребро, и брашно обильно. Апостоль же, обхождаше вся грады, раздавая требующимъ цареву злато и сребро. Царь же увѣдѣти // (л. 347) хотя, аще создана бысть полата. И посла ему нарѣчие апостоль: «Полата создана уже бысть, точию недостало злата на покровъ ея». И абие царь Мамѣр и злата много и сребра посла ко апостолу, рече, дабы краснѣйши кровь полаты соверши и писаниемъ подтверди. Примъ же апостоль злато цареву, руцѣхъ воздѣвъ на небо и рече: «Хвалю тя, Господи Исусе Христе, яко имиже вѣси судбами, приводиши человеки ко спасению!»

По времени же мнозѣхъ прииде во градъ царь, вопрошая о полатѣхъ други своя: аще создалъ есть и каковы красоты. Отвѣщаша к нему и глаголаху: «Не точию не создалъ, но и злато твое и сребро раздая все нишимъ. Еще же и иного Бога проповѣдуетъ и чудеса нѣкая творить во имя Бога своего: мертвеца воставляет, хромыя и слѣпныя цѣлитъ, бѣсы отгонит. Ходить же // (л. 347 об.) во единой ризѣ, ядь же его – хлѣбъ и вода. Еда волхъ, еда апостоль Божий, яко знаменія елика творить со властью мноною, тако же и постится часто».

Слышавъ же сия царь, руками бия и исполнися ярости, и повелѣ привести апостола. И яко прииде, рече ему царь: «Создахъ ли еси ми полату?» И отвѣща Фома: «Создалъ, царю». И рече царь: «Поидема, да видимъ ея доброту». И рече Фома: «Мнѣ мнитися, яко в сем житии видѣти тоя полаты не можеша, а когда от жития сего изыдеши, тогда в ню вселишися». Царь же разгнѣвася на обою и повелѣ купца Аввана и апостола в темницу воврещи, дондеже увѣсть, куда дано цареву злато, и тогда обою лютеѣйшей смерти предастъ. Апостоль же радъ бывъ и купца тѣшаше, глагола: «Не буди // (л. 348) печалень, брате. Вѣруй ми, яко не токмо скоро свободимся от темница, но и чести величѣй сподобимся от царя». Купецъ же укаряя апостола яко обольстителю, и его ради смерть примет. Фома же увѣряя не скорбѣти, но радоватися.

В ту же ночь царевъ братъ от печали, приключышияся цареву, в болѣзнь впаде и призва брата своего, царя, и глагола ему: «Азь, твоея ради печали стуживъси, умираю. И упокой ми тѣло». Царь же обѣщася брату, драгоценною порфиною обвивъ, положити. И абие из тѣла душа его отлучися. В той часъ поемшу душу царева брата ангели и нешоша ю в райская мѣста, показываху ей праведныхъ жилища. И яко достигоша той пола-

^б *Написано над строкой*

ты, которую Фома созда царю, и вопросиша ю ангели Божии, в коемъ мѣстѣ хочетъ жити // (л. 348 об.). И отвѣща душа, рече к нимъ, показав едину из полатъ: «Молютися, господие мои, в сей полатѣ, аще волита ми, во едином углу жити хощу». Рекоша же ей святии ангели: «Ту не можеша жити: та бо брата твоего есть, юже созда странный онъ Фома». Отвѣщавъ же душа тако ангелом Божиимъ: «То не дѣйта ми, но возвратита ми, молюся вамъ, господия моя, в миръ, и азъ искуплю от него, не вѣсть бо онъ доброты тоя полаты». И абие испустиша душу ангели Божии, и прииде в тѣло, и оживе.

И воставъ, глагола ко своимъ: «Шедше, призовите ми брата моего, царя, да испрошу у него нѣкое прошение». И яко возвѣстиша царю о братѣ ожившемъ, скоро иде с радостию. И пришедъ, облобыза его. И рече братъ ко царю: «Вѣдѣ, яко аще быхъ просиль у тебѣ, брате // (л. 349) мой любезный, аще бы просиль быхъ до полуцарствия, не^в послушался бы своего брата?» Царь же рече с радостию: «Поистиннѣ, брате мой! Брату моему возлюбленному дарствую, яже хощеша». Тогда рече к нему братъ: «Да аще толико любиши мене, своего брата, то прошу у тебя единого дара, да мя не отщетиши?» И рече царь: «Под рукою моею дарствую». И с клятвою слово подтвердивъ. Тогда царевъ братъ явѣ объяви прошение свое, к тому же прирече: «Все мое богатство возми, точию даждь твою полату, на небесѣхъ созданную страннымъ Фомаю на твое злато». Слышавъ же царь, бысть надолзѣ безгласенъ. Таже царь^г глагола к брату: «Откуда мнѣ сия полата?» Онъ же нача повѣдати, яже видѣ, и красоту ея, яко бо иже нѣсть ни по всей земли // (л. 349 об.). Тогда царь разумѣвъ, яко от сна воспрянувъ, рече: «Брате мой, вся тебѣ дарствую на земли, яже хощеша, а еже на небесѣхъ полату, самъ разсуди о сем: и есть таковой зиждецъ у нас, в темницѣ^д поими его и созидай таковую же полату. А клятву намъ подобает разрушити твердую».

И тако оба брата скоро потекоста в темницу и видеша, припадше к ногамъ его, просяще прощения. И изведше обою ис темницы. И купцу давше дары многия и с честью отпустивше восвояса, апостола же поемше в полату и начаша вопрошати его о вѣрѣ, и о законѣ оба брата. Фома же отверзъ уста своя и нача глаголати о рождествѣ, и учении, и о страдании Господни, и о воскресении его из мертвыхъ, и о втором пришествии Господни, и ина таковая, и яко приемлють, // (л. 350) сотворшии здѣ милость к бѣднымъ, в царствии небеснѣмъ вся благая, яже око не видѣ и на сердце человекъ не възде. Сия и ина многа научи и утверди обою брату, огласи и крести я во имя Отца и Сына и Святаго Духа. И тако обои брата, добрѣ поживше, въздоша в оныя прекрасныя палаты, радующеся. Апостоль же Христовъ устремися во иныя страны проповѣдати слово Божие. И во островѣ нѣкоемъ, от царя Егеда, копии сбоденъ, скончася и приять неувѣдаемый вѣнецъ от Христа Бога.

Его же молитвами и насъ сподоби царствию твоему, Христе Боже, нынѣ и присно и во вѣки вѣком. Аминь.

(НБ СыктГУ. УЦ р. 46, л. 341 об. – 350.)

1. Адрианова-Перетц В.П. Апокрифы // История русской литературы : в 5 т. М.; Л., 1941. Т. 1. Литература XI – нач. XIII вв. С. 71-86.

^в В рукописи описка неоу

^г Написано над строкой

^д В рукописи описка темницъ

2. Апокрифы древней Руси / сост., предисл. М.В. Рождественской. СПб.: Амфора, 2002. С. 173-178.
3. Белоброва О.А. Переводная беллетристика XI-XIII вв. // Истоки русской беллетристики. Л., 1970.
4. Бернштам Т.А. Русская народная культура и народная религия // Советская этнография. 1989. № 1. (Послание Василия Калики владыке Феодору о «земном рае»). С. 91-100.
5. Библиографические материалы, собранные А.Н. Поповым // Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете. СПб., 1889. Кн. 3. С. 67-71.
6. Бобров А.Г. Усть-Цилемская редакция «Сказания Афродитиана» // Устные и письменные традиции в духовной культуре Севера. Сыктывкар, 1989. С. 41-46.
7. Бобров А.Г. Апокрифическое «Сказание Афродитиана» в литературе и книжности Древней Руси : исследование и тексты. СПб., 1994.
8. Великие Минеи Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Октябрь 4–18. СПб., 1874. С. 815-822.
9. Волкова Т.Ф. Древнерусская литература в кругу чтения печорских крестьян. Сыктывкар, 2005.
10. Волкова Т.Ф. Житие Кирилла Белозерского в составе Усть-Цилемского Торжественника (К вопросу о рукописном наследии печорского книжника И.С. Мяндина) // Книжные центры Древней Руси. Кирилло-Белозерский монастырь. СПб., 2008. С. 411-421.
11. Волкова Т.Ф. Иван Степанович Мяндин – редактор древнерусских повестей. (Некоторые итоги изучения литературного наследия печорского книжника) // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. 57. С. 839-890.
12. Волкова Т.Ф. Эсхатологические сочинения в кругу чтения печорских крестьян // Мир старообрядчества: История и современность. М., 1999. Вып. 5. С. 279-288.
13. Гаева Е.П. Апокрифы «Хождение Агапия в рай» и «Деяние апостола Фомы» в печорской рукописной традиции : дипломная работа / науч. рук. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2007.
14. Ильина Ю.Н. «Слова» Кирилла, епископа Ростовского, и «Видение апостола Павла» в составе старообрядческого эсхатологического сборника из собрания Г.В. Вокуюева / науч. рук. Т.Ф. Волкова. Сыктывкар, 2000.
15. Лавров П.А. Апокрифические тексты. СПб., 1899.
16. Малышев В.И. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. Сыктывкар, 1960.
17. Мещерская Е. Н. Апокрифические деяния апостолов. Новозаветные апокрифы в сирийской литературе. М., 1997.
18. Мильков В. В. Церковные, народные и античные представления об ином мире в их отношении к апокрифическому образу рая // Древняя Русь. М., 1997.
19. «Сказание отца нашего Агапия чьсо ради оставляють роды и домы своя и жены и дѣти и възьмьше кръсть и идуть въ слѣдъ Господа яко же Евангелие велить» // Памятники литературы Древней Руси. XII век. М.: Художественная лит-ра, 1980. С. 154-165.
20. Творогов О.В. Апокрифы о апостолах Петре и Павле // Словарь книжников и книжности Древней Руси: XI – первая половина XIV в. Л., 1983. Вып. 1. С. 54-56.

21. Творогов О.В. Троянская история в переработках усть-цилемских книжников // Рукописное наследие Древней Руси. По материалам Пушкинского Дома. Л., 1972. С. 228-241.
22. Успенский сборник XII-XIII вв. / под ред. С.И. Каткова. М., 1971.
23. Черторицкая Т.В. Торжественник из собрания ИИФиФ: (Опыт описания сборника постоянного состава) // Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977. С. 162-198.
24. Черторицкая Т.В. О составе минейных Торжественников XV-XVI вв // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск, 1979. С. 13-27.
25. Черторицкая Т.В. О начальных этапах формирования древнерусских литературных сборников «Златоуст» и «Торжественник» (триодного типа) // Источниковедение литературы древней Руси. Л., 1980. С. 96-114.
26. Черторицкая Т.В. К вопросу о литературной истории древнерусского минейного Торжественника // Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск, 1982. С. 5-27.
27. Шепелевич Л.Ю. Апокрифическое «Видение святого Павла»: в 2 ч. Ч. 1. Харьков, 1891. Ч. 2. Харьков, 1892.

АРМИЯ И ВОЕННАЯ СЛУЖБА В РОССИИ XVIII-XIX ВВ. В НАРОДНОЙ ПАМЯТИ (НА ПРИМЕРЕ КОМИ СКАЗКИ «УЧИТЕЛЬ СВИНЕЙ»)*

В данной статье рассмотрены проблемы отражения реалий военной службы в России конца XVIII-XIX вв. в фольклоре народа коми на примере конкретной сказки. Проведенный анализ показал особенности сохранившихся в устном народном творчестве известий о военной службе в Русской армии и степень их достоверности.

Ключевые слова: *военная служба, воинская повинность, коми сказки, историческая память.*

The authors consider the problems of the reflection of the realia of military service in Russia at the end of the XVIII – XIX century in Komi people folklore (on the example of the specific folk tale). The analysis show the features of the news about military service in the Russian army and their authenticity degree preserved in the komi people's oral folk art.

Keywords: *military service, conscription, komi, folklore, historical memory.*

Исследование посвящено анализу сказки «Учитель свиной» с точки зрения выявления в ней реалий военной службы в Российской империи XVIII – начала XX вв. Русская армия вплоть до 1874 г. комплектовалась на основе рекрутской повинности, заключающейся в обязанности податных сословий (население Коми края было представлено по большей части государственными крестьянами и мещанами города Усть-Сысольска) выставляться по требованию правительства в указанные сроки новобранцев-рекрутов. В 1874 г. рекрутская повинность была заменена всесословной воинской повинностью.

Устное народное творчество содержит в себе отражение различных элементов народной жизни. Народные сказки могут представлять сведения о различных сторонах жизни и быта того народа, который их создал. Коми народные сказки не являются исключением, сюжеты о военной службе занимают в них заметное, но не преобладающее место. Сведения о воинской повинности по большей части отражены в так называемых солдатских сказках, главным героем которых является солдат. В народной памяти сохранились детали, связанные с военной службой, в частности указания на продолжительность службы, военные чины, ис-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 12-11009) «Рекрутская повинность в XIX веке в регионах России (на примере Европейского Севера страны)».

пользовавшиеся в армии оружие и амуницию, однако в большинстве подобных сказок очень мало говорится о военной службе, и можно выявить лишь некоторые детали [1, с. 46]. На этом фоне выделяется сказка «Учитель свиней» [3], которая хранится в архиве Коми научного центра в личном фонде Ф.В. Плесовского среди подготовительных материалов для сборника коми народных сказок, который, однако, так и не был опубликован. Сказка тяготеет к жанру авантюрно-новеллистических, главным героем является солдат в момент прохождения службы. Это отличает сказку «Учитель свиней» от других, где действие разворачивается уже после того, как солдат покидает службу. Еще одной особенностью сказки является сатирический подтекст в изображении реалий военной службы рассматриваемой эпохи, что не так часто встречается в других подобных сказках народа коми. В кратком изложении основная сюжетная линия сказки такова: Ивана из бедной крестьянской семьи забрали на службу в армию. Через десять лет службы он отпросился в отпуск домой. По дороге он выиграл в карты у генерала деньги и мундир, в другом городе женился на генеральской дочке, явившись в этом мундире к другому генералу. Затем Иван снова попытал счастья в карточной игре, но проиграл все, в том числе и мундир. Добравшись до дома, родным Иван объяснил, что его прислали учить военной науке свиней. Через некоторое время к Ивану приехала жена и привезла генеральский мундир. Обман вскрылся, но Иван попросил ее никому не рассказывать правду. Между тем отпуск закончился, Иван вернулся в полк в генеральском мундире. Вскоре привели Ивана к царю, которому он все рассказал. Царь удивился обучению свиней воинским наукам и приказал Ивану устроить парад свиней, который тот и провел. Так и остался Иван генералом, но уже настоящим.

В сказке «Учитель свиней» указывается срок службы в армии – 25 лет. Хорошо известно, что вплоть до конца XVIII века рекрутская повинность была пожизненной. В 1793 г. срок службы нижних чинов был установлен в 25 лет, а начиная с 1834 г. он неоднократно сокращался. Ко времени введения «Устава о воинской повинности» 1874 г. фактический срок службы составил 7 лет [4, с. 130, 132-133]. Однако народная память зафиксировала именно такой длительный срок службы – 25 лет. В сказке уточняется, что «через десять лет отпуск давали, на месяц, домой съездить» с уточнением, что «от царя закон такой есть» [3, с. 24]. Это соответствует реалиям того времени: солдаты имели право на отпуск в мирное время [5, с. 205].

В анализируемой сказке также упоминаются различные чины и должности, что нехарактерно для других фольклорных произведений. Прежде всего, основным персонажем является «солдат», также в сказке упоминаются «генералы». Необходимо отметить, что в солдатских сказках как коми, так и русских генералы выступают в роли отрицательного персонажа, а в сказке «Учитель свиней» они, скорее, показаны как персонажи нейтральные и даже положительные. Стоит отметить и тот факт, что в сказках под словом «генерал» понимается общее сокращенное наименование лиц, имевших различные генеральские чины, но в анализируемой сказке конкретно указывается «дивизионный генерал» [3, с. 27]. Такого чина в ар-

мии не было, по-видимому здесь подразумевается должность начальника дивизии (генерал-майор по своему чину). Из других военных чинов в сказке упоминаются прапорщик, фельдфебель и офицеры. В сказке «Учитель свиной» встречаются также указания на должности: ротный писарь, московский командир и «главнокомандующий над всеми» [3, с. 24, 27, 39]. Под «московским командиром», скорее всего, подразумевается командующий войсками Московского военного округа. А вот под «главнокомандующим над всеми» – вероятно, самый главный военный начальник, так как наименование «главнокомандующий» использовалось часто, в том числе и для обозначения командующих войсками некоторых военных округов, в военное время – для обозначения главного начальника армии.

В сказке также упоминаются различные виды деятельности, связанные с армией, в частности говорится об «инспекторском смотре» и «полевом суде» [3, с. 28, 42]. Есть и интересные сведения о вооружении и амуниции, например встречаются упоминания о шашке, нагане и револьвере [3, с. 26]. Все они были приняты на вооружение в российской армии во второй половине XIX века. Там же упоминается и сабля, которая в XIX веке являлась основным оружием кавалерии. В пехоте сабля полагалась только офицерам. Часто саблей называли шашку. Пехотные солдаты вооружались тесаками. Кроме того, в сказке «Учитель свиной» упоминаются шинель и такие знаки различия, как генеральские погоны, которые также появились в русской армии во второй половине XIX в. [3, с. 29].

В сказке даются достаточно подробные и достоверные сведения об армии рассматриваемого периода. Можно сделать вывод о том, что или сам рассказчик изначально был хорошо знаком с военными реалиями описываемой эпохи, или же народная память отлично сохранила эти подробности в сказочной форме.

Однако сказка «Учитель свиной» интересна не только сведениями о военных реалиях. В этой сказке остроумно высмеиваются практика набора на военную службу и армейские порядки, в частности о главном герое говорится: «этого в солдаты не возьмут», поскольку «в солдаты глупых не берут, выбирают поумнее, комиссия и доктора есть на это» [3, с. 23]. Несмотря на это, героя взяли в армию. Действительно, с 1776 г. рекрутов набирали специальные комиссии – рекрутские присутствия, с 1874 г. – присутствия по воинской повинности. В них входили чиновники, офицеры и врачи, причем последние в своей работе опирались на законодательно утвержденный перечень болезней, освобождавших от службы (в случае Ивана, например, по Наставлению врачам 1831 г., это был бы диагноз *stultitia*, глупость). Впрочем, современники отмечали, что медицинское освидетельствование было зачастую формальным, и люди с болезнями в армию все-таки попадали [2, с. 64-68].

Далее, по сюжету, Иван возвращается в родное село, где заявляет, что «его послали сюда свиной учить», за что потом дадут чин генерала. Еще и уточняет, что «пришел закон обучить свиной, от царя такой закон». [3, 30]. Ивану удастся обучить свиной. При встрече с царем он говорит: «Здесь вы двадцать пять лет учите солдат, меня самого тринадцать лет учили. У меня глаза есть, рот есть, уши есть, а научить не могут. А я за три месяца бессловесных животных, свиной научил, всем

командам научил, и все исполняют». Этим обстоятельством царь был доволен и попросил сделать парад свиней: «Свиньи, братец, задрали рыла как один, смотрят на царя... А тут все иностранные, все генералы глаза пялят» [3, с.41]. В результате главный герой стал «первым министром, после царя первым человеком» [Там же]. Конечно, здесь высмеивается глупость власти предрешающей и бессмысленность ее деятельности. Кроме этого, в сказке, вероятно, идет речь о неприятии населением самих основ воинской службы того времени и конкретно длительного срока службы, поскольку указывается, что научиться азам можно всего за несколько месяцев. Также высмеивается армейская муштра за счет ненавязчивого сравнения свиней и солдат в ироническом контексте, преклонение армейских чинов перед мундиром. Когда после отпуска Иван явился в свою часть в генеральском мундире, который ему проиграл настоящий генерал в карты, «все бросились наводить порядок, у кого чин побольше – бегут навстречу, двери открывают наперед» [3, с.37]. Отличился своим подобострастным поведением и «дивизионный генерал», к которому по дороге домой заезжал одетый в генеральский мундир Иван [3, с.27-28].

Как видим, в данной сказке очень подробно и достаточно достоверно отражены реалии военной службы в Российской империи. Наличие подробных деталей, несмотря на модернизацию в тексте некоторых терминов («комиссия», «призыв»), позволяет выполнить более точную датировку описываемых событий и отнести их ко второй половине XIX в., причем здесь в силу особенностей жанра и человеческой памяти получилось своеобразное наложение реалий двух эпох – дореформенной, «николаевской» (срок службы, приемы обучения), и пореформенной (генеральские погоны, вооружение, должности). Интересно и выраженное в сказке через иронию, судя по всему, негативное отношение населения к некоторым сторонам военной службы – практике набора людей в армию, длительности службы, методам обучения солдат.

1. Волокитина Н.А., Иванов Ф.Н. Отражение реалий военной службы в России конца XVIII-XIX вв. в коми народных сказках // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 6-2. С. 43-46.

2. Иванов Ф.Н. Формирование региональной сети рекрутских присутствий в Российской империи XVIII-XIX вв. (на примере Вологодской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2012. № 10-2. С. 63-69.

3. Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук (НА Коми НЦ УрО РАН). Ф. 15. Оп. 1. Д. 14.

4. Редигер А. Комплектование и устройство вооруженной силы. Ч.1 Комплектование армии. СПб., 1913.

5. Воинский устав о полевой пехотной службе 1797 г. Смоленск: Типография губернского правления, 1797.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ: НЕПОСРЕДСТВЕННОСТЬ И ДИСКУРСИВНОСТЬ

В статье рассматривается эволюция понимания природы политического в политической философии XX века. Так называемое онтологическое понимание политического свойственно для неомарксизма и экзистенциализма, в то время как альтернативное понимание природы политического формируется в рамках неоллиберализма, а точнее либертарианства. Проблема смерти политического и возможности его трансформации в иные формы социальности является центральной как для теории структуризации Э. Гидденса, так и для сценариев дальнейшего общественного развития в условиях глобального мира.

Ключевые слова: *онтология, конструкция, общественное благо, политическое действие, правовое государство.*

The article deals with the problem of the nature of political sphere. Marxism and existentialism defined political activity as the essence of the human nature. Liberalism defined political activity as a construction. This discussion is tightly connected with the projects of the global world. What can exist the world without politic as ontological definition of the human being?

Keywords: *ontology, construction, public benefit, political action, constitutionalism.*

Онтологический статус политического является одной из основных проблем политической науки второй половины XX – начала XXI вв. Это связано с процессом формирования демократических институтов и расширением совещательной практики, в рамках которой политическое как особая форма общественного бытия рассматривается в качестве производной от правовых и экономических отношений. Вместе с тем политическое как сущностное свойство человеческой природы продолжало отстаивать свою самостоятельность в работах, характеризующих модернистский подход к политической сфере. Здесь понятие политического рассматривалось и как классовое сознание, и как пограничное состояние, и как смыслообразующая категория социального пространства через противостояние «друг – враг». Во всех этих вариантах понимания политического оно представляло как онтологическая основа общественных отношений.

Конфликт между онтологической характеристикой политического и характеристикой его как своего рода рациональной конструкции, исходящей из поня-

тия гражданских прав и концепта «homo economicus», и составляет предмет рассмотрения данной статьи.

Критика онтологического проекта «научности» в философии марксизма. Онтологическое как политическое. Введение К. Марксом ряда понятий, связанных с материалистическим пониманием истории, предполагало нахождение некоей непосредственной основы исторического. Так, в «Немецкой идеологии» К. Маркс выделяет три первичных факта, определяющих исторический процесс, а именно производство орудий труда, расширенное воспроизводство потребности и воспроизводство человека. Причем эти факты представляют собой неразрывное единство, в котором два последних связаны с так называемой формой общения, а первый – с собственно родовой характеристикой человека – способностью трудиться. Именно эта способность определяет человека как производительную силу. Единство формы общения (впоследствии производственные отношения) и производительных сил создают собственно историческое бытие человека, которое определяется как способ производства.

Открытие Маркса свидетельствовало об обнаружении некоей «исторической субстанции», позволяющей свести все многообразие исторического к простой непосредственности форм воспроизводства жизни и производства. Казалось бы, Маркс нашел онтологическую основу социума, которая инвариантна, фундаментальна и обладает универсальной способностью объяснения всех общественных феноменов, которые отсюда вытекают (так называемые надстроечные формы). Таким образом, возникает тенденция рассматривать марксизм как онтологический проект, позволяющий установить некую инвариантную основу человеческого развития, которая даст возможность квантифицировать и измерить социальные процессы, так же, как это было возможным для естественных наук. О такого рода онтологичности марксистского проекта свидетельствовало знаменитое высказывание К. Маркса о том, что ветряная мельница дает нам общество с сувереном во главе. То есть производительная сила автоматически определяет способ производства и основные формы жизнедеятельности.

Вместе с тем в философии Маркса прослеживается и иная тенденция, связанная с понятием отчуждения и с его снятием. В «Философско-экономических рукописях 1844 г.» Маркс определяет человеческую природу не как просто способность трудиться, но как способность свободно трудиться. То есть сущность человека связана с таким трудом, который становится первой жизненной потребностью человека. Свободный творческий труд предполагает не только созидание нового как артефакта, но и, в первую очередь, созидание самого человека, его формы собственного воспроизводства. Подобное единство знания и бытия результируется в одиннадцатом тезисе о Фейрбахе, гласящем, что философы до этого времени познавали мир, в то время как речь идет о его изменении. В этом случае природа человека предстает не как нечто данное, но как цель, и собственно онтологическое и бытийственное находится не на заре истории, но в ее завершении.

Если первая трактовка философии марксизма дает нам экономический детерминизм, основывающийся на неизменности и абсолютности экономических законов, с неизбежностью приводящих к определенному общественному состоянию, то вторая приводит к относительности действия этих закономерностей. Это подтверждается фрагментом из наброска письма К. Маркса В. Засулич. На вопрос о том, может ли Россия миновать стадию капиталистического развития и, опираясь на институт общины, построить социализм, К. Маркс ответил, что само знание экономических законов является общественной силой, которая способна изменить действие «абсолютных» законов». «Именно благодаря тому, что она (община) является современницей капиталистического производства, она может усвоить его положительные достижения, не проходя через все его ужасные перипетии. Россия живет не изолированно от современного мира» [12, с. 401].

Таким образом, можно было выявить двойственность проекта марксистской онтологии. С одной стороны, способность трудиться создает неизменные экономические законы, и онтология человека и общества находится в непосредственности формирования и удовлетворения потребности, т.е. в том, что Э.Фромм трактовал как марксистский вариант коллективного бессознательного [13, с. 342-343]. С другой стороны, подлинная природа человека раскрывается в целерациональной деятельности, которая преобразует и изменяет изначальную человеческую природу. В этом случае именно целерациональная деятельность формирует действительность и надстроечные формы, такие как политика, являются источником исторического бытия человечества.

В рамках философии марксизма осуществляется критика вульгаризаторских тенденций, направленная на преодоление историцизма (в попперовском понимании) и вульгарного экономического материализма. Так, в своей работе «Пролетариат и история классового сознания» Г. Лукач подвергает критике «научную философию», на которую стремится опираться та часть рабочего движения, которая является носителем не революционного, но реакционного буржуазного сознания. «Исторический характер упомянутых «фактов», которые наука постигает якобы в их чистоте, однако заявляет о себе еще более роковым образом, а именно, будучи продуктом исторического развития, они не только находятся в постоянном изменении, но и являются – и как раз по структуре их предметности – продуктами определенной исторической эпохи: капитализма. Вот почему «наука», которая признает способ непосредственной данности фактов основной научно значимой эмпирии, а их форму предметности – исходным пунктом образования научных понятий, однозначно и догматически ставится на почву капиталистического общества, некритически воспринимает его сущность, его предметную структуру, его закономерности, рассматривая их как неизменный фундамент науки» [9, с. 110].

Конкретизируя понятие «общественное бытие», Г. Лукач использует понятие «исторический» материализм для того, чтобы противопоставить его вульгаризаторским тенденциям. Г. Лукач склонен здесь рассматривать «научность» современной ему естественно-научной философии как результат фетишизации и опре-

деленную форму ложного сознания, которое порождено иллюзией соответствующего исторического класса.

Само понятие бытие, в соответствии с учением Г. Гегеля, предполагает некую непосредственность и простоту, то есть отсутствие определений. Всякая определенность связана с работой мышления. В историческом бытии человек имеет дело с предметностью, но сама предметность является не чем иным, как носителем идеального, то есть рационального содержания, и поэтому является действительностью, то есть результатом развития разума. Принятие предметности за подлинное бытие возможно лишь тогда, когда происходит процесс отчуждения, связанный с отделением предметности от ее конкретно-исторического содержания, и превращение предмета в некий источник социальных сил и взаимодействий. Этот процесс вслед за К. Марксом Г. Лукач называет фетишизацией. Таким образом, онтология «научной философии» есть не что иное, как заблуждение и разновидность идеологии.

Необходимо отметить, что введение понятия «идеология» для определения социальной действительности неизбежно связывалась с предметностью как с действительностью, определялась конкретно-историческим подходом и подрывала возможность всякой системы не только в общественных, но и в естественных науках.

Так, вводя понятие тотальной идеологии, К. Мангейм указывает на то, что всякое объективное описание действительности практически обесценивается в тот самый момент, когда указывается на историчность и относительность данного описания, зависимость его от того, какое место в исторической действительности занимает идеолог [11, с. 88-89]. Необходимо отметить и то, что историчность социальной действительности была весьма тесно связана с понятием идеологии, а в итоге оба эти понятия ставили под сомнение возможность объективного описания социальных процессов в принципе.

Таким образом, мы видим, как в традиции марксизма подвергается критике онтологический проект, основанный на позитивности «наивного реализма», игнорирующий исторический характер социального бытия. Значит ли это, что в варианте Г. Лукача марксизм в принципе отказывается от какого-либо онтологического проекта. Отнюдь нет. Преодоление партикулярности и «зашоренности» классового сознания связано с изменением классовой ограниченности и формированием универсального человека. Как и ранний Маркс, Г. Лукач связывает этот процесс с особой исторической миссией пролетариата. Осознание классовой ограниченности влечет к ее преодолению. Это связано с тем, что сознание отдельного класса, а именно пролетариата, перестает быть только фактом психологическим [9, с.171]*, но обретает действительность в политическом действии. «Уже сам тот факт, что всякая пролетарская революция создает боевой орган совокупного пролетариата, вырастающий в государственный орган – Рабочий Со-

* Как признак оппортунизма в рабочем движении Г. Лукач выделяет стремление трактовать классовое сознание только как психологический феномен.

вет, и при том, делает это все более уверенно и сознательно, является, например, свидетельством того, что классовое сознание пролетариата находится на пути к победоносному преодолению буржуазности руководящего слоя пролетариата» [9, с. 175].

В данном проекте марксистской общественной онтологии в качестве основания бытийственного выступает борьба, а если быть более точным, то политическая борьба. Таким образом, в философии марксизма в варианте Г. Лукача политическое обретает онтологический статус. Политическое непосредственно связано с родовой сущностью человека. Именно в политической борьбе происходит самоидентификация человека. «Таким образом, то, что мы в подобных случаях рассматривали в объективном общественном плане как наличную родовую сущность, непосредственно, практически оказывается результатом таких борющихся сил, и сущность такого общественного бытия выражается именно в этой борьбе, причем всестороннее проявление борьбы, ее реальные противоположности, объективируя суть данной родовой сущности более глубоко и полно воплощают с точки зрения бытия объективную родовую сущность, чем только реальный исход борьбы» [10, с. 109].

В заключение обзора данного варианта общественной и политической онтологии следует отметить, что онтологический статус человека здесь определяется через человека политического. Для того чтобы не возникла возможность иного толкования общественной онтологии, Г. Лукач приводит высказывание К. Маркса из «Экономических рукописей 1857-1859 гг.», в котором К. Маркс природу человека определяет через понятие «homo economicus» [10, с. 105].

Экзистенциальный онтологический проект. Политическое как «граница существования» и источник права. Политическая и социальная философия модерна не только подвергает критике относительное и фрагментарное знание как идеологию, но и пытается создать собственную онтологию и при этом избежать ошибок «наивного реализма». Наиболее завершенным и известным проектом является экзистенциальная онтология М. Хайдеггера, радикальным образом противопоставившая предметность и бытие. Единственным свойством бытия в данной онтологии являлась его открытость, то есть принципиальная возможность иного как выведение из сокрытости. Помещение онтологического уровня на допредметный и доисторический уровень сущего дает возможность экзистенциальной онтологии не только претендовать на выявление подлинного уровня социального бытия, но и подвергнуть критике рациональность познания и социальной организации. Вместе с тем онтологический проект экзистенциализма предполагал возможность подлинного понимания и описания социума. Ложность социальной действительности связана с появлением массового сознания, в котором каждый индивид не принимает решения, а стремится к отказу от его принятия и взятия на себя ответственности. Осознание границы своего существования, выход за пределы «порядка существования» (К. Ясперс) дает возможность связать существование с бытием. Сфера принятия решения является границей существо-

вания, политическая сфера, а точнее государство, олицетворяет собой, с точки зрения К. Яспера, эту границу существования. Правильно определенное политическое демонстрирует себя как сферу ответственности и действительности, то есть политическое непосредственно соприкасается с бытием как с неопределенностью. Это дает онтологическое основание власти. В неистинном порядке существования же власть является сферой бюрократии, которая не принимает никаких решений, а с помощью компромисса и согласований создает видимость справедливости и в качестве товара предлагает обществу не решение, а некий паллиатив. «Стремиться к решению, это значит уже не определять свою судьбу, а осуществлять насилие, пребывая в прочном обладании властью» [17, с.320]. Ясперс упрекает государство за то, что на данном этапе оно не выполняет своей бытийственной миссии – быть границей порядка существования. Превратившись в бюрократию и будучи поглощено зоной безответственности, государство все больше уподобляется тому обществу, границей которого оно является. Причиной подобного процесса является так называемый процесс десакрализации, или процесс «расколдования мира». Обожествление государства являлось определенной формой наивной онтологии. Политик, принимая решения, вступал в отношение с судьбой или с божественным провидением, тем самым свидетельствовал о своей избранности и подлинности. Если бытие рассматривать как открытость, то именно политик в наибольшей степени соответствовал экзистенциальному идеалу, связанному со свободой, выбором и ответственностью. Более того, ответственность политика, его риск затрагивали самую основу его существования – экзистенцию как всепроникающее переживание жизни и смерти. В политике «наивное» представление о божественной и исторической обоснованности таких понятий, как нация, государство, давало возможность в политическом действии выйти на подлинное бытие как на несокрытость и свободу. Таким образом, государство и на мифологическом, и на рационально-дискурсивном уровне составляло бытийственную основу «порядка существования».

Экзистенциальная, или она же онтологическая, трактовка политического предполагает изначальность политического отношения и его первичность по отношению к другим сферам общественной жизнедеятельности. Такое представление о природе политического встречается у А. Кожева, когда он вслед за Г. Гегелем рассматривает политическое отношение господства как процесс, сопровождающий становление человеческого самосознания. Первый собственно человеческий акт – это действие, направленное на господство (или, как пишет А. Кожев, на желание другого человека «желание желания») над другим человеком. В этом акте человек отрицает свою животную природу через пренебрежение к смерти в борьбе и возвышается над ней и в самосознании, и в акте господства. «Чтобы человек был действительно человек, чтобы он сущностно и реально отличался от животного, нужно, чтобы его человеческое Желание действительно побеждало в нем его животное Желание. Но всякое Желание есть желание некоторой ценности. Для животного высшая ценность – его животная жизнь. В конечном счете, все Желания животного обусловлены желанием сохранить свою жизнь.

Значит, человеческое Желание должно побеждать это желание самосохранения. Иначе говоря, человек «удостоверяет» свою человечность только рискуя своей (животной) жизнью во имя своего человеческого Желания. В этом риске и благодаря ему человеческая реальность творит и являет себя как реальность; в этом риске и благодаря ему она «удостоверяет себя», т.е. показывает, доказывает, проверяет и подтверждает себя в качестве такой реальности, которая сущностно отлична от животной, природной реальности. И потому, когда речь идет о «происхождении» Самосознания, речь с необходимостью идет о риске для жизни ... Стало быть, когда речь идет о «происхождении» Самосознания, речь с необходимостью идет о борьбе за «признание» – борьбе не на жизнь, а на смерть. Без этой смертельной борьбы чисто престижного характера на земле никогда не появились бы человеческие существа» [8].

Другим примером онтологизации политического является понятие политического у К. Шмидта. Рассматривая содержание политического как отношение «друг – враг», Карл Шмидт указывает на то, что отрицание другого есть отрицание бытия другого, которое является неотъемлемой частью самоутверждения. Политическое является изначальным определением, к которому все сводится: «Политическая противоположность – это противоположность самая интенсивная, самая крайняя, и всякая конкретная противоположность есть противоположность политическая тем более, чем больше она приближается к крайней точке, разделению на группы «друг/враг» [15, с. 41]. Изменение смысла понятия политического, по мнению К. Шмидта, происходит именно потому, что его смешивают с понятиями «государственное» и «партийно-политическое». В первом случае это происходит из-за того, что в государстве смешиваются политически нейтральная область: правовая, экономическая, религиозная с политической областью, и тенденция подчинения политического хозяйственной и этико-юридической составляющей общества: «Либерализм в типичной для него дилемме «дух/экономика» (более подробно рассмотренной ниже в разделе 8) попытался растворить врага, со стороны торгово-деловой, – в конкуренте, а со стороны духовной – в дискутирующем оппоненте. Конечно, в сфере экономического врагов нет, а есть лишь конкуренты; в мире, полностью морализованном и этицированном, быть может, остались еще только дискутирующие оппоненты. Но, – считают ли это предосудительным или нет, или же в том, что народы реально разделяются на группы друзей и врагов, усматривают атавистический остаток варварских времен, или же надеются на то, что однажды это различие исчезнет с лица земли, а также хорошо ли и правильно ли, по соображениям воспитательным, выдумывать, будто врагов вообще больше нет, – все это здесь во внимание не принимается» [15, с. 41]. Таким образом, низведение политического до уровня государственно-политического позволяет элиминировать из политики изначальную онтологическую противоположность «друг – враг» и превратить политику в систему упорядочивания общественных отношений.

Политике уделяется место в обществе в виде политико-партийных отношений, которые представляют сегмент общественных отношений и вариант ослаб-

ленного противостояния оппонентов. В конечном счете, вся совокупность перечисленных К. Шмидтом определений политического имеет своей целью подчинение политического как изначально онтологического отношения индивидуальной морали и праву, то есть гражданско-правовому отношению. В этом случае появляется дилемма политическое – гражданско-правовое [15, с. 63]. При этом, в отличие от критикуемой им либеральной традиции, К. Шмидт не склонен рассматривать эти отношения как отношения преемственности, то есть как смену политических (то есть архаических) отношений правовыми, но постоянно присутствующий конфликт, имеющий бытийственные основания, и поэтому могущий прорваться в псевдополитическую партийную дискуссию гражданской войной. Внутри политическая дискуссия в ослабленном варианте возможна в рамках национального государства на фоне внешнеполитического противостояния. В случае же если ослабевает внешнеполитический фактор, то партийно-политические отношения могут продемонстрировать свой изначально абсолютный, бытийственный статус, превращаясь во внутригосударственное противостояние: «Если партийнополитические противоположности внутри государства без остатка исчерпывают собой противоположности политические, то тем самым достигается высший предел «внутриполитического» ряда, то есть внутригосударственное, а не внегосударственное разделение на группы «друг/враг» имеет решающее значение для вооруженного противостояния. Реальная возможность борьбы, которая должна всегда наличествовать, дабы речь могла вестись о политике, при такого рода «примате внутренней политики» относится, следовательно, уже не к войне между организованными единствами народов (государствами или империями), но к войне гражданской» [15, с. 42-43].

Вопрос о статусе политического не является лишь вопросом, связанным с отношением государство – общество. В нашем случае вопрос связан с тем, является ли изначально политическое отношение, связанное с господством и подчинением, сферой жизнедеятельности общества, которая относится к непосредственности и объективности, открывающейся человеку в действии, риске и свободе. Признание за политической сферой онтологического, то есть бытийственного статуса, дает право политику на проведение другой границы: справедливое – несправедливое. Данное отношение не может быть установлено исходя из сугубо рассудочных определений, поскольку всякое рациональное определение справедливости встречается с противоположным, которое является отрицанием предыдущего определения. Вопрос о справедливости не имеет решения на рациональном, то есть рассудочном уровне, здесь мы не найдем ничего, кроме многообразия мнений о том, что справедливо, а что нет.

Указанное отношение рациональности и справедливости мы встречаем у Г. Гегеля в его «Малой логике», когда он рассматривает понятие основания и в качестве примера работы с основаниями приводит деятельность софистов. Способность софистов доказать все что угодно, основывается на том, что Г. Гегель называет «перебором оснований», при этом устанавливается равенство всех позиций, поскольку всякое существование имеет некие основания. В этом случае

уравнивается позиция правого и виноватого. Действия вора так же обоснованы, как и действия добропорядочного гражданина. В этом случае справедливость превращается в вопрос о приоритете оснований, а при условии равенства всех оснований приоритет определяется случайными факторами: силой, искусством адвоката и пр. Г. Гегель отмечает, что на уровне рассудочной рациональности решение вопроса о справедливом и несправедливом не может быть достигнуто. Лишь только понятие способно определить приоритет той или иной позиции. Само же понятие есть не что иное, как всеобщее, то есть такое отношение, которое имеет дело не с отдельным человеком и его интересом, но с изначальной, то есть онтологической, природой всего человечества. «Сократ, как известно, вел борьбу с софистами, но он боролся с ними не тем, что противопоставлял их рассуждению авторитет и традицию, а скорее тем, что он диалектически вскрывал несостоятельность одних лишь оснований и в противовес последним выдвигал справедливость и добро, вообще всеобщее или понятие воли» [5, с. 285].

Политическое предопределяет правовое отношение, исходящее из определения границы рационального поведения. Источником права является понятие справедливого, которое формируется не в рамках правовых отношений, но является результатом политического решения, основанного на изначальном онтологическом статусе природы человека. Политическое как сфера, имеющая онтологический статус, является источником права в концепции Г. Гегеля (поскольку политическое является сферой всеобщего, а государство в своем идеале является реализацией нравственной идеи), в концепции К. Шмидта (поскольку политическое отношение «друг – враг» является первичным отношением, связанным с формированием прочих общественных отношений), в концепции А. Кожева, поскольку политическое отношение господства и подчинения служит источником основных принципов справедливости: равенства и эквиваленции) [7, с. 163-164].

Таким образом, в работах авторов, в той или иной степени принимающих приоритет политического над всеми другими общественными отношениями, формируется своеобразная триада: онтологическое – политическое – правовое. Поскольку понятие справедливости является источником правовых отношений, то последние возможны лишь тогда, когда они реализуются в соответствии с принципами существования основного политического института, а именно государства.

Деконструкция онтологического определения политики в либеральной традиции. В политической философии К. Шмидта противостояние политическое государство – правовое государство являлось основным и смыслообразующим. Также эта проблема была обозначена и в работах А. Кожева. Здесь шла речь о невозможности длительного сосуществования политического отношения и правового. По мысли автора, формирование гомогенного государства приведет к тому, что все общественные конфликты будут решаться на уровне правовых отношений. Но в данном случае, при удалении политического конфликт может перейти на другой уровень: правовое – онтологическое. То есть речь идет о том, что государственное устройство, лишенное политической составляющей, может

вступить в противоречие с самой природой человека, проявлявшейся доселе в политическом начале. Вывод о возможности такой перспективы делает Лео Штраус в полемике с А. Кожевым по вопросу о тирании: «Нет больше ни драки, ни труда. История подошла к своему концу. Нечего больше делать». Такой конец истории был бы событием и в высшей степени отрадным, если бы не тот факт, что, согласно Кожеву, именно участие в кровавых политических битвах, равно как и в реальном труде, или, выражаясь обобщенно, в отрицающем действии, – поднимает человека над скотом» [16, с. 320].

У рассмотренных нами авторов, а именно К. Ясперса, А. Кожева, К. Шмидта, сфера политического рассматривается как онтологическое начало, обеспечивающее существование человека, при этом сущность этой бытийственности состоит в том, что отношения господства и подчинения не мотивированы рационально, но, наоборот, являясь сферой экзистенциального, обеспечивают рациональность правовой сферы, обеспечивающей порядок существования. Для Л. Штрауса исчезновение политического начала в концепции гомогенного государства А. Кожева означает утрату человеческой сущности. Обобщая представленные концепции общественной онтологии, можно отметить, что все они объединены признанием за политической сферой онтологического статуса, обосновывающего рациональность правовых, экономических и социальных отношений. Вместе с тем само политическое, а точнее феномен политического превосходства, не может быть рассмотрен исходя из рациональных оснований. Данное превосходство опирается на политические ценности, которые безусловны, и именно они и составляют основную ценность, на которой держится гражданское общество, – справедливость.

Всеобъемлющая критика тоталитаризма в неолиберальной мысли тесно связана с критикой идеи приоритета политического над правовым и приоритета так называемого «всеобщего интереса». Ф. Хайек, отстаивая парламентаризм, выразил эту мысль следующим образом: «Социальные цели», общественные задачи, определяющие направление общественного строительства, принято расплывчато именовать «общественным благом», «всеобщим благосостоянием», «общим интересом»... В жизни мы постоянно и привычно совершаем ценностный выбор, и никакой социальный кодекс не указывает нам критерии такого выбора; мы не задумываемся о том, что наш моральный кодекс не полон. Нет такой причины и нет такого обстоятельства, которые бы заставили людей в нашем обществе выработать общий подход к совершению такого рода выбора» [14, с. 143-144]. С точки зрения Ф. Хайека, такие понятия являются своего рода абстракцией, которая ничего не значит. В рамках аналитической философской традиции формируется направление, полностью исключаяющее возможность использования абстрактных понятий, связанных со сферой всеобщего. В философии лингвистического анализа Л. Витгенштейн отрицает наличие некоего общего смысла в общих понятиях в целом, и в понятиях, которыми оперирует политическая идеология в частности. Смысл всякого понятия – это совокупность конкретных ситуаций, связанных с его использованием. Ни одно понятие не может быть рассмотрено как обла-

дающее единым смыслом для всех людей. Отсюда можно сделать вывод о том, что само понятие справедливости не может иметь общего определения, которое равным образом было ценным для всех людей. В контексте данного определения всеобщего как абстрактного практически сводится к нулю влияние политики на право. Если политика призвана задавать обществу общий горизонт справедливого, то ее ценность в каждом правовом случае будет минимальной. Справедливость здесь понимается как совокупность прецедентов по решению конкретных правовых задач. Таким образом, в аналитической и либеральной философии влияние политики на право является своеобразным пережитком, который будет устранен по мере дальнейшего «расколдования мира», вскрывающего бессмысленность политического языка и политической идеологии. Возможность правовых отношений без политики и политического языка становится основной проблемой политической философии. В определенном смысле классическая модель, основанная на отношении «политическое в форме национального государства – правовое» подвергается критике и предстает уже не в виде последовательности, а в виде дилеммы: политическое государство – правовое государство.

Современный политический либерализм в лице Б. Бэрри и Д. Роулса не отрицает приоритета политических ценностей. Так, основная политическая ценность – это справедливость, которая конкретизируется в других политических ценностях. «В справедливости как честности, некоторые из этих великих ценностей – ценностей справедливости – выражаются с помощью принципов справедливости в сфере базовых социальных отношений: политического и гражданского равенства, честного равенства возможностей, экономического обмена, социальной основы взаимного уважения граждан» [3, р. 139]. На первый взгляд, конструкция «политическое (онтологическое) – гражданско-правовое» совпадает и у тех авторов, которые не разделяют ценностей политического либерализма, и у его современных представителей. Различие состоит лишь в качестве этих ценностей. В основе онтологии Кожева и Шмидта лежит асимметричное отношение неравенства (друг – враг, господин – раб). В качестве политической ценности у Дж. Роулса мы видим идею симметрии и равенства. В качестве онтологического начала у А. Кожева и К. Шмидта лежит идея человека общественного, так как асимметричное отношение невозможно без другого. В основе же концепции либерализма мы видим единственного, равного всем таким же, как он, и не состоящего ни в каких отношениях с такими же, как он, кроме формального равенства.

Как с этой позиции определяется политическое? Демократия является таким режимом, который представляет собой рациональное господство, ибо большинство граждан поддерживают позицию того или иного лидера, опираясь на рациональные основания. Готовность поддержать и подчиниться рациональной доктрине возникает на основе общественного согласия или же на основе всеобъемлющего консенсуса. Правила этого консенсуса предельно просты и включают в себя следующие позиции:

«Первый принцип – Каждый гражданин должен иметь равные права на реализацию своих базовых свобод во всех сферах жизнедеятельности общества, по

сравнению с подобной системой свобод, предоставляемых всем остальным гражданам.

Второй принцип – Социальное и экономическое неравенство допускается в том случае, если они:

- а) исходят из значительного превосходства по целому ряду параметров и
- б) связаны с социальной позицией, открытой для всех в условиях честного равенства возможностей» [2, p. 52].

Сущность общественного консенсуса состоит в том, что граждане признают неравенство и считают его рационально обоснованным, а следовательно, готовы занять позицию, неравную по отношению к другому гражданину, добровольно. Данное определение правового государства перекликается с уже упоминавшейся работой А. Кожева «Источник права: антропогенное желание как исток идеи справедливости». И у Роулса, и у Кожева мы видим сочетание принципа равенства и принципа эквивалентности. Если первый является формальным основанием права, то второй служит сохранению первого принципа в условиях неравенства. Если неравенство есть, то оно должно компенсироваться. У Дж. Роулса неравенство компенсируется той пользой для общества, которую должен принести гражданин, занимающий высокую социальную или экономическую позицию. «Общество Роулса может платить таким людям гораздо более высокую зарплату по сравнению со средней, только при том условии, что от этого выигрывают все члены общества» [2, p. 55].

Онтология либерализма основывается на принципе «робинзоны», где реальностью является отдельный человек, а социальная природа конструируется на основе рациональности, которая создает тот самый авторитет, представленный как политическая власть в обществе. Вместе с тем теория Дж. Роулса ставит перед ее автором весьма непростую дилемму. С одной стороны, основной принцип справедливости заключается в том, что невозможно применять силу, компенсируя тем самым недостаток аргументации. «Основная точка зрения заключается в том, что считается бесосновательным стремиться усилить доктрину, в то время, когда мы можем отвергнуть эту доктрину как неверную, и нет никакой необходимости в этом усилении. И, наоборот: жизненно важно для идеи либерализма последовательно придерживаться того, что было бы бесосновательно использовать политическую власть для того, чтобы усилить нашу всестороннюю позицию, которую мы должны утверждать как обоснованную и истинную» [2, p. 138]. С другой стороны, необходимо показать, как из простого аргумента, воспроизводимого на уровне здравого смысла, появляется некий «всеобщий аргумент», оправдывающий политическое отношение асимметрии. То есть сначала должен возникнуть аргумент как консенсус всего общества, а затем уже политическое. Более радикальный Р. Нозик указывает на эту непоследовательность Роулса, отмечая то, что, вводя в свое рассуждение политический аргумент, он тем самым в качестве скрытой посылки использует идею неравенства.

Для того чтобы полностью избежать данного противоречия, Р. Нозик строит модель современного социального (максимального) государства, пытаясь пред-

ставить процесс передачи власти как результат акционирования капитала (т.е. способности распоряжаться самим собой), принадлежащему каждому из граждан. Сущность этой модели связана с попыткой показать возможность обоснования современных политико-государственных институтов, не прибегая к онтологизации (и иррационализации) политики.

В исследуемых нами подходах к понятию справедливости существует принципиальное различие в определении отношений господства и подчинения. С одной стороны, отношение неравенства является онтологическим базовым отношением, задающим общественные отношения как отношения асимметрии и неравенства, матрицей которых является политическое, то есть господство и подчинение в чистом виде. С другой стороны, общественные отношения рассматриваются как отношения абсолютного равенства, а политическое отношение является результатом эквивалентного обмена между членами общества, основанным на принципе рациональности, сохраняющем исходное равенство. То есть в первом случае политическое есть непосредственное отношение, предшествующее всем остальным отношениям. Во втором случае, политическое отношение возникает в обществе вследствие некоего обмена между изначально равными индивидами, и в случае рациональности и открытости данного обмена господство и подчинение не носит непосредственного характера, а опирается на добровольное договорное отношение, вытекающее из гражданско-правовой практики.

В случае определения политического как результата гражданско-правового конструирования мы приближаемся к тому, чтобы рассматривать институт как своего рода рынок, на котором обмениваются эквивалентные товары. Аналогия с рынком верна и потому, что именно здесь прослеживается превращение рационального отношения продавца и покупателя в условиях соприсутствия в объективные экономические изменения, обладающие такой характеристикой социального факта, как принудительность.

Если рассматривать институт как инструмент социального и политического обмена, то необходимо выяснить, является ли природа современного общественного института источником формирования асимметрии в общественных отношениях? Имеет ли данная асимметрия рациональную природу? Если да, то может ли она быть приведена к рациональности асимметричных отношений в том виде, в котором она была сформулирована Дж. Роулсом, а затем и его критиком Р. Нозиком? В самом простом приближении все эти вопросы могут быть сведены к одному: можно ли объяснить асимметрию современных общественных отношений, не прибегая к понятию политического?

Конструирование властных отношений. Теория структуризации Э. Гидденса. Предпринятое Э. Гидденсом исследование социальных макро- и микро-взаимодействий в его теории структуризации, на наш взгляд, является попыткой ответить на поставленные вопросы. Власть и принудительность являются существенными характеристиками социального факта. Природа этой принудительности не может, казалось, быть выведенной из простого взаимодействия индивидов на микроуровне. В последнем случае мы находимся в ситуации рациональной предсказуемости, чего не скажешь о макроуровне, когда политические, экономи-

ческие и социальные изменения демонстрируют, казалось бы, иррациональную природу принудительности социальных фактов, а следовательно, непредсказуемость и непосредственность, которая и находит свое наиболее адекватное выражение в сфере политического отношения, которое концентрируется в государственных институтах.

Э. Гидденс рассматривает природу властных отношений как результат организации двух видов ресурсов: аллокативных и авторитативных. Под первыми понимаются материальные свойства окружающей среды, средства материального производства, произведенные товары. Под авторитативными ресурсами Э. Гидденс понимает организацию социального пространства, воспроизводство человека, организацию жизненных шансов (стратегий) [6, с. 356]. Связь обоих видов ресурсов является информационным процессом, который и формирует отношения господства. «Хранение информации является, с нашей точки зрения, фундаментальным явлением, допускающим протяженности пространства и времени, и нитью, связующей различные типы аллокативных и авторитативных ресурсов в воспроизводимых структурах господства» [6, с. 361].

В основе отношений, существующих на макро- и микроуровне, лежит понятие противоречия, которое проявляется в том, что действия индивидов в условиях соприсутствия приводят к результатам, не совпадающим с целеполаганием большинства индивидов, участвующих в этих процессах. При определении власти как способности добиваться поставленной цели возникает представление о наличии некоей абстрактной силы, целеполагание которой связано с глобальной общественной природой.

Теорию структуризации Гидденса можно уподобить анализу, который применил в свое время Ф. Бродель в исследовании экономических институтов. Исторический анализ инструментов обмена от простого лотка до фондовой биржи позволил ему проследить эволюцию экономических отношений от ситуации соприсутствия до явлений макроэкономического уровня [4]. Э. Гидденс также осуществляет анализ, в котором прослеживает социальное взаимодействие от простого уровня соприсутствия до глобальных социальных изменений.

Весьма важным при анализе непосредственного взаимодействия является его пространственная организация, а также время этого взаимодействия. Увеличение количества аллокативных ресурсов приводит к расширению и рационализации их пространственно-временного размещения. Пространственно-временная организация является основным авторитативным ресурсом. Здесь непосредственное господство заменяется фиксированным положением актора в пространстве, в котором воспроизводится на наглядном уровне место актора в социальном взаимодействии. Повторяющееся во времени взаимодействие приводит к рутинизации, которая все же неспособна окончательно вытеснить у актора мотивацию, связанную с необходимостью собственного воспроизводства, отсюда у актора формируются определенные жизненные стратегии.

Противоречие возникает тогда, когда какая-либо стратегия становится преобладающей. Так, Э. Гидденс приводит в пример поведение акторов на рынке труда. Если большая их часть придерживается стратегии более позднего появле-

ния на рынке труда, то это приводит к противоречию, то есть к затруднению в реализации целей, поставленных индивидом, в то время как актер, предпочитающий раннее появление на рынке труда, оказывается в выигрыше и достигает поставленных целей. «Так, решения продолжить обучение с целью увеличить вознаграждение за труд могут непреднамеренно привести к обратным последствиям. Каждый индивид поступает так в надежде получить большую выгоду, однако, если подобным образом поведут себя многие, предполагаемого эффекта не будет» [6, с.418].

Источником противоречия является феномен, который Гидденс называет «дуальностью структуры». Структура формируется за счет четкого распределения ролей и закрепления их в пространстве. Парадигмой подобного пространственного закрепления ролей служат «тотальные институты», исследованные М. Фуко: тюрьма, клиника и психиатрическая лечебница. Подобно тотальным институтам пространственное распределение ролей в офисе, школе, фабрике закрепляется за счет проведения пространственной границы, которая отделяет наблюдаемую область от ненаблюдаемой (заднего плана). Отсутствие скрытой области в пространственной диспозиции свидетельствует о подчиненном статусе актора. Власть, выступающая как распределение ролей и их пространственное закрепление, формируется на трех уровнях: легитимация (структуры), поведенческая норма, санкция за ее нарушение в ходе взаимодействия [1, р.130]. Дуальность структуры состоит в том, что, с одной стороны, в рамках предполагаемых действий актора ожидается сознательное подчинение норме и структурированной власти, поскольку ограничения служат увеличению возможностей актора в учебе, работе и пр. С другой же стороны, актер принимает решения о подчинении или неподчинении норме в контексте своих жизненных стратегий и предшествующего опыта. «Во-первых, ограничения не вынуждают человека к совершению каких-либо действий, если его или ее не «подтолкнули» к этому предварительно [6, с.418].

Иными словами, дуальность структуры определяется следующими факторами. Структура рациональна, и накладываемые ею ограничения служат, в первую очередь, активизации деятельности, то есть введены в интересах актора. Если индивид действует «разумно», то его действия вполне напоминают монаду Лейбница, у которой свобода, рациональность и необходимость совпадают. Действия актора в структуре все же свободны, а следовательно, если актер не подготовлен к ограничениям, то его жизненные стратегии могут войти с ними в противоречия. Если же акторов, стратегии которых расходятся со структурными ограничениями, достаточно количество, то в этом случае формируется субкультура, которая может оказывать заметное влияние на соседнюю структуру.

Отсутствие четкой связи соседних структур и влияние субкультур приводит к феномену, который Э. Гидденс называет регионализацией. Под этим понятием понимается феномен, связанный с тем, что между соседними структурами может возникать непрямая зависимость, и поведение, отрицающее ограничения одной структуры, не только не разрушает соседнюю, но, наоборот, поддерживает ее

существование. Пример подобной регионализации у Э. Гидденса связан с поведением учеников одной из школ, расположенных в рабочем районе. Здесь открытое сопротивление школьной дисциплине детей из рабочих семей воспроизводит абстрактную рабочую силу, которая в дальнейшем будет использоваться на низкоквалифицированных работах. «В этом и заключается пафос, ибо если Уилсон прав, то контркультура «парней» приводит к тому, что их деятельность становится элементом системы, которой они противостоят, интегрируются с ее институтами сильнее, чем действия конформистов» [6, с.412].

Ситуация соприсутствия и возможность рациональной аргументации, обосновывающей социальную асимметрию, у Роулса построена еще на лейбнизианской модели рациональности, не предусматривающей возможность противоречия и иррациональности структуры. У Гидденса же ситуация соприсутствия, несмотря на противоречия, которые она порождает, остается рациональной. Однако эта рациональность двойка, о чем дает нам представление феномен дуальности структуры. В основе жизненных стратегий лежит информация, которую получают акторы из достоверных, с их точки зрения, источников. Конечный эффект от действий индивидов рационален, хотя и не носит линейного характера. Этот эффект может быть описан в рамках теории игр, где каждый участник исходя из имеющейся информации прогнозирует не только свои ходы, но и возможные ходы партнеров.

В этом случае источник социального принуждения носит не политический, а информационный характер. Концентрация политической власти в государственных институтах скрывала этот феномен за «экзистенциальными» трактовками политической власти. Развитие информационных процессов по мере выведения центров информации из сферы влияния национального государства приводит к феномену «расколдования» политического и потребности формирования информационной, не политической системы управления.

Вместо заключения. Эволюция понятия «политическое», как мы видим, может быть сформулирована в понятиях общественной онтологии, с одной стороны, и экономическо-правовой рациональности – с другой. В последнем случае наиболее последовательная позиция заключается в полном отрицании политического процесса как источника принятия социально значимых решений. Недостатки теории общественного договора, лежащей в основе либеральной трактовки политического, покрываются вначале в теории Дж. Роулса, который подобно И. Канту формулирует идею исходных принципов правового поведения, а затем более последовательно в либертарианском и неинституциональном подходе Р. Нозика, где сфера политического, а точнее возможность так называемого «максимального государства», рассматривается по аналогии с акционерным обществом. В конечном счете, в теории структуризации Э. Гидденса возможность власти рассматривается как следствие информационного процесса, где ресурсы распределяются на основе вероятностной модели. В этом контексте онтологическая модель политики рассматривается как архаическая форма, требующая своей деконструкции, т.е. «расколдования».

Основной вывод из данной теории также соответствует идеологии деконструкции и расколдования политического. В связи с доступностью информации и ее широким распространением она специализируется, а количество центров власти увеличивается. Так, например, специализируется экономическая информация в соответствующих инфраструктурных организациях, гуманитарная информация в так называемых гражданских движениях и пр. Границы между властью становятся не территориальными, а функциональными. В конечном счете, территориальная организация власти в виде государства демонстрирует свою безосновательность и неэффективность.

Эти прогнозы достаточно хорошо известны. Некоторые из авторов подобных прогнозов рассматривают этот процесс как положительный (Ф. Фукуяма, М. Кастельс), иные как отрицательный (З. Бауман, У. Бек, М. Хардт, А. Негри). Нам же хотелось в заключение напомнить те опасения, которые высказывали сторонники экзистенциального подхода по поводу деполитизации управленческого процесса. В первую очередь, это проблема открытости экспертной власти. Уже сегодня мы видим, что глобальные экономические проекты принимаются без соответствующей системы согласования. Так, например, совсем недавно стало известно о существовании строго засекреченной экспертной группы, представленной высшими чиновниками стран ЕС, которые разрабатывали втайне план спасения экономики, в случае дефолта – одной из стран. Этот недавний пример показывает, что экспертные центры власти стремятся ограничить доступ к информации, тем самым подвергая сомнению тезис об информационном и открытом процессе принятия решений. Во-вторых, речь идет о так называемом ресурсе доверия, т.е. гуманитарном аспекте сетевого управления. Принцип деполитизации означает рационализацию принятия решения, а значит, отказ от политической ответственности. Рассматривая экспертные группы как определенные технологические центры принятия решений, мы переносим вопрос об общественном благополучии в сугубо специальную сферу, которая неподвластна традиционной системе контроля политической власти. В этом случае последствия неправильного решения могут рассматриваться как технологический сбой, непредсказуемость техногенной среды и пр.

Сторонники экзистенциального определения политического, а сюда относятся и К.Шмидт, и М. Вебер, и К. Ясперс, опасались поглощения политической сферы государства бюрократической, поскольку направленная на реализацию технологии функционального управления бюрократия оказывается неспособной к политической ответственности, соответственно неспособна к изменению управленческой системы. Сфера политического в национальной демократии в ее классическом понимании служила своего рода границей «порядка существования» и источником его изменения, современные модели управления подобной границы и источника изменения лишены по определению.

1. Jones, M. Karsten, H. Giddens structuration Theory and information systems research // MIS Quarterly; Mar2008, Vol. 32. Issue 1.
2. Кумлика В. Contemporary Political Philosophy. An Introduction. Oxford: Clarendon Press, 1990.
3. Rawls J. Political Liberalism. New York, 1993.
4. Бродель Ф. Игры обмена : пер. с франц. М.: Весь Мир, 2007.
5. Гегель Г. Энциклопедия философских наук. Т. I. Наука логики : пер. с нем. М.: Мысль, 1974.
6. Гидденс Э. Усторение общества : очерк теории структуриации : пер. с англ. М.: Академический проект, 2005.
7. Кожев А. Источник права: антропогенное желание как исток идеи справедливости // Вопросы философии. 2003. №12. С. 163-164.
8. Кожев А. Введение в чтение Гегеля // Новое литературное обозрение. 1995. №13. С. 61-62.
9. Лукач Г. История и классовое сознание. Исследование по марксистской диалектике. М.: Логос Альтера, 2003.
10. Лукач Д. К онтологии общественного бытия. Прологомены. М.: Прогресс, 1991.
11. Мангейм. К. Идеология и утопия. Ч. I. М.: ИНИОН, 1976.
12. Маркс К. наброски ответа на письмо В.И. Засулич // К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Т.19. С. 401.
13. Фромм Э. Из плена иллюзий // Фромм Э. Душа человека. М., 1992. С. 300-349.
14. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. 1990. №10. С. 135-149.
15. Шмидт. К. «Понятие политического» // Вопросы социологии. Т.1. №1. 1992. С. 25-50.
16. Штраус Л. Еще раз о «Гиероне» Ксенофонта // Штраус Л. О Тирании. СПб., 2006. С. 320.
17. Ясперс К. Духовная ситуация времени // Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. С. 303-363.

«КУЛАКИ» КАК ОБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ В 1928–1929 гг.: РЕПРЕССИИ ЗА ИНДИВИДУАЛЬНУЮ ИДЕНТИЧНОСТЬ

В статье рассматривается проблема конструирования социальных границ и социально-правового статуса группы «кулаки», раскрыты особенности репрессивной политики в отношении крестьян, идентифицируемых как «кулаки».

Ключевые слова: кулаки, социальная идентичность, конструирование социальных границ и статуса группы, репрессивная политика

The article reviews the problem of construction of social borders and the socio-legal status of “kulaks” as a group; and discloses distinctive features of the repressive policy towards peasants identified as “kulaks”.

Keywords: kulaks, social equivalency, construction of social borders and the status of a group, repressive policy.

В условиях хлебозаготовительных кризисов конца 1920-х гг. в программно-политических документах конструируется теория «обострения классовой борьбы» в условиях «наступления социализма» и образ «классовых врагов», среди которых на первом месте были названы кулаки [25, с. 63, 171-172]. Впервые со времен Гражданской войны ставится задача борьбы с кулаком не только как с «сельским эксплуататором бедноты», но и как с «врагом экономической политики Советской власти». На страницах газет формируется образ кулака как «злейшего врага социалистического строительства» («трудового народа»), ведется активная пропаганда против кулака, «который притаился, выжидает и приспособливается» и «в ближайшее время организованно выступит против Советской власти» [1, 6, 7, 8, 11].

В 1928–1929 гг. в законодательстве впервые были сконструированы социальные границы группы «кулаки» и определен механизм отбора крестьян, попадающих в эту часть социального пространства.

Проблема критериев идентификации кулацких хозяйств, несмотря на ее значимость, остается одной из наименее изученных в новейшей историографии. Историки, как правило, ограничиваются лишь характеристикой постановления СНК СССР от 21 мая 1929 г. «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться Кодекс законов о труде» (не первого и не самого главного, с точки зрения практической значимости законодательного акта). Перечисленные в поста-

новлении признаки оцениваются как неопределенные (расширительные), под которые можно было подвести практически любое крепкое хозяйство, что и «создавало базу для массового произвола не местах» и использовалось при раскулачивании [3, с. 47, 50; 4, с. 8; 10, с. 148; 16, с. 19].

В современной историографии популярны два утверждения, которые требуют уточнения и корректировки: четкие, однозначно интерпретируемые «объективные классовые критерии» определения кулацких хозяйств, к которым стремились большевики, не были найдены; политические признаки являлись результатом неопределенности социально-экономических признаков [23, с. 101-135; 24, с. 83-100].

Законодательством о сельхозналоге на 1928/29 г. (апрель 1928 г.) был введен особый порядок выплаты налога «нетрудовыми» (кулацкими) хозяйствами не по нормам, а в индивидуальном порядке. В нормативных документах НКФ СССР и РСФСР в самой общей форме был приведен перечень социально-экономических (эксплуататорских) признаков и определены контрольные задания по выявлению кулацких хозяйств (от 1 до 5% от общего числа крестьянских хозяйств в зависимости от экономических особенностей отдельных районов) [12, д. 761, л. 114-115, 196; 17].

В налоговую кампанию 1928/29 г. местные исполкомы не принимают (как это будет ежегодно в дальнейшем) постановлений о признаках кулацких хозяйств; местным финансовым и налоговым работникам предлагается руководствоваться признаками, указанными в нормативных документах НКФ СССР и РСФСР.

Предварительные сведения о ходе кампании, поступавшие в центральные финансовые органы, показали, что при непонимании местными работниками нового метода обложения и субъективного подхода к определению социальной принадлежности к кулацким относились трудовые хозяйства. В сентябре 1928 г. НКФ СССР и РСФСР рассылаются директивы, требующие провести проверочные кампании и пересмотреть правильность применения индивидуального обложения и принять срочные меры для исправления допущенных ошибок [2, д. 1, л. 29-29 об., 86; 13, д. 273, л. 196; 27, с. 391-392].

Особенностью проверочной кампании 1928 г., отличающей ее от всех последующих, было не выявление новых кулаков, а исключение хозяйств, не имеющих эксплуататорских доходов. В результате численность хозяйств, признанных кулацкими, сократилась по стране в целом с 405 тыс. (1,6% всех хозяйств) до 220 тыс. (0,89%) [14, д. 191, л. 2, 9-10; 15, д. 546, л. 54].

Положение о сельхозналоге на 1929/30 г. (20 февраля 1929 г.) выделяло две группы кулаков: «явно кулацкие хозяйства», которые облагались налогом на общих с трудовыми хозяйствами основаниях, но лишались предусмотренных законодательством льгот, и «наиболее богатые», выплачивающие налог в индивидуальном порядке (не менее 2 и не более 3% всех крестьянских хозяйств) [18].

Установление признаков «явно кулацких хозяйств» (в союзном законодательстве они были сформулированы в самой общей форме) относилось к компетенции союзных республик.

Критерии идентификации «наиболее богатых» кулацких хозяйств были определены в законодательстве о сельхозналоге. В нормативно-правовых документах центральных финансовых органов разъяснялись такие наиболее распространенные эксплуататорские признаки, как применение наемного труда, скупка и торговля. Определялся также ряд существенных ограничений в их трактовке. Во-первых, оговаривался срок действия нетрудовых доходов (предшествующий окладный год): хозяйства, имеющие нетрудовые доходы до мая 1928 г., обложению налогом в индивидуальном порядке не подлежали. Во-вторых, указывался ограничительный минимум размера дохода, ниже которого хозяйство не могло облагаться налогом в индивидуальном порядке (500 руб., в том числе нетрудовой доход – более 125-150 руб.). В-третьих, в постановлениях местных исполкомов оговаривались количественные ограничители и по другим эксплуататорским признакам, в том числе за применение наемного труда. Предоставив краевым и областным исполкомам право вносить изменения в перечень признаков применительно к особенностям отдельных районов, директивы центральных финансовых органов в начальный период налоговой кампании предупреждали о недопустимости чрезмерного их расширения и дополнения, чтобы не допустить повторения ошибок предыдущего года [13, д. 271, л. 53-57; д. 274, л. 1-22; д. 275, л. 287, 301-301 об., 309 об.].

В обязательных постановлениях о признаках кулацких хозяйств многих региональных органов управления, а в налоговой практике повсеместно (особенно с осени 1929 г.), установленные законодательством две категории кулаков фактически не выделялись, и все хозяйства, признанные эксплуататорскими, облагались налогом в индивидуальном порядке.

Практическое выявление кулацких хозяйств проводилось на основании признаков, определенных в нормативных документах о порядке проведения сельскохозяйственного налога. Итоги проведения учетной кампании (май-июль 1929 г.) показали невыполнение минимальных заданий по выявлению 2% кулацких хозяйств в большинстве регионов страны. В основных зерновых районах РСФСР количество хозяйств, признанных кулацкими, колебалось в пределах от 1,1 до 1,7%, в незерновых – от 0,4 до 1,2% [14, д. 191, л. 89].

Четкие и достаточно однозначные эксплуататорские признаки, сформулированные в законодательстве, требования их строго соблюдения, позволяя выявлять эксплуататоров (их было в деревне очень мало), являлись существенным ограничителем в расширении социальных границ группы «кулаки» за счет крестьян, с точки зрения власти «враждебно настроенных к экономической политике».

В сентябре-октябре 1929 г. секретными директивами НКФ СССР были внесены изменения в нормативно-правовую базу, регламентирующую эксплуататорские признаки, с целью устранения «всех формальных моментов, которые в малейшей степени препятствовали полному выявлению кулаков». В конце сентября

1929 г. НКФ СССР отменил установленный весной минимальный суммовой признак дохода, при наличии которого допускалось облагать хозяйство сельхозналогом в индивидуальном порядке. Местным исполкомам предписывается внести изменения в обязательные постановления: расширить признаки, служащие для определения кулацких хозяйств, и пересмотреть (или отменить) установленные ранее количественные ограничители, в том числе и по признаку «применение наемного труда». НКФ СССР потребовал относить к кулацким все хозяйства, имеющие один из признаков, вне зависимости от размеров дохода (в том числе и нетрудового) или наемного труда [2, д. 1, л. 86; 9, д. 309, л. 38; 13, д. 275, л. 280].

С осени 1929 г. региональные органы управления в директивах, а местные работники в своей практической работе по выявлению кулаков руководствовались не нормативно-правовой базой первой половины 1929 г., а новыми секретными директивами центральных финансовых ведомств. Пересматриваются признаки эксплуатации и принимаются новые контрольные цифры по дополнительному контингенту подлежащих выявлению кулацких хозяйств, суммах начисления на них сельхозналога.

Отмена основных ограничений в трактовке эксплуататорских признаков позволила определять «классовое лицо» по политическим критериям, формально подкрепляя их социально-экономическими. Таким образом, была создана необходимая «правовая» база для превращения «кулаков» из социально-экономической группы сельских эксплуататоров в социально-политическую группу «врагов».

При выявлении новых кулацких хозяйств осенью-зимой 1929 г. происходила целевая интерпретация фактов (вынужденный наем рабочей силы признается признаком эксплуатации и пр. или придумывание несуществующих признаков) и целевая интерпретация поступков индивидуумов (выступление крестьянина с критикой местного работника оценивается как «антисоветское», а пьяная драка односельчан – как «кулацкий террор»).

По итогам налоговой кампании 1929/30 г., в стране было выявлено 706,6 тыс. хозяйств, или 2,8% (напомним, в 1928/29 г. – 220 тыс., или 0,89%) [14, д. 191, л. 30].

В законодательстве 1928–1929 гг. был сконструирован социально-правовой статус группы «кулаки». Новое законодательство предусматривало применение дискриминационных мер в отношении кулаков: ограничение прав на пользование землей, сдачу ее в аренду и применение наемного труда, введение запрета на кредитование и приобретение сельхозорудий и машин, на вступление в колхоз, введение особого порядка выполнения государственных заданий и повинностей.

В конце 1920-х гг. идет процесс формирования законодательной базы массовых судебных репрессий, в том числе и определение особого порядка применения репрессий за социальный статус. В новый УК РСФСР, принятый в 1926 г. (введен в действие с 1 января 1927 г.), вошла знаменитая 58-я статья. Юридическим основанием репрессий в отношении крестьян за невыполнение государственных заданий по заготовкам и невыплату налоговых платежей были ст. 60, 61,

79, 107 («Иные преступления против порядка управления»), ст. 131 («Преступления хозяйственные») и ст. 169 («Имущественные преступления»).

Особенность нормативно-правовой базы репрессий по решению судебных органов состояла в том, что УК РСФСР 1926 г. и новые редакции статей, принятые в 1927–1929 гг., не предусматривали каких-либо различий в наказаниях за одно и то же преступление в зависимости от социальной принадлежности [19, 20, 21].

Особые меры социальной защиты и особый порядок возбуждения уголовного преследования в отношении «кулацких элементов деревни» определялись в секретных подзаконных актах НКЮ и Верховного суда РСФСР. Органы юстиции должны были руководствоваться не соображениями формально-юридического характера (статьями УК РСФСР 1926 г. и новыми редакциями статей), а главным образом – «теневым законодательством», регламентирующим «классовый подход» [5, с. 21; 26, с. 124; 27, с. 778].

Существенные изменения были внесены в порядок применения репрессий по решению административных органов. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР «О расширении прав местных Советов в отношении содействия выполнению общегосударственных заданий и планов» от 28 июня 1929 г. была узаконена конфискация имущества крестьян по решению сельского совета за невыплату налоговых платежей; постановлениями ЦИК и СНК СССР от 27 сентября и 14 ноября 1929 г. были внесены изменения в положение 1925 г. о взимании налогов и определены особые условия конфискации имущества кулаков [20, 21, 22]. Законы, принятые во второй половине 1929 г., дали правовые основания для полной экспроприации кулацких хозяйств.

В репрессивной политике в отношении крестьян, отнесенных к кулакам, можно выделить два этапа. В 1928 г. – первой половине 1929 г. применяются репрессии по решению судебных органов за невыполнение заданий по заготовкам и налогам (штраф, конфискация имущества, принудительные работы и лишение свободы), и привлечение крестьян органами прокуратуры и суда, ОГПУ по «контрреволюционным преступлениям» (конфискация имущества, лишение свободы, расстрел). С лета-осени 1929 г. в дополнение к репрессиям в судебном порядке начинается массовая экспроприация кулацких хозяйств (раскулачивание) по решению органов исполнительной власти за невыполнение государственных повинностей.

Таким образом, в конце 1920-х гг. с определением в законодательстве признаков социальной идентичности кулаков и конструированием нового правового статуса группы объектом политики становятся конкретные лица. Репрессии к кулакам, которые носят политический характер, применяются за индивидуальный статус («кулак»).

С провозглашением в конце 1929 г. политики «ликвидация кулачества как класса» кардинально меняется характер репрессий в отношении крестьян, идентифицируемых властью как кулаки. Основная цель и особенность социальной политики 1930-1932 гг. были определены в ее официальном названии – ликвидации подлежащих хозяйства за социальную («классовую») принадлежность к груп-

повой статусной позиции («кулаки»). Репрессии носят списочный характер и направлены не на конкретное лицо за совершенное им «преступление», а на социальную группу, отвечающую заданным сверху параметрам.

1. В атаку против классового врага // Правда. 1928. 29 ноября.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. А-411. Оп. 16.
3. Гушин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири. 1928-1933 гг.: методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия // Гуманитарные науки в Сибири: Сер. Отечественная история. Новосибирск, 1996. № 2.
4. Данилов В. П., Красильников С. А. Вместо предисловия // Спецпереселенцы в Западной Сибири. 1930 – весна 1931 гг. Новосибирск: Наука, 1992.
5. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927-1932 гг. / под ред. В. П. Данилова и Н. А. Ивницкого. М.: Политиздат, 1989.
6. Кулак ловчится // Беднота. 1928. 28 апреля.
7. Кулак приспособливается, выжидает, приспособливается (обзор писем в журнал) // Деревенский коммунист. 1928. № 11.
8. Кулацкое лицо // Крестьянская газета. 1928. 28 февраля.
9. Областное государственное учреждение «Государственный архив Архангельской области» (ОГУ «ГААО»). Ф. 910. Оп. 1.
10. Околотин В. С. Власть и налоги (1923-1936). Иваново: Русский Манчестер, 2002.
11. Осадить кулака // Правда. 1928. 16 февраля.
12. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 7733. Оп. 5.
13. Там же. Оп. 7.
14. Там же. Оп. 8.
15. Там же. Оп. 12.
16. Савельев С. И. Раскулачивание: как это было в Нижне-Волжском крае. Саратов: Сарат. госуд. сельско-хоз. академия, 1994.
17. Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР (СЗ СССР) 1928. № 24. Ст. 212.
18. Там же. 1929. № 12. Ст. 103.
19. Там же. № 60. Ст. 591.
20. Там же. № 64. С. 593.
21. Там же. № 71. Ст. 672.
22. Собрание узаконений и распоряжений рабоче-крестьянского правительства РСФСР (СУ РСФСР). 1929. № 60. Ст. 589.
23. Современные концепции аграрного развития. Теоретический семинар // Отечественная история. 1995. № 3.
24. Солопов А. Кого считали кулаком в 1924-1925 годах? // Трудные вопросы истории // под ред. Журавлева В. В. М.: Политиздат, 1991.
25. Сталин И. Сочинения: в 16 т. Т.11. М.: Изд-во полит. литературы, 1951.
26. Стецковский Ю. История советских репрессий: в 2-х т. Т. 1. М.: Обществ. фонд «Гласность», 1997.
27. Трагедия советской деревни: Коллективизация и раскулачивание (1927-1939): документы и материалы: в 5 т. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929. М.: РОССПЭН, 1999.

О ТРАДИЦИЯХ И НОВАЦИЯХ В РОССИЙСКОМ ОБРАЗОВАНИИ (ЧИТАЯ КЛАССИКУ)

В статье анализируются ценностно-смысловые установки просвещения, образования и воспитания, сформулированные творцами русской культуры и философии XIX и XX веков. Ставится проблема реконструкции отечественной традиции в образовании и воспитании, её значимости для современного процесса модернизации высшей школы, повышения качества гуманитарного образования.

***Ключевые слова:** образование и просвещение, образование и воспитание, новации и традиции в реформировании образования, критика русской интеллигенции, идея служения.*

The semantic directions of the enlightenment, education and upbringing formulated by the creators of the Russian culture and philosophy of the XIX and XX centuries are analysed in this article.

The question of reconstruction of the native tradition in the education and upbringing, its meaning for the modern process of modernization of the higher education, the rise of quality of the liberal education is raised.

***Keywords:** education and enlightenment, education and upbringing, innovations and traditions in the reformation of the education, the criticism of the Russian intellectuals, the idea of serving.*

Образование как общественный институт и ресурс социально-культурного развития, как процесс сохранения и трансляции от поколения к поколению опыта, знаний и ценностей, как необходимое условие личностного развития – неотъемлемая составляющая национальной культуры и национальной идентичности. Именно поэтому проект нового федерального закона об образовании продолжает быть предметом дискуссий, причём достаточно острых, а иногда, возможно, и неприятных для законодателя. На наш взгляд, это нормально, ведь в проекте закона образование определяется как **«общественное благо», «процесс воспитания и обучения в интересах человека, семьи, общества, государства»** (Выделено нами – Б.З.). Таким образом, очевидно, что закон об образовании во многом повлияет не только на наше настоящее, но и будущее – страны в целом, каждой семье, каждого человека. Более того, становление современной системы образования, современной по её ценностным установкам, целям и задачам, по его содержанию и формам организации, – это вопрос о будущем нашей культуры в целом, её достойного и неповторимого места в мировой культуре. Мы убеждены,

что успешность современной модернизации образования в России, в том числе и высшего профессионального, в огромной степени зависит от сохранения и реализации в современных подходах к образованию, в его переустройстве накопленных столетиями национально-культурных традиций. Но прежде эти традиции необходимо реконструировать. Не претендуя на полноту обзора и исчерпанность выводов, попробуем обозначить хотя бы самые существенные установки по отношению к образованию, просвещению и воспитанию, которые на протяжении XIX-XX веков были сформулированы и высказаны великими творцами русской культуры.

Особого внимания в этой реконструкции заслуживает XIX век. Дело в том, что именно в этом веке наша отечественная культура со всей полнотой заявила о своей зрелости. Допетровская Русь и прошедшая через горнило европеизации Российская империя перестали радикально противостоять друг другу: культурные заимствования с Запада постепенно были усвоены, переработаны и включены в историческую традицию; культурные же достижения прошлого не были отброшены, а наполнились новыми смыслами, получили новую энергетику для развития. Результатом этих процессов стало утверждение обогащенного историческим опытом национально-культурного самосознания. Одним из главных его проявлений стала русская литература, благодаря которой мы говорим на современном русском языке, вобравшем в себя все пласты нашего исторического опыта и ставшим основой нашего национального единения. Усилиями Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского и других историков XIX века были заложены основы современного исторического мышления, национальной традиции в исторической науке. В церковной жизни появились не менее значительные, чем в допетровскую эпоху, образцы религиозного служения. Во весь голос о себе заявила российская наука. Философия в России перестала быть зеркалом, иногда кривым, западных идей, она сформировала свои собственные, отличные от западной, тематические приоритеты и способы мыслительной работы, что особенно ярко проявилось на рубеже XIX-XX веков. Все перечисленные процессы способствовали утверждению нового облика образования. К середине XIX века в России сложились социально-исторические и культурные предпосылки к синтезу трех традиций в образовании, просвещении и воспитании, ведущими субъектами которых на протяжении истории были три группы национальной интеллигенции: духовно-церковной, дворянской и разночинной. Указанный синтез позволял говорить о национальной традиции в образовании вообще, об органичной его связи с народной культурой.

XIX век в контексте заявленной темы важен и интересен ещё и потому, что на него приходится две значительные для нашей истории социально-экономические и политические реформы, которые не могли не затронуть и сферу образования: на рубеже XVIII-XIX веков, в эпоху Александра I, а также в 60-е годы XIX века, при Александре II. На эти преобразования реагировала российская общественность, принимая или отторгая их, от чего, не в последнюю очередь, зависела их успешность. Учёт этого фактора, а он зависит от национально-

культурного самосознания, чувства культурно-исторической идентичности, культурно-цивилизационного кода, наконец, – необходимое условие любой социально-реформаторской деятельности. Российская интеллигенция, во всяком случае её определённая часть, всегда была рупором отношения общественности к любым реформам, новациям и модернизациям, но всегда – многоголосым. В этом многоголосии были представлены разные позиции, часто непримиримые по отношению друг к другу. На чьи же оценки и выводы тогда ориентироваться? Кто из представителей русской интеллигенции наиболее полно и исторически точно в XIX-XX веках оценивал происходящее в стране и делал прогнозы на будущее? Думается, здесь выбор очевиден. Опирается следует на тех, чьи идеи и взгляды, творчество в целом наиболее полно вобрало в себя наш многовековой исторический опыт, прошло проверку изломами времени как в XIX, так и в XX веке, иначе говоря проявило свою «живучесть». Эта «живучесть» культурного феномена является важнейшим критерием его органичности по отношению к широкой национально-культурной традиции.

Понятия просвещения и образования у В.И. Даля. Культурные традиции аккумулируются, берегаются и транслируются в социальное пространство благодаря языку. В этой связи определенным итогом сложившихся к концу XIX века установок в отношении образования и просвещения можно считать те смыслы, которые аккумулировал в этих словах русский язык.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, что в толковом словаре В.И. Даля зафиксировано смысловое различие между понятиями «образование» и «просвещение», «образованность» и «просвещенность». Проводится также различие между «внешней просвещенностью» и «просвещенностью внутренней», т.е. нравственно-духовной.

«Образовывать», по Далю, означает «совершать, улучшать духовно, просвещать; иногда придавать наружный лоск, приличное, светское обращение, что и составляет разницу между просвещать и образовывать» [8, с. 613]. И далее читаем: «Науки образовывают ум и знания, но не всегда нрав и сердце. Учение образовывает ум, воспитание – нравы» [Там же].

Различие между образованностью и просвещенностью отчетливо формулируется в определениях «просвещение», «просвещенный человек». **«Просвещение» – это «свет науки и разума, согреваемый чистою нравственностью, развитие умственных и нравственных сил человека; научное образование, при ясном осознании долга своего и цели в жизни»** [9, с. 508]. (Выделено нами – Б.З.). Просвещенный человек, таким образом, – это «современный образованный, книжный, читающий, с понятиями об истине, доблести и долге» [Там же].

Отметим главное: в просвещении соединяется образованность с осознанием долга и цели жизни. Кроме того, к образованности В. Даль относит и внешнюю воспитанность. «Образованный человек» – это «научно развитый; воспитанный, приличный в обществе, знающий светские обычаи; первое, умственное образование; второе, внешнее; для нравственного – нет слова» [8, с. 613]. Нравственными, таким образом, не становятся через овладение знаниями и навыками.

Интересно, что в толковом словаре Ожегова С.И. это различие между образованностью и просвещенностью практически утрачивается. Образование здесь определяется как процесс обучения или просвещения, а также как совокупность знаний. В свою очередь, просвещение определяется как образованность, а просвещенный как обладающий образованием, развитой культурой [27, с. 427, 609]. Что это: потеря слова или смысла? А может быть того и другого? В любом случае, в России XX века, по-видимому, в понимании образования, его смысла и значения что-то потерялось или ушло в тень.

Но, вернемся к XIX веку.

Карамзин Н.М. о новациях и традициях. В своей «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях», которая была представлена императору Александру I в марте 1811 г. в Твери, Карамзин достаточно полно и прямо высказал своё отношение к либеральным реформам и деятельности их идеолога М.М. Сперанского.

Во-первых, Карамзин, отдавая должное достижениям XVIII века, когда в России появились «академии, высшие училища, народные школы, умные министры, приятные светские люди, герои», констатирует отсутствие «хорошего воспитания, твёрдых правил и нравственности в гражданской жизни» [19, с. 44]. Основой для гражданского и нравственного воспитания, по мысли русского историка и публициста, является «дух народный», именно он «составляет нравственное могущество государств», поскольку «есть не что иное, как привязанность к нашему особенному, не что иное, как уважение к своему народному достоинству», что и означает, по сути, «любовь к Отечеству» [19, с. 32]. Карамзина беспокоит, что «мы стали гражданами мира, но перестали быть, в некоторых случаях, гражданами России» [19, с. 35].

Во-вторых, Карамзин предостерегает верховную власть от необдуманных и поспешных шагов по внедрению в жизнь России заимствованных новаций. «Россия... существует около 1000 лет и не в образе дикой Орды, но в виде государства великого, а нам всё твердят о новых образованиях, о новых уставах, как будто бы мы недавно вышли из темных лесов американских!» [19, с. 63]. Без опоры на национальные традиции, без учета национально-культурных особенностей никакие социально-политические преобразования, по мысли Карамзина, не приживутся. «...Мы образовали свои университеты по немецким, не рассудив, что здесь иные обстоятельства». Например, «выписали профессоров, не приготовив учеников» [19, с. 66]. Получили странный результат увлечения заимствованной наукой и образованием: «Чего не преподают ныне... А в Москве с величайшим трудом можно найти учителя для языка русского, а в целом государстве едва ли найдешь человек 100, которые совершенно знают правописание...» [19, с. 66-67]. Вывод автора записки по поводу новаторских увлечений определен: «...осторожнее в новых государственных творениях, стараясь всего более утвердить существующие и думая больше о людях, нежели о формах» [19, с. 109].

В-третьих, автор «Записки...» формулирует своё отношение к вызвавшему острые споры указу о порядке производства в гражданские чины коллежского

ассессора (8-й класс) и статского советника (5-й класс) от 6 августа 1809 года. Новый указ запретил производить в эти чины служащих, которые не имели свидетельства об окончании курса в одном из русских университетов или не выдержали в университете экзамена по установленной программе, которая и была приложена к указу. Согласно этой программе, от желающего получить соответствующие чины требовалось знание русского языка и одного из иностранных, знание естественного, римского и гражданского права, государственной экономики и уголовных законов, основательное знакомство с отечественной историей и элементарные сведения в истории всеобщей, в государственной статистике, в географии, а также знаний по математике и статистике [21, с. 201-208].

Карамзин соглашается с тем, чтобы молодые люди, поступая в службу, имели документ об окончании отечественного университета, но считает необходимым скорректировать указ в отношении тех, кто уже давно на службе. «...Кто уже давно служит, с тем нельзя, по справедливости, делать новых условий для службы; он поседел в трудах, в правилах чести и в надежде иметь некогда чин статского советника, ему обещанного законом; а вы нарушаете сей контракт государственный. И, вместо всеобщих знаний, должно от каждого человека требовать единственно нужных для той службы, коей он желает посвятить себя: юнкеров Иностранной коллегии испытывайте в статистике, истории, географии, дипломатике, языках; других – только в знаниях отечественного языка и права русского, а не римского, для нас бесполезного; третьих – в геометрии, буде они желают быть землемерами и т.д. Хотеть лишнего, или не хотеть должного, равно предосудительно» [19, с. 69].

Наконец, в-четвёртых, Карамзин четко формулирует свою позицию по отношению к гражданскому воспитанию. «Честь, честь должна быть главною наградою!» [19, с. 104]. Не деньги и материальное благополучие задают нужный вектор и способствуют достижению блага для отечества. Весьма актуально в этой связи звучат две аксиомы Карамзина: «...1) **за деньги не делается ничего великого** (Выделено нами – Б.З.); 2) изобилие располагает человека к праздной неге, противной всему великому.... У нас служили по должностям, из чести, из куска хлеба, не более! Ныне... и гражданские чиновники хотят жить большим домом на счет государства» [19, с. 104]. Цель воспитания, по Карамзину, – «уважать себя, любить Отечество и государя», поскольку «природа дает ум и сердце, но воспитание образует их» [19, с. 106].

А.С.Пушкин о полупросвещённости и служении. Часто наши представления о взглядах Пушкина на образование и воспитание исчерпываются строчкой из «Евгения Онегина».

Мы все учились понемногу
Чему-нибудь и как-нибудь,
Так воспитаньем, слава богу,
У нас немудрено блеснуть [28, с. 7].

Но за этими известными строчками скрывается чрезвычайно важный контекст, связанный не только с особенностью знакомого персонажа – Е. Онегина

[25, с.509-511], но и с общественным, гражданским самоопределением самого поэта. В этой связи обратимся к записке Пушкина «О народном воспитании». Данная записка была подготовлена по поручению Николая I, переданного Пушкину через начальника высшей полиции Бенкендорфа. Первая публикация записки относится к 1872 г.

Л.П. Гроссман в своей знаменитой биографии А.С. Пушкина пишет: «Записка «О народном воспитании» – одно из самых спорных произведений Пушкина. Долгое время ее толковали как наиболее резкое отклонение его мировоззрения в сторону реакции; в последние годы ее толкуют, напротив, как одно из самых передовых его высказываний. Не примыкая ни к одному из этих крайних толкований, мы признаем в этом официальном документе ряд положений, действительно свидетельствующих об искреннем намерении автора «не пропустить случая, чтобы сделать добро», но не можем отнести ее к разряду наиболее передовых страниц Пушкина» [7, с. 282]. Осторожная оценка Гроссмана вполне понятна, его работа о Пушкине впервые была опубликована в 1937 году. Тем не менее он считает, что «и в таком вынужденном заявлении Пушкин сумел сохранить некоторые живые и ценные положения» [Там же].

«Живость» и «ценность» высказанных нашим национальным гением идей станет еще более очевидной, если мы соотнесем эту записку с его очерком о Радищеве и знаменитым письмом к Чаадаеву.

В записке «О воспитании» А.С. Пушкин пишет: «Не одно влияние чужеземного идеологизма пагубно для нашего отечества; воспитание, или лучше сказать, отсутствие воспитания есть корень всякого зла» [29, с. 43]. Это значит, что не сами по себе чужеземные идеи вредны, а их поверхностное усвоение, которое происходит без опоры на образование и воспитание, т.е. на подлинную просвещенность. Примером полупросвещенности для Пушкина являлся А.Радищев, в нем «отразилась вся французская философия его века: скептицизм Вольтера, филантропия Руссо, политический цинизм Дидрота и Реналья; но все в нескладном, искаженном виде...» [30, с. 36]. **Полупросвещение**, как оно определяется в записке, – это **«невежественное презрение ко всему прошедшему; слабоумное изумление перед своим веком, слепое пристрастие к новизне, частные поверхностные сведения, наобум приноровленные ко всему»** [30, с. 36]. (Выделено нами – Б.З.).

Здесь уместно будет процитировать одного из современных авторов, дающего сквозь призму пушкинского определения оценку современных проектов модернизации образования: «...Модернизация образования – это ярчайший феномен полупросвещения. В модернизации есть всё, что являет собой полупросвещенность – и презрение ко всему прошедшему; и изумление перед своим веком, с его инновациями; и слепое пристрастие к новизне; и неспособность постигнуть целостность преемственного становления культуры, цепляние за частное и частичное в культуре, провозглашаемое общечеловеческим» [24, с. 112]. Мы солидарны с этой оценкой, как и с пониманием автора цитаты действительно взвешенной траектории модернизации образования. «Модернизировать образование можно в той мере, в ка-

кой можно модернизировать культуру. ...Модернизация, как новизна – это один необходимый полюс развития образования, другой полюс, не менее необходимый, это внутренняя логика исторического становления национальной школы, национальной культуры, национальной личности, это полюс традиций, требующих неперменного освоения каждым поколением» [24, с.113].

Полупросвещенность, как замечает Пушкин, ставит человека в зависимость от любого внешнего влияния, то есть, говоря современным языком, делает его несвободным, манипулируемым. Такой полупросвещенный субъект входит в общество «безо всяких основательных познаний, без всяких положительных правил; всякая мысль для него нова, всякая новость имеет на него влияние». В конечном счете, «он не в состоянии ни поверить, ни возражать; он становится слепым приверженцем или жалким повторителем...» [29, с. 44].

В конце записки Пушкин обращает внимание на значение в деле подлинного просвещения (как соединения основательного образования и воспитания) изучение истории России, которое «должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить Отчеству верою и правдою», ведя себя при этом по-государственному [29, с. 47].

Весомость этого пушкинского замечания об истории может быть понята, если мы учтем несколько важных обстоятельств. Во-первых, это определенность и неизменность патриотической установки, характерной для Пушкина. Достаточно вспомнить знаменитое письмо к П.Я. Чаадаеву, где поэт пишет: «Клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить Отечество, или иметь другую историю, кроме истории наших предков, такой, какой нам бог ее дал» [31, с. 172; 393]. И это при всем том, что к современной ему общественной жизни он относится весьма критически. «...Наша общественная жизнь – грустная вещь. ...Это отсутствие общественного мнения, это равнодушие ко всякому долгу, справедливости и истине, это циничное презрение к человеческой мысли и достоинству – поистине могут привести в отчаяние» [31, с. 172; 393].

А если обратиться к черновику письма, то здесь его автор выражается еще резче. В частности, «циничное презрение» он видит «ко всему, что не является [материальным, полезным] необходимостью» [31, с. 422].

Во-вторых, следует сказать об историческом сознании Пушкина, в котором знание отечественной истории наполнено стремлением проникнуть в самую суть русского духовного облика. Как пишет В.О. Ключевский, он, конечно, не был историком, более того, «мало знал отечественную историю, хотя и не меньше образованных русских своего времени». Однако «он живет их чувствовал этот недостаток и гораздо более их размышлял о том, что знал». Наконец, «в последние годы, как известно, он много занимался родной стариной даже в архивах» [22, с. 78]. Но самое главное, пожалуй, состояло в том, что всем своим творчеством А.С. Пушкин дал подлинно современный, чуждый любых крайностей, вбирающий в себя самое важное, вектор развития нашего исторического, культурного самосознания. Его главное дело и наследие для будущего – литература «перестала быть развлечением для скучающих, стала серьезным, ответственным делом, убежищем и органом

мыслящих людей, но что еще важнее для нашего самосознания: если через поэзию Пушкина мы стали лучше понимать чужое и серьезнее смотреть на свое, то через неё же мы сами стали понятнее и себе самим и чужим. В тоне и настроении этой поэзии, в свойстве и сочетании основных мотивов, ее вдохновлявших, во взглядах поэта на жизнь, во всем складе его мирозерцания впервые обозначился духовный облик русского человека» [23, с. 106-107].

В-третьих, историческое сознание у Пушкина неразрывно связано с идеей служения, не лицам, не идеям или знаниям самим по себе, а отечеству. В этом новом понимании служения Пушкин был солидарен со своим лицейским другом И. Пуциным, который, приехав в Михайловское и полупризнавшись, что он член тайного общества, сказал поэту такие слова: «Не я один поступил в это новое служение Отечеству» [32, с. 108]. По этому поводу точный и исчерпывающий комментарий дает Ю.М. Лотман. «Вот тут эта как будто незначительная стилистическая разница очень важна: государственная служба – общественное служение. Если служба – это неизбежно служба лицам, а не делу, то для того, чтобы служить делу, надо перейти к служению, а служение – это добровольное подчинение своих задач, своей личности, своего человеческого облика чему-то большому и важному. Слово «дело» приобретает в декабристских кругах особое значение, и потом это сохраняется на протяжении всей истории русской интеллигентности. Слово «дело», которое пишется как бы с большой буквы, означает нечто святое – это всегда Дело для себя» [25, с. 510]. При этом, как отмечает Лотман, для эпохи Пушкина это служение предполагало одновременно высокое уважение к себе. Самостояние человека (пушкинское слово) – это органичное единство служения отечеству, его благу и чувства собственного достоинства. Одно невозможно без другого.

Н.В. Гоголь о русской духовности и служении России. Н.В. Гоголь – безусловный наследник Пушкина (и Карамзина) в становлении традиций российского просвещения, включающей в себя требования основательной образованности, нравственной доблести, чувства долга и служения отечеству. Он акцентировал в формировании этой традиции христианско-православный компонент и предвосхитил разночинный взгляд на образованность и служение.

В своем произведении «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголь напоминает нам: **«Просветить не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но всего насквозь высветлить человека во всех его силах, а не одном уме, пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь. Слово это взято из нашей Церкви, которая уже почти тысячу лет его произносит. Свет Христа просвещает всех»** [6, с. 637]. (Выделено нами – Б.З.)

Поэтически сильно, в духе лучших страниц гоголевской прозы звучит его призыв «полюбить Россию», действенной силой которого является идея служения. «...Если вы действительно полюбите Россию, вы будете рваться служить ей; не в губернаторы, но в капитан-исправники пойдете, – последнее место, какое не отыщется в ней, возьмёте, предпочитая одну крупницу деятельности на нем всей

вашей нынешней бездейственной и праздной жизни. Нет, вы еще не любите Россию!» [6, с. 654].

Образы служения отечеству, его благу и величию могут быть разными. Для Пушкина, нашего национального поэтического гения, – это будет, по мысли Гоголя, «чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, в каком он, может быть, явится через двести лет» [5, с. 105]. Для Карамзина – это исполнение долга в качестве литератора, историка и публициста. «Он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять». Но особенно важным в Карамзине для Гоголя было то, что он смог «смело и благородно» высказаться о действиях власти в современной ему России, «не скрывая никаких своих мнений и мыслей, хотя они и не соответствовали во всем тогдашнему правительству...» [6, с. 616-617].

Ф.М. Достоевский о воспитании молодежи, полунауке и российском университете. Достоевский, наряду с Толстым и Чеховым, – самое известное и самое востребованное в XIX-XX веках имя как для нашего национально-культурного самосознания, так и для восприятия и признания мирового значения нашей культуры, её безусловного своеобразия. Но Достоевский в этом ряду «имён России», на наш взгляд, наиболее всечеловечен и одновременно остро полемичен в отстаивании нашей национально-культурной самобытности по отношению к Западу, и в этих, взятых воедино, смыслах провидчески точен в понимании главной исторической коллизии будущей для него России. И здесь точкой отсчёта и образцом для Достоевского всегда оставался Пушкин, о котором он в своей знаменитой речи 1880 года сказал, по-видимому, самые главные для себя, своих современников и будущих поколений России слова: «...Он явление невиданное и неслыханное, а по-нашему, и пророческое, ибо...ибо тут-то и выразилась наиболее его национальная русская сила, выразилась именно народность его поэзии, народность в дальнейшем своём развитии, народность нашего будущего, таящегося уже в настоящем, и выразилась пророчески. Ибо что такое сила духа русской народности, как не стремление её в конечных целях своих к всемирности и ко всечеловечности?» [16, с. 144].

Очевидно, что через этот пушкинский контрапункт Достоевский стремится решать свои как литературно-художественные, так и идейно-публицистические задачи. Именно поэтому, думается, нельзя противопоставлять одно другому в творчестве русского писателя. Именно поэтому также естественна и понятна перекличка Достоевского и Пушкина по самым разнообразным вопросам русской жизни.

Художественное творчество Достоевского обращено к молодым, ведь главные герои его романов почти все очень молоды (их возраст – между 19-27 годами), причём почти все студенты, бывшие или будущие. Мировоззренческий, духовно-нравственный накал произведений русского писателя и мыслителя – прежде всего для них, поскольку утилитарное знание и осведомлённость в науках не

просвещают в высших целях и смыслах человеческого присутствия в мире, а «без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация» [15, с. 48].

И здесь, по мысли Достоевского, необходим и собственный опыт страдания, и помощь, пример вдумчивого старшего. «Молодежь-то наша и страдает, и тоскует у нас от отсутствия высших целей жизни. ... Наше юное поколение обречено само отыскивать себе идеалы и высший смысл жизни. Но это-то отъединение их, это-то оставление на собственные силы и ужасно... **Наша молодежь так поставлена, что решительно нигде не находит никаких указаний на высший смысл жизни. От наших умных людей и вообще от руководителей своих она может заимствовать в наше время... скорее лишь взгляд сатирический, но уже ничего положительного, – то есть во что верить, что уважать, обожать, к чему стремиться, – а всё это так нужно, так необходимо молодежи, всего этого она жаждет и жаждала всегда, во все века и везде!» [15, с. 51]. (Выделено нами – Б.З.).**

Одной из главных опасностей для мировоззренческого поиска молодых Достоевский считает распространившееся в обществе «поклонение материализму». «Материализмом, – поясняет писатель, – я называю, в данном случае, преклонение народа перед деньгами, перед властью золотого мешка. В народ как бы вдруг прорвалась мысль, что мешок теперь всё, заключает в себе всякую силу, и что всё, о чем говорили ему и учили его доселе отцы, – всё вздор» [14, с. 30]. Более того, «началось обожание даровой наживы, наслаждения без труда; всякий обман, всякое злодейство совершаются хладнокровно» [14, с. 31]. Каковы последствия следования таким установкам, мы знаем по романам Достоевского. В них же и надежда на иное поведение, иные целевые установки. «Поняли бы люди, что нет счастья в бездействии, что погаснет мысль не трудящаяся, что нельзя любить своего ближнего, не жертвуя ему от труда своего, что гнусно жить на дармовщинку и что счастье не в счастье, а лишь в его достижении» [14, с. 34].

В воспитании молодых Достоевского тревожит установка на облегчение. «Вся педагогика ушла теперь в заботу об облегчении. Иногда облегчение вовсе не есть развитие, а, даже напротив, оупление». Не облегчать и упрощать, а настаивать на самостоятельное понимание сложностей жизни предлагает писатель, поскольку «две-три мысли, два-три впечатления поглубже выжитые... собственным усилием (а если хотите, так и страданием) поведут... гораздо глубже в жизнь» [14, с. 9].

Образование, настроенное только на утилитарное обращение с науками и полностью игнорирующее ценностно-смысловое начало всего, с чем имеет дело человек, ведёт, по мысли Достоевского, к полунауке, которая есть «самый страшный бич человечества, хуже мора, голода и войны». Полунаука – это «деспот, каких ещё не приходило до сих пор никогда. Деспот, имеющий своих жрецов и рабов, деспот, перед которым всё преклонилось с любовью и суеверием, до сих пор немыслимым, перед которым трепещет даже сама наука и постыдно по-такает ему» [10, с. 199]. Как это похоже на «языческие пляски» вокруг «научности» в современной массовой культуре!

По мысли Достоевского, «подымать уровень образования в нашем любезном отечестве – значит подымать и уровень страдания» [11, с. 279]. Звучит парадоксально для современного, узко прагматического и, по большей части, коммерческого подхода к образованию. Но если помнить о ценностно-смысловой, воспитывающей составляющей образования, в которой аккумулируются национально-культурные традиции, то всё встаёт на свои места. «Когда общество перестанет жалеть слабых и угнетённых, тогда ему же самому станет плохо; оно очерствеет и засохнет, станет развратно и бесплодно...» [14, с. 71]. Образование и воспитание, которые осуществляются вне национально-культурной традиции, то есть «без почвы, вне естественной правды, в неуважении или в равнодушии к отечеству и в насмешливом презрении к народу, так особенно распространяющемся в последнее время» – вот где, по Достоевскому, «начало зла» [13, с. 132].

Для русского писателя было вполне очевидно, что для построения в России современного образования необходимы значительные финансовые затраты. «На просвещение, – считал он, – мы должны ежегодно затрачивать по крайней мере столько же, как и на войско, если хотим догнать хоть какую-нибудь из великих держав...» [13, с. 93]. Но можно ли все проблемы образования решить при помощи денег? Достоевский уверен, что нет, поскольку только деньгами не формируется главная фигура образования и воспитания – учитель. «Народный, национальный учитель вырабатывается веками. Держится преданиями, бесчисленным опытом. Но, положим, наделаете деньгами не только учителей, но даже, наконец, и учёных; и что же? – всё-таки людей не наделаете... Людей ни на каком рынке не купишь и никакими деньгами, потому что они не продаются и не покупаются, а опять-таки только веками выделываются... Человек самостоятельной идеи и науки, человек самостоятельно деловой образуется лишь долгою самостоятельной жизнью нации, вековым многострадальным трудом её – одним словом, образуется всю историческую жизнь страны» [13, с. 93]. Иначе говоря, важнее и гораздо сложнее в построении современной модели образования сбережение и развитие национальной образовательной школы, то есть людей, служащих не за страх (или исключительно за деньги), а за совесть знанию, истине и правде.

Вполне актуально звучит мысль Достоевского о всеобщности образования, просвещения. «Я никогда не мог понять мысли, что лишь одна десятая доля людей должна получить высшее развитие, а остальные девять десятых должны лишь послужить к тому материалом и средством, а сами оставаться во мраке. Я не хочу мыслить и жить иначе, как с верою, что все наши девяносто миллионов русских (или там сколько их тогда народится) будут все, когда-нибудь, образованны, очеловечены и счастливы. Я знаю и твёрдо верую, что всеобщее просвещение никому у нас повредить не может» [14, с. 31].

Общественно-историческая интуиция и гражданский темперамент Ф.М. Достоевского ярко проявлялись и в дискуссии по реформе университетского образования. Его позиция по этому вопросу достаточно полно представлена в статье «Вопрос об университетах», опубликованной в журнале «Время» в ноябре 1861 года.

Упомянутая статья является откликом журнала на развернувшееся в русской печати обсуждение предстоящего преобразования системы университетского образования в России. До 1860-х гг. в России действовал университетский устав 1835 г., разработанный министром народного просвещения Николая I С.С. Уваровым, автором известной формулы «самодержавие, православие, народность». Откликаясь на социальный запрос времени, требующий привести систему высшего образования в соответствие с социально-экономическими потребностями страны, Александр II в конце 1858 г. образует при Министерстве народного просвещения комиссию для составления проекта нового устава российских университетов. В 1861 г. правительство проводило обсуждение вопроса о преобразованиях высшего образования в России, которое до этого времени происходило только в официальном порядке, в периодической печати. Публикация «Времени» – это отклик на появившиеся в различных российских журналах статьи, посвященные реформе университетского образования.

В чем же суть позиции Достоевского? Во-первых, он солидарен с радикально-демократическим крылом российской общественности в том, что реформа университетов – это не частный вопрос, требующий узкоспециального обсуждения, а один из насущных вопросов русской жизни, ее настоящего и будущего. «Университет, – пишет Достоевский, – тесно связан с организмом всей земли нашей, как неотъемлемая часть ее. Следственно, болезни всего организма – ее болезни, процветание всего организма – и его процветание» [12, с. 203].

Особенно важно для нас указание Достоевского на то, что пришло время для зрелого самосознания российского университета. «Наступило для наших университетов то время, когда они сами стремятся сознать себя частью живого организма всей России, а не искусственной пересадкой из иностранной земли, чем были долгое время, то есть, по крайней мере, столько же, сколько была этим пересадком наша литература, наш европеизм и весь новый русский человек... только в наш век, начавший понемногу сознавать себя, свою личность...» [12, с.203].

Однако, во-вторых, Достоевский глубоко не приемлет дух ломки, бездумного формального и радикального новаторства. «Нас ужасно поражает во всех этих реформах одно обстоятельство, чрезвычайно важное. Именно: этот дух ломки, перекройки, вырывания с корнем, пересадки, эта готовность хоть сейчас же ломать и перестраивать сызнова... Значит мы не прижились ни к чему, ничего еще не ценим, ко всему своему равнодушны, ничто нам не мило, свой угол постыл, ничего мы не растили, ничего не поливали, были какими-то наёмщиками, а не деятелями» [12, с. 205-206].

Особенно важным для ожидаемого эффекта от реформы образования, по мысли Достоевского, является отношение к нему гражданской общественности. «Образование требует к себе доверия. Надобно, чтоб само общество сознало всю силу его, не подозревало его, не становилось к нему во враждебные отношения» [12, с. 205].

Критика интеллигенции авторами сборника «Вехи». Идеи́ный смысл сборника «Вехи», подготовленного группой русских философов и обществоведов и опубликованного в 1909 году, – это нелицеприятный диагноз мировоззренческим установкам, ценностям и умонастроениям русской интеллигенции, признание её ответственности за революцию 1905-1907 годов. Вчитываясь в статьи сборника, в характеристики и оценки, которые дают русской интеллигенции его авторы, приходится констатировать, что идеи подлинной просвещённости, личного достоинства, моральной и профессиональной ответственности, вдумчивого отношения к традициям и подвижнического служения отечеству, о которых ярко и убедительно говорили Карамзин, Пушкин, Гоголь, Достоевский и другие творцы русской культуры XIX века, – прошли мимо ума и сердца интеллигентского сословия, входящего в новый век. Почему так произошло?

Первый ответ, который мы находим в сборнике, – это легковесное, личностно не организованное, прагматически ориентированное у большей части интеллигенции отношение к требованиям образованности и просвещённости. По мысли Н.А. Бердяева, это отношение формируется под давлением «казёнщины» власти и «казёнщины» внутренней – инертности мысли и чувств. Это и порождает то, что он называет «интеллигентщиной». Каковы её признаки? Во-первых, соединение «консерватизма и косности в основном душевном укладе» со «склонностью к новинкам, к последним европейским течениям, которые никогда не усваивались глубоко» [1, с. 11]. Во-вторых, неумение или нежелание «признать самостоятельного значения науки, философии, просвещения, университетов» [1, с. 13], отношение к этим институтам как вторичным, подсобным для дела (бизнеса), экономики, управления, политики. Такая позиция, как скажет уже в 1923 году Бердяев, проистекает из непонимания того, что «в жизни общественной духовный примат принадлежит культуре. Не в политике и не в экономике, а в культуре осуществляются цели общества. И высоким качественным уровнем культуры измеряется ценность и качество общественности» [2, с. 523]. В-третьих, проявлением непросвещённости, некультурности, а значит, «интеллигентщины» является, как считает С.Н. Булгаков, отсутствие привычки «к упорному, дисциплинированному труду» [3, с. 36]. В конечном счёте, в «интеллигентщине» доминирует подражательность и «отсебятина» вместо «серьёзной... культуры, универсальной и вместе с тем национальной» [1, с. 27].

Второй ответ авторы сборника «Вехи» связывают с нравственной ситуацией в интеллигентской среде. В ней крайне непопулярны «понятия личной нравственности, личного самоусовершенствования, выработки личности» [3, с. 53]. Непопулярность практик нравственно-духовного, личностного самостроительства порождает «максимализм» целей и средств, «презрение» к прошлому, «беспринципность во всём, что касается личной жизни» [3, с. 47-51, 60] или, как определяет С.Л. Франк, социально опасный, агрессивный, ориентированный на «обогащение» земного, материального благополучия «нигилистический морализм» [34, с. 185-187, 193-194, 199]. Как альтернативу таким установкам Булгаков и другие авторы сборника предлагают для интеллигенции путь «подвижничества»

и служения [4, с. 53-58, 116, 149]. «Для русской интеллигенции предстоит, – пишет Булгаков, – медленный и трудный путь перевоспитания личности, на котором нет скачков... и побеждает лишь упорная самодисциплина. Россия нуждается в новых деятелях на всех поприщах жизни...» [3, с. 63].

Третий ответ наиболее полно формулирует Б.А. Кистяковский: а) «русская интеллигенция никогда не уважала права, никогда не видела в нём ценности», б) «наше общественное сознание никогда не выдвигало идеала правовой личности», в) «спустя более сорока лет (после судебной реформы – Б.З.), ...у нас нет хорошего суда», поскольку «целый ряд дел... был изъят из ведения общих судов» и «независимость судей всё более сокращалась» [20, с. 123, 128, 144-145]. Кистяковский также отмечает, что наша интеллигенция в своих институтах и организациях проявляет «поразительное пристрастие к различного рода правилам, подробной регламентации, иначе говоря, к формализму и бюрократизму», которое, по-видимому, является оборотной стороной общего правового нигилизма. Эту тенденцию он рассматривает как отличительный признак «полицейского государства» в противоположность «государству правовому» [20, с. 139]. И в этой связи русский правовед задаётся вопросом: «не есть ли наша бюрократия отпрыск нашей интеллигенции»? [20, с. 139-140].

Наконец, четвёртый ответ «веховцев». Труд или, точнее, способность и умение упорно трудиться, профессиональное достоинство не является ведущей установкой русской интеллигенции. Как считает А.С. Изгоев, «средний массовый интеллигент в России большею частью не любит своего дела и не знает его. Он – плохой учитель, плохой инженер, плохой журналист, непрактичный техник и проч., и проч. Его профессия представляет для него нечто случайное, побочное, не заслуживающее уважения» [17, с. 119]. Такая установка закономерно проявляется и на высшем управленческом уровне. «В наших государственных думах большинство депутатов... не обнаружили знаний, с которыми можно было бы приступить к управлению и переустройству России» [17, с. 120].

И самое опасное для российского общества, для его будущего состоит в том, что обозначенная установка всё в большей степени охватывает новое поколение интеллигенции, студенческую молодёжь. «Русская молодёжь мало и плохо учится», она реально занимается «в два раза меньше, чем заграничное», посещение лекций происходит «случайно, больше для регистрации», студенты, записывающие лекцию, «насчитываются немногими единицами», а «работают» они «лихорадочно» дома «перед экзаменами или репетициями, зубря до одурения краткие, приспособленные к программе учебники или размножившиеся компендиумы» [17, с. 104-106]. Истоки перечисленных стереотипов отношения к учёбе у студенческой молодёжи Изгоев видит, во-первых, в отсутствии истинной связи между родителями и детьми, в отсутствии духовного, нравственного влияния родителей на своих детей, ссылаясь при этом на социологические опросы, а во-вторых, в отсутствии влияния школы на выработку мирозерцания у молодёжи, более того, даже отрицательное влияние её на этот процесс [17, с. 98-102].

При всей остроте критики национальной интеллигенции, её доминирующих умонастроений и нравственных установок авторов сборника «Вехи», однако, не покидает надежда на изменение мировоззренческого вектора русской интеллигенции, вступающей в новый век. **«На смену старой интеллигенции, быть может, грядёт «интеллигенция» новая, которая очистит это имя от накопившихся на нем исторических грехов, сохранив неприкосновенным благородный оттенок его значения. Порвав с традицией ближайшего прошлого, она может поддержать и укрепить традицию более длительную и глубокую...»** [34, с. 190]. (Выделено нами – Б.З.).

Можно ли эту надежду считать наивной?

И.А. Ильин о полуинтеллигентности и служении. В своём философском творчестве, а правильнее было бы сказать, в своём служении России, её будущему, И.А. Ильин с необыкновенной полнотой, мужеством и страстью применительно к реалиям XX века провозгласил и обосновал установки русской патриотической интеллигенции, без утверждения которых, как он считал, у новой России не будет ни внятного, ни великого будущего.

И главная из этих установок связана с пониманием того, что не социально-экономические и политические формы сами по себе, а изменения в человеке являются точкой отсчёта и надеждой для обновления России. «Мы не верим и не поверим ни в какую «внешнюю реформу», которая могла бы спасти нас сама по себе, независимо от внутреннего, душевно-духовного изменения человека» [18, с. 38]. Причём, конечно, здесь речь о духовном изменении, т.е. о подлинной просвещённости, которая не тождественна формальной образованности.

То, что Пушкин называл «полупросвещённостью», Достоевский – «полунаучкой», Бердяев – «интеллигентщиной», Ильин определяет как «полуинтеллигентность». «Полу-интеллигент есть человек весьма типичный для нашего времени. Он не имеет законченного образования, но наслушался и начитался достаточно... В сущности, он не знает и не умеет ничего, но отнюдь не знает, где кончается его знание и умение. Он не имеет своих мыслей... Сложность и утончённость мира, как Предмета, совершенно не доступна ему... Главный орган его – это чувственное восприятие, обработанное плоским рассудком. Духа он не ведаёт; над религией посмеивается; в совесть не верит; честность есть для него «понятие относительное». Зато он верит в технику, в силу лжи и интриги, в позволенность порока» [18, с. 77-78]. Думается, если в этот портрет добавить чуть-чуть современных красок, как-то: упоение Интернетом, веру в имидж, поверхностную и узко прагматическую осведомлённость о «дальних странах», умение быстро переводить рубли в более надёжную валюту, – то перед нами будет близкий нам герой начала XXI века – современный полуинтеллигент. С тем, о котором писал русский философ, его роднит то, что «он знает о своей полуинтеллигентности: он обижен ею, он не прощает её другим, он завидует, мстит и добивается во всём первенства: он ненасытно честолюбив и властолюбив. И легко усваивает и практикует искусство – играть на чужой, на массовой зависти» [18, с. 78].

Полуинтеллигентность процветает в атмосфере продажности, когда «люди отвыкают от служения» и всё «чаще и беззастенчивее... помышляют о добыче» [18, с. 108]. Продажность – это не только поиск финансовой или материальной выгоды, коррупционное поведение, а социальная установка на «личный успех, личную карьеру...почёт, власть и закулисное влияние» [18, с. 111]. «Эпидемия продажности» плодит, как в верхах, так и в низах, разнообразные типы людей успеха, среди которых «ловчащиеся господинчики, скользкие нырялы, переверт-ни, приспособляющиеся хамелеоны, бессовестные журналисты, продажные учё-ные, политики «без хребта», ... партийные интриганы», но между тем «нацио-нальной России необходимо совсем, совсем иное!» [18, с. 112-113]. Что же это?

И.А. Ильин, как и многие его предшественники в русской мысли и культуре, считает, что идея «служения» является неизбежным требованием для дела пло-дотворного обновления России. Служение, которое «предполагает в человеке повышенное чувство ответственности и способность забывать о своём личном «успехе-неуспехе» перед лицом Дела» [18, с. 155]. Главным вектором служения Делу и одновременно глубоко личным побуждением может быть только «любовь к национальной России, живое, могучее чувство ответственности за всё то, что в ней совершается». Для русского мыслителя очевидно, что **«поколение безответ-ственных шкурников и безответственных честолюбцев не освободит Россию и не обновит её»** [18, с. 340-341]. (Выделено нами-Б.З.).

Духовное завещание А.И. Солженицына. Кому-то может показаться, что этот экскурс в историю утомителен и ничего, кроме общеизвестных истин, не даёт. Однако, как ни печально, история (прав Ключевский!) ничему не учит, и мы вновь игнорируем то, что может быть отнесено к нашим, выстрадавшим сто-летиями, национальным традициям как в деле реформ вообще, так и обновления системы, содержания и смысла российского образования и воспитания. И вот из уст А.И. Солженицына мы снова слышим до боли знакомые предостережения и оценки, обращение всё к тем же доминантам национального самосознания, смыслам подлинной просвещённости «с веком наравне», установкой на служе-ние. Его страстную публицистику «Россия в обвале», получившую свет к самому завершению XX века, можно считать духовным завещанием писателя, прежде всего тем, кто ещё окончательно не научился любить своё отечество.

Нашей культуре, пишет Солженицын, лет «уж верных шестьсот, от расцвета православной культуры в Московской Руси. Затем она испытала жестокую ломку с Петра I, её насильственно втискивали в чужие формы и заставляли развиваться в них... Но в фольклорном слое, а от пушкинского времени и в слоях высших – мы многое своё отстояли» [33, с. 155]. Солженицын настаивает: «Единая система воспитания для всех народов не возможна ни теоретически, ни практически; у каждого народа своя система. Культура не может плодотворно развиваться вне национальных форм – разумеется, не в отгораживающих стенах, но во взаимо-действии с другими мировыми культурами» [33, с. 175-176].

Но совсем иная стратегия реализуется в реформировании (модернизации) современного российского образования. «Вместо строгой системы знаний в тра-

диции российского образования – предлагается поверхностная, ключная пестрота сведений, иногда головокружные обрывки информации – под лозунгом развития самостоятельного мышления ученика, где он призывается быть арбитром предложенного материала... Соответственно и при проверке знаний не требуется связного, цельного изложения их, выявления процесса мысли, но – лишь результат: подчеркнуть «да? – нет?» или поставить галочку у одного из предлагаемых вариантных ответов... Своим чередом и российское министерство образования практикует не взвешенные, скороспелые изменения в учебных программах» [33, с. 178-179].

Скороспелые, формально-поверхностные перестройки в сфере образования происходят в атмосфере, когда доминирует «повальное бесчестие, торжествующая развратная пошлость, просочившая новые верхи общества и изрыгаемая на нас изо всех телевизионных ящиков... Да разве это – мы, какими знаем себя по вековой цепочке? Разве девиз «как можно богаче!» – наша отечественная традиция? Разве напряжённая гонка, так властно охватившая души, – «личный успех!», «лишь бы я преуспел, во что бы то ни стало!» – это наша извечная черта?» [33, с. 200-201].

В чём же обрести точку опоры? Что делать здесь и сейчас, в сложившихся обстоятельствах? Солженицын нам предлагает: **«Действуй там, где живёшь, где работаешь! Терпеливо, трудолюбиво, в пределах, где ещё движутся твои руки... Мой дух, моя семья да мой труд – добросовестный, неусыпный, без оглядки на захлёбчивую жадность воровскую, – а как иначе вытягивать? Хоть бы и секира опустилась на воров (нет, не опустится), а без труда всё равно ничего не создается. Без труда – нет добра. Без труда – нет и независимой личности. Долог путь, долог... Но в системе дюжины мировых культур русская культура – явление своеобразное, лицом и душой неповторимое. И не пристало нам обречённо отдаваться потере своего лица, ронять дух своей долгой истории: мы больше можем потерять дорогого своего, чем приобрести чужого взамен. Не теперешнему государству служить, а – Отечеству. Отечество – это то, что произвело всех нас. Оно – повыше, повыше всяческих преходящих конституций»** [33, с. 202-203].

Попробуем суммировать главное. На какие же цели и смыслы как основу национальной традиции в образовании и воспитании неустанно указывают все рассмотренные нами творцы русской культуры XIX – XX веков?

1. Усвоение культурного опыта других стран, других народов, прежде всего западных, должно строиться через **сбережение, поддержание и обновление национальных традиций в культуре в целом и в образовании – воспитании, в частности.**

2. В деле **реформирования образования**, как и социально-культурного реформирования вообще, необходима чрезвычайная осторожность и взвешенность, **следует уделять особое внимание не внешним организационным формам, а целям и смыслам**, думать больше о людях, а не о новациях ради новаций. Несомненно органичная связь образования и воспитания, в традиции XIX века – обра-

зования и просвещения. Эта связь обеспечивается фундаментальной **идеей служения, причём не лицам, а Делу**. Служение Делу позволяет избежать двух крайностей, которые обнаруживаются в нашей истории, а именно: безоглядно идеологизированное, сомнительно или не внятно артикулированное служение целому (например, самодержавию, революции, социализму и коммунизму, неправомерно отождествлённых с отечеством); столь же безоглядное, а часто и циничное служение исключительно лицам, которое вполне закономерно оборачивается поиском личных выгод и предпочтений. Способом снятия этих крайностей является утверждение личного достоинства и гражданской ответственности.

3. В связи со сказанным особое значение приобретает мировоззренческое начало образования-воспитания: **высшие цели и смыслы жизни и деятельности**. Поясним, о чём идёт речь. В любой развитой культуре аккумулировано религиозное начало. Европейская культура в этом смысле – христианская, а это означает, что христианство воплощено во всех институтах европейского гражданского общества. Базовая идея такой культуры проста: она «принадлежит людям, которые способны в частном деле воплощать бесконечное и божественное». В противоположной культурной ситуации мы сталкиваемся с феноменами «безразличия человека к собственному делу» и возможностью «быть подлым сегодня, чтобы стать безупречным завтра» [26, с. 169]. Если русская культура – христианская, а на этом настаивают поэты, писатели и мыслители, о которых мы здесь говорили, – то в неё также встроено представление о высшем смысле человеческой жизни, деятельности: **готовность в частном деле воплощать бесконечное, божественное**. Наличие такой вертикали, – а она, поясним, может быть встроена и в светское мировоззрение, – только и даёт отдельному человеку силы противостоять культу денег, наживы, внешнего успеха, а также позволяет осознать свою причастность связи поколений, долгой традиции.

4. Российское образование достигло зрелости своего самосознания во второй половине XIX века, что означает, во-первых, утверждение национальной школы образования, а во-вторых, признание значимости образования в культуре, его ведущей роли в социальном переустройстве, в формировании ответственного гражданина. Сохранение и развитие достигнутого уровня предполагает обеспечение всеобщности и открытости образования, поддержание высокого статуса учителя, педагога, преподавателя, **реальное воплощение в образовании гуманистического и гуманитарного измерения**.

1. Бердяев Н.А. Философская истина и интеллигентская правда // Вехи. Из глубины. М., 1991.
2. Бердяев Н.А. О культуре // Философия творчества, культуры и искусства. М., 1994.
3. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Из глубины. М., 1991.
4. Вехи. Из глубины. М., 1991.
5. Гоголь Н.В. Арабески // Полн. собр. соч. 4-е изд. Т. 14. М., 1880.
6. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Там же.

7. Гроссман Л.П. Пушкин. М., 2003.
8. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 2. М., 1989.
9. Там же. Т. 3.
10. Достоевский Ф.М. Бесы // Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 10.
11. Достоевский Ф.М. Подросток. Подготовительные материалы // Там же. Т. 16.
12. Достоевский Ф.М. Вопрос об университетах // Там же. Т. 19.
13. Достоевский Ф.М. Дневник писателя 1873 // Там же. Т. 21.
14. Достоевский Ф.М. Дневник писателя. 1876 // Там же. Т. 22.
15. Там же. Т. 24.
16. Достоевский Ф.М. Пушкин // Русская идея. М., 1992.
17. Изгоев А.С. Об интеллигентной молодёжи // Вехи. Из глубины. М., 1991.
18. Ильин И.А. Наши задачи // Собр. соч.: в 10 т. Т. 2 (кн. 2). М., 1993.
19. Карамзин Н.М. Записка о древней и новой России в её политическом и гражданском отношении. М., 1991.
20. Кистяковский Б.А. В защиту права // Вехи. Из глубины. М., 1991.
21. Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: в 9 т. Т. 5. М., 1989.
22. Ключевский В.О. Речь в день открытия памятника Пушкину 6.06.1880 г. // Там же. Т. 9. М., 1990.
23. Ключевский В.О. Памяти А.С. Пушкина // Там же. Т. 9.
24. Корольков А.А. Духовная антропология. СПб., 2005.
25. Лотман Ю.М. Воспитание души. СПб., 2005.
26. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. М., 1992.
27. Ожегов С.И., Швецова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995.
28. Пушкин А.С. Евгений Онегин // Полн. собр. соч. Т. 6. М., 1995.
29. Пушкин А.С. О воспитании // Там же. Т. 11. М., 1996.
30. Пушкин А.С. Александр Радищев // Там же. Т. 12. М., 1996.
31. Пушкин А.С. Письмо П.Я. Чаадаеву 19 октября 1836 г. // Там же. Т. 16.
32. Пушкин А.С. в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1974. Т. 1.
33. Солженицын А.И. Россия в обвале. М., 1998.
34. Франк С.Л. Этика нигилизма // Вехи. Из глубины. М., 1991.

АНАЛИЗ СЕМИОТИЧЕСКИХ МОДЕЛЕЙ РЕКЛАМЫ КАК СПОСОБА ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ КОММУНИКАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ МЕЖДУ БРЕНДОМ И ПОКУПАТЕЛЕМ

В статье рассмотрены семиотические модели рекламы, созданные известными семиотиками XX в. – Роланом Бартом, Умберто Эко и Джудит Уильямсон, а также тесно связанная с ними теория мифа. На конкретных примерах рекламных роликов анализируются особенности каждой модели и их влияние на возможное поведение покупателя. С точки зрения семиотики и коммуникации выделены ключевые области взаимодействия между брендом и покупателем, правильное воздействие на которые формирует благоприятное отношение к торговой марке.

Ключевые слова: коммуникация, бренд, реклама, семиотика, семиотические модели рекламы.

The article considers the semiotic model of advertising, created by famous semioticians the 20th century – Roland Barth, Umberto Eco and Judith Williamson, as well as the closely connected with them theory of myth. The features of each model and their influence on the possible behavior of the buyer are analysed on the concrete examples of commercials. The key areas of interaction between the brand and the buyer, the proper influence on which forms a favorable attitude to the trade mark, are allocated from the semiotic position and communication.

Keywords: communication, brand, advertising, semiotics, semiotic model of advertising.

Одной из самых дискуссионных проблем в области связей с общественностью является проблема создания и продвижения новых брендов на рынке услуг. В условиях переизбытка товаров сегодняшнего потребителя трудно чем-либо удивить, и поэтому перед производителями всё чаще остро встаёт вопрос об успешности позиционирования своих торговых марок в глазах покупателя. Данная проблема решается в основном при помощи маркетинговых и рекламных методов. Представляется необходимым осветить обозначенную проблему с точки зрения теории коммуникации.

В современной коммуникативистике существует направление под названием символическая коммуникация, которая определяется как использование слов, букв, символов или аналогичных средств для получения информации об объекте или событии.

Обратимся к анализу семиотических моделей рекламы, существующих в современной теории коммуникации. Одним из первых к семиотическим моде-

лям рекламы обратился французский семиотик Ролан Барт. В 1964 г. он сделал анализ рекламного плаката фирмы «Пандзани», считающийся сегодня классическим. На нем из раскрытой сетки для провизии выглядывали: две пачки макарон, банка с соусом, помидоры, лук, перцы, шампиньоны и другие продукты. Если сами продукты были в желто-зеленых тонах, то фоном им служил красный цвет. Попытаемся выделить те сообщения, которые содержатся в данном изображении.

Первое из этих сообщений имеет языковую субстанцию и дано нам непосредственно, то есть высказано на естественном языке: оно образовано подписью под рекламой, а также надписями на этикетках. Как указывает Барт, код этого сообщения есть не что иное, как естественный язык, в данном случае – французский, и чтобы расшифровать сообщение, требуется лишь умение читать и знание языка [1, с. 299]. Но это языковое сообщение можно представить в виде двух компонентов: само название фирмы («Пандзани») и дополнительное значение, которое появляется благодаря языковой форме этого знака – так называемая итальянскость. Таким образом, отмечает Барт, языковое сообщение имеет двойственный характер – одновременно денотативный (то есть предметный) и коннотативный (ассоциативный). Тем не менее имеется лишь один знак – знак естественного (письменного) языка, и мы будем говорить о наличии одного сообщения. Назовём первое сообщение языковым сообщением.

Второе сообщение – это «поход на рынок», которое выражается в изображении приоткрытой сумки свежих продуктов, из которой, словно из рога изобилия, на стол сыплется провизия. Второе сообщение, в свою очередь, предполагает наличие двух эмоционально-ценностных представлений: представление о свежих продуктах и о домашнем способе их приготовления. Назовём это сообщение иконическим.

Третье сообщение – набор цветов на плакате, выражающий уже упомянутую «итальянскость» в соответствии с цветами итальянского флага.

Таким образом, проанализировав изображение на описанном плакате, мы можем выделить два основных типа знаков: знаки визуальные и знаки вербальные. Возникает совершенно логичный вопрос: какова сила воздействия этих знаков на потребителя? Согласно Р. Барту, на практике мы сначала читаем изображение, а не вербальный текст. Функция же языкового сообщения по отношению к визуальному образу заключается в закреплении и связывании текста с изображением [1, с. 304]. Иная позиция представлена У. Эко. С точки зрения Эко, реклама всегда пользуется визуальными знаками с устоявшимся значением, провоцируя привычные ассоциации, возникающие у большинства. Например, изображение молодой супружеской пары с ребенком отсылает к мысли о том, что нет ничего прекраснее семейного счастья, и, следовательно, к аргументу: если это счастливое семейство пользуется этим продуктом, то почему этого не делаете вы? [5, с. 58].

Таким образом, рекламное изображение включает в себя символы, представляя собой результат взаимодействия вербальных и невербальных кодов. Задачей

невербального кода является создание яркого образа в сознании покупателя, а вербальный код призван закрепить и уточнить созданный образ. Иными словами, рекламу можно рассматривать как вариант прикладной семиотики. С точки зрения коммуникативного взаимодействия можно проиллюстрировать такой подход следующим образом: общеизвестно, что уникальным коммуникативным элементом является понятие «бренд», то есть раскрученная торговая марка. Бренд позволяет привязывать продукт к тому или иному объекту символического мира. Например, сигареты «Мальборо» – ковбой; зубная паста «Колгейт» – белые зубы; йогурт «Активия» – стройная фигура; бритва «Джиллет» – гладкая кожа; сотовая связь Tele-2 – дешёвые звонки.

Второй моделью, заслуживающей внимания в рамках данной проблемы, является модель итальянского семиотика Умберто Эко. Выделяя вслед за Романом Jakobsonом ряд функций языка, Эко рассматривает в качестве наиболее значимых эмотивную и эстетическую функции [5, с.179], используя в качестве примера рекламу «Камей». В ней мужчина и женщина изучают картины на одном из самых престижных аукционов – лондонском Сотбис. Мужчина смотрит на женщину, которая, почувствовав этот взгляд, отводит глаза от каталога. Что касается коннотаций, то есть дополнительных значений языковой единицы, то здесь следует целый набор сообщений. Женщина красива, богата, образованна, поскольку присутствует на выставке Сотбис. Мужчина мужествен, уверен в себе, тоже богат. Умберто Эко отмечает: «Все это придает сцене легкую эротическую окраску. Оба обаятельны, но поскольку именно женщина привлекла внимание мужчины, чары по преимуществу исходят от нее. Поскольку уточняющее изображение словесное сообщение утверждает, что источником очарования является запах мыла «Камей», то иконическая тема обогащает словесный ряд при помощи двойной метонимии с функцией отождествления: «кусочек туалетного мыла + флакон духов» означает «кусочек мыла = флакону духов» [5, с. 185-186].

С такой же позиции можем рассмотреть другой ролик, рекламирующий этот же бренд. Действие происходит в вагоне поезда с сидячими местами. Вагон новый, красивый, так и сияет чистотой. С противоположных дверей к креслам, стоящим спинками друг к другу, движутся парень и девушка. Не глядя друг на друга, они занимают места, и вагон трогается. Далее мы наблюдаем, как парень, уловив, по замыслу авторов ролика, запах мыла «Камей», исходящий от девушки, поворачивается к ней, в этот же самый момент она поворачивается к нему, и их лица почти соприкасаются, а взгляды устремлены друг на друга. Здесь мы снова видим две доминанты: эстетическую (красивая внутренняя обстановка) и эмотивную (которая выражена в той самой эротической составляющей, возникшей благодаря аромату «Камей»).

Все остальные рекламные ролики мыла «Камей» построены по аналогичному принципу. В них всегда присутствуют двое, оттенок красоты и богатства и сопутствующая им доля скрытого эротизма.

Третья концепция, которую мы подвергнем анализу в нашей статье, – это концепция профессора Мидлсекского университета Джудит Уильямсон. Она

считает, что реклама выполняет функцию, которую выполняют также искусство и религия, – функцию создания структур значений. Она объясняет это тем, что недостаточно принимать во внимание характеристики рекламируемых объектов, нужно учитывать то, чем эти значения являются для нас. Происходит соединение типов объектов и типов потребителей: бриллианты трактуются не в аспекте символизма каменной скалы, а в человеческом измерении, например вечной любви. В результате создается необходимый знаковый продукт. То есть реклама выступает в идеологической плоскости трактовки себя и мира.

Джудит Уильямсон говорит в этом случае, что техника рекламы состоит в создании корреляции между чувствами, ощущениями и материальными объектами, то есть недостижимое привязывается к достижимому. Например, чувство счастья или женская красота связываются с духами, а уверенность в себе, дружеское расположение другого и т.д. – с кофе, жевательной резинкой и прочим.

Как отмечает Г. Почепцов, реклама принципиально строится в подобном неоднозначном поле эмоционального, поскольку любые рациональные доводы поддаются критике. В эмоциональном поле формулируются сообщения, с которыми все равно согласно большинство. Никто не станет противоречить тому, что, например, мужественность – это признак мужчины. Новой вводимой информацией при этом становится переход на объект, который призван символизировать это качество. Но тут потребитель почему-то легко идет на подобные корреляции. Этот переход в символический мир оправдан еще и тем, что на уровне объектов одного типа между ними очень трудно найти реальные отличия. Стиральные порошки, пиво, джинсы, сигареты и т.д. практически подобны, и потребитель не может видеть различий между ними. По этой причине единственной сферой, где возможно создание этих различий, становится символический мир. Нам все равно нужны различия для принятия решения о покупке. Это различие задается в иной плоскости [3, с. 71].

Дж. Уильямсон говорит также еще об одной функции рекламы – переводе ситуации потребления в ситуацию производства: «Окончание рекламы (заставляющее нас покупать) превращается в начало – с ним начинаются все эти удивительные события» [8, с. 141]. Это нечто магическое, что снова-таки создает ситуации вне контроля человека.

Дж. Уильямсон обнаруживает две интересные рекламные структуры: в первом случае предмет символизирует людей, во втором – люди символизируют предмет. Первый случай достаточно распространен, например раскрытая коробка шоколадных конфет предполагает наличие того, кто начал их есть. В качестве примера можно также привести рекламу пива «Три медведя». Или такой пример: сцены с женщиной предполагают наличие в качестве отсутствующей фигуры зрителя-мужчины.

Во втором случае, например, два человека пьют отсутствующее пиво из пустых бокалов, поскольку их любимого сорта нет. Дж. Уильямсон вообще видит в подобном типичный для рекламы обмен: «Любая реклама предполагает замену, они все обменивают нечто имеющееся на что-то отсутствующее» [8, с. 87].

Есть еще один аспект рекламы, отмеченный Дж. Уильямсон. Деньги, которые нужны для покупки продукта, оказываются спрятанными в рекламной коммуникации. Все эти эмоциональные характеристики, о которых шла речь, приходят к нам вместе с продуктом, не с деньгами. При этом воздействие идет по более тонкому пути, то есть вы не просто покупаете продукт, чтобы стать частью группы, которую он представляет; вы должны чувствовать, что вы уже, естественно, принадлежите к этой группе, следовательно, вы купите его. Выбор продукта делается не в магазине, вы заранее признаете себя принадлежащим определенной социальной группе, которая признает данный бренд.

Рекламный текст воссоздает свой вариант мира, который не повторяет характеристики мира реального, а усиливает их. Значимость каждого рекламируемого объекта в этом символическом мире утрированно возрастает. Если речь идет о «чае», то именно чай оказывается способным решить проблемы социального, а не только физиологического толка. Например, реклама чая «Беседа», говорящая нам: «Беседуйте на здоровье», или реклама чая «Тесс» со слоганом «Общайся – согревайся». Реклама повествует об объектах желания, поэтому она и обладает для нас определенной привлекательностью. Мир желаний – это и есть мир рекламы.

Возникает вопрос, как же проанализированные концепции работают на практике? Рекламное сообщение, которое получает потребитель, – это не простой набор слов, но и культурный смысл, связанный со словами и изображениями. Г. Фоксол, Р. Голдсмит, С. Браун, авторы книги «Психология потребителя в маркетинге», отмечают, что «восприятие товаров и услуг отчасти зависит от стимулов, которые воздействуют на потребителя, а отчасти от того, каким образом эти стимулы сами потребители наполняют смыслом» [4]. С точки зрения Яна Эллууда, смысл рекламного сообщения воспринимается не только по его осязаемому, но и по символическому содержанию [6, с.88].

Остановимся подробнее на теории мифа. Её можно рассматривать как теорию среднего уровня, которая базируется на общей теории значения в семиотике и одновременно с этим становится основой для прикладных исследований и кинологии конструирования мифов в журналистике, рекламе, паблик рилейшнз, политической борьбе.

Миф (от греч. *mythos*) – это сказание, передающее представления древних народов о происхождении мира и явлений природы, о богах и легендарных героях. В обыденном сознании миф – это какой-то вымысел, не соответствующий реальности. В первоначальном значении он носил религиозный характер. Мифы объясняли жизнь и смерть, взаимоотношения людей и богов, добро и зло. Современные мифы говорят обо всех важных явлениях в жизни людей, о семье, успехе, политике и т.д. [7, с. 32].

Для понимания мифов важен подход Р. Барта: мифом может быть все, что представляет для кого-то интерес. Важен не сам объект, а то, как о нем сообщается. Миф у Барта – это способ понимания и представления объекта интереса. То есть, опираясь на мнение Р. Барта, можно охарактеризовать миф как коммуника-

тивную систему, цепочку связанных и определенным образом окрашенных представлений. При рассмотрении мифа Барт добавляет такую черту, как императивность: «Миф носит императивный, побудительный характер, отталкиваясь от конкретного понятия, возникая в совершенно определенных обстоятельствах, он обращается непосредственно ко мне, стремится добраться до меня, я испытываю на себе силу его интенции, он навязывает мне свою агрессивную двусмысленность» [1, с. 90].

Основная социальная функция мифа – искажение, деформирование реальности, её идеологизация в интересах определенных слоев. Миф обладает возможностью превращения сказания в естественное, природное явление, в которое люди верят как в реальность. Высший уровень мифотворчества – умение «сделать сказку былью». Потребитель мифа должен принять его содержание за истинное, само собой разумеющееся естественное явление.

Например, правительство объясняет причины бедности нехваткой денег или инвестиций в стране. Такой миф нужен для того, чтобы убедить бедное большинство потерпеть, затянуть пояса, надеяться на улучшение, в то время как богатое меньшинство имеет возможность наслаждаться жизнью уже сейчас. Общество в таком случае превращается в область хождения мифических значений. Богатые и власть имущие пытаются выдавать их за естественное состояние, не выпячивая свои «неестественные состояния». Но если народ верит мифам, то можно и красоваться своими богатствами, потому что это считается нормальным состоянием королей, звезд экрана или удачливых дельцов. Журналисты с помощью пера и микрофона участвуют в мифотворчестве и помогают мифам утверждаться в сознании людей или выступают с их критикой и разоблачениями.

И. Яковлев по социальной функции выделяет мифы доминирующие, оппозиционные и компромиссные, призывающие к согласию и единству в обществе [7, с. 33]. По всем важным проблемам общественной жизни можно найти эти три подхода. Например, на милицию, разгоняющую демонстрантов, можно смотреть как на спасителей порядка или как на душителей свободы, а предпринимателей представлять как работодателей-благодетелей или как эксплуататоров-грабителей народа и т.п.

Мифы используются и конструируются в журналистике, рекламе, PR применительно ко всем сферам жизни – экономике, политике, культуре. Примеры мифодизайна в рекламе многочисленны. Например: «Баунти возвращает в мир гармонии и красоты»; «Бочкарев – правильное пиво», «Данон – небесный вкус сливок, взбитых тысячу раз»; «Домик в деревне» (миф о деревенской жизни); «Жилетт – лучше для мужчины нет»; «Масло «Злато» на чудеса богато»; «Финт – только для тех, кто вправду крут»; «Петр I – всегда первый»; «Пиво «Пит» для умных людей» (Эйнштейн); «Очаково – живительное пиво» (аналог сказочной живой воды), «Чай «Липтон» – буря эмоций, прилив новых сил, желание творить и добиваться успеха». Компания «Кока-кола» культивирует миф о том, что этот напиток был изначально придуман как лекарственное средство. Постоянное повторение этого приводит к тому, что «Кока-кола» воспринимается как нечто бо-

лее полезное, чем просто лимонад, утоляющий жажду, а компания в целом – как организация с очень давними традициями, приносящими пользу человеку.

Таким образом, мифы представляют собой действенные способы кодирования и декодирования истинного, скрытого смысла рекламных сообщений. Используя мифы, можно передавать более глубокий, богатый смысл, соответствующий задуманной идее сообщения, намного быстрее и точнее, чем посредством простого текста. Для достижения положительного результата нужно пользоваться знакомыми потребителю кодами и символическими образами.

Областями культуры, наиболее богатыми символическими образами, являются: наука, закон, образование, спорт, общество, искусство, поп-культура, мода, религия, финансы, юмор и прочее. Восприятие символических образов этих сфер жизни носит универсальный характер для всех групп потребителей. Наиболее заинтересованные в каждой конкретной сфере потребители пользуются ими для формирования и проявления своей индивидуальности перед самим собой и окружающими. Аналогично и торговые марки должны использовать определённые коды для демонстрации своей ценности перед соответствующими целевыми потребителями.

В завершение отметим, что для того, чтобы быть успешным, бренд должен развивать индивидуальность человека, доставлять удовольствие для самосознания. Положительные эмоции у потребителя возникают либо в процессе непосредственного употребления товаров конкретной марки, либо в процессе общения с рекламой, в информации которой отражен характер бренда. Положительную связь между брендом и потребителем можно выразить как следующую последовательность: потребитель слышит – видит – чувствует = результат, связанный с товаром. Таким образом, формируются отношения между потребителем и брендом.

Эти отношения зависят от представлений покупателя и его ожиданий и получения положительных эмоций от приобретения товара. В зависимости от символического содержания бренда возможны три вида отношений с потребителем:

- эмоциональные отношения формируются на основе чувств, вызываемых у потребителя брендом (положительных и отрицательных эмоций);

- поведенческие отношения можно рассматривать как действия потребителя, вызванные мотивированием бренда к практическому результату, т.е. как намерение приобрести товар;

- рациональные отношения формируются на основе знания, оценки, убеждения и осведомленности покупателя о бренде.

В процессе функционирования бренда все виды отношений тесно переплетены. От того, насколько правильно сформирована символика бренда, зависит их гармоничное взаимодействие. В конечном счете, от этого зависит эффективность и полноценность бренда.

1. Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс, 1994. С. 90.
2. Макашев М.О. Формирование отношений бренда с потребителем // ELITARIUM.RU: Центр дистанционного образования. URL: http://www.elitarium.ru/2011/01/17/otnosheniye_brend_potrebitel.html
3. Почепцов Г. Теория коммуникации. М.: Рефл-бук Ваклер, 2001. С. 71.
4. Фоксол Г., Голдсмит Р., Браун С. Психология потребителя в маркетинге. СПб.: Питер, 2001. // Режим доступа <http://www.piter-press.ru/attachment.php?barcode=978531800159&at=exc&n=0>
5. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию. СПб.: Петрополис, 1998. С. 58, 179, 185-186.
6. Эллвуд Я. 100 приемов эффективного брендинга. СПб.: Питер, 2002. С. 88.
7. Яковлев И.П. Современные теории массовых коммуникаций. СПб.: Роза мира, 2004. С. 32, 33.
8. Wilcox D.L., Nolte L.W. Public Relations writing and media techniques. N.Y., 1995. С. 87, 141.

К ПРОБЛЕМЕ ПАМЯТИ В ТВОРЧЕСТВЕ М.М. БАХТИНА

В статье анализируются подходы М.М. Бахтина к изучению памяти как глубокого явления культуры. Рассматривается бахтинское понимание концепта «вечное возвращение», взаимодействия памяти и забвения. Олицетворением амбивалентности культуры, связи настоящего с прошлым являлась для Бахтина смеховая («карнавальная») культура.

Ключевые слова: культура, память, забвение, народ, традиция.

In article M.M. Bakhtin's approaches to memory studying as deep phenomenon of culture are analyzed. The bakhtinsky understanding of a concept «eternal return», memory and oblivion interactions is considered. Embodiment of ambivalence of culture, communication of the present with the past was for Bakhtin the humorous («carnival») culture.

Keywords: culture, memory, oblivion, folk, tradition

Феномен памяти исследуется в разных отраслях гуманитарного знания на всем протяжении истории культуры. Традиция изучения памяти связана в философии с именами Платона, Аристотеля, Августина, А. Бергсона, Вл. Соловьева, Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева и др.; в социологии – Э. Дюркгейма и М. Хальбвакса; психологии – У. Джемса, З. Фрейда, К.-Г. Юнга, П.П. Блонского, П.Жане, Л.С. Выготского, А.Р. Лурии, А.Н. Леонтьева и др.

М.М. Бахтин определял проблему п а м я т и (*разрядка Бахтина – авт.) как одну из центральных в философии, и в его творчестве памяти принадлежит одно из ведущих мест. Представляется, что немалую роль в этом играла сама атмосфера времени, в которой М.М. Бахтин формировался как философ: атмосфера пессимизма и жизнеутверждения, «заката Европы» и «пробуждения Азии». Рубеж XIX-XX веков (в действительности о нем можно говорить не в строгом хронологическом смысле) характерен повышенным интересом к проблематике памяти – в науке, общественной мысли, художественной литературе, искусстве.

М.М. Бахтиным был избран свой ракурс исследования памяти, при этом он изучал ее в широком историческом контексте, представляя память глубинным явлением культуры. При этом Бахтин связал высокое философствование с анализом низовой народной культуры, выйдя за исторические пределы романа, изучению которого посвятил всю свою жизнь (имеется в виду роман Ф. Рабле «Гаргантюа и Пантагрюэль»). Не случайно, видимо, что Бахтин – свидетель и участник

поистине «мировых смен и катастроф – исторических и космических» – обратился в своих исследованиях к другой, но тоже пограничной по своей сути эпохе, отыскивая в ней универсальный смысл. Время перехода от Средневековья к Ренессансу будто раздвинуло свои границы, позволив увидеть за ним не только общеевропейское, но и общемировое прошлое. И одновременно – затронуть актуальный для XX столетия вопрос о трансформации народной культуры и памяти.

Уже в работах М.М. Бахтина 1920-1930-х гг. были обозначены многие аспекты проблематики памяти, позже рассмотренные им подробнее. Бахтина интересовали вопросы культуры и художественного творчества в целом, их диалогичности, соотношения универсального и единичного, коллективного (надындивидуального) и индивидуального начал. Он писал о «систематическом единстве культуры», которое уходит в атомы культурной жизни, «как солнце отражается в каждой капле ее». Любой культурный, творческий акт рассматривался им не только сам по себе, как конкретно-историческое явление культуры, но прежде всего в контексте большой культурной традиции, по отношению к которой этот творческий акт «должен ответственно занять свою ценностную позицию». Любому познавательному акту предшествует донаучное мышление, которое уже обработало в своих понятиях действительность [3, с. 25].

Бахтин отмечал, что культурные и литературные традиции (в том числе и древнейшие) сохраняются и живут не в индивидуальной субъективной памяти отдельного человека и не в какой-то коллективной «психике», но в объективных формах самой культуры (в том числе и в языковых и речевых формах), и в этом смысле они межсубъективны и межиндивидуальны (следовательно, и социальные); отсюда они и приходят в произведения литературы, иногда почти минуя субъективную индивидуальную память творцов [3, с. 397].

Таким образом, формировались подходы к интересующей нас теме.

Будучи представленной на двух уровнях – коллективном и индивидуальном, память объективирована, то есть объективно выражена – в языке, речевых формах, памятниках и пр. В такой форме коллективная память существует вне индивидуальной памяти, «поверх» ее. Но коллективная память, по мнению Бахтина, также и инкорпорирована в индивидуальном. Сущность памяти как социального явления заключена в межсубъектном и межиндивидуальном общении (диалоге). Творческий акт, включенный в канву традиции, предстает как диалог между настоящим и прошлым, поэтому «современность, взятая вне его отношения к прошлому и будущему, утрачивает свое единство, рассыпается на единичные явления и вещи, становится абстрактным конгломератом их» [3, с. 296].

Прошлое, с точки зрения Бахтина, само выступает как память, а не познание, поскольку отсутствует сознание относительности всякого прошлого, а познание само по себе – акт сомнения. Предание о прошлом священо, а само «прошлое» приобретает характер «абсолютного прошлого», выступая как ценностная категория. Подобное прошлое являет собой абсолютную завершенность и замкнутость, а приобщение к нему становится приобщением к подлинной сущности. Оно находит свое отражение в эпосе, эпосее – в противоположность роману как

незавершенному настоящему, устремленному в будущее. В этом смысле память является исторической памятью – памятью о прошлом. Лишь с опытом, познанием и практикой приходят сомнения – прежде всего относительно настоящего, но вместе с тем и относительно прошлого, поскольку между ними стираются прежде существовавшие грани.

Бахтин выделял «единое время мира» и время человека, отмечал важную с точки зрения культуры включенность, вплетенность индивидуальных жизненных рядов в общую жизнь ближайшей социальной группы. С темой творчества связана непосредственно проблема трансляции культурного наследия [3, с. 352-354]. Рост поколений для Бахтина идентичен росту культуры, понимаемому как продолжение дела, традиций предшествующих поколений [5, с. 359, 449].

В работе «К философским основам гуманитарных наук» (начало 1940-х гг.) Бахтин выделял проблему памяти как одну из центральных в философии. В отличие от своих предшествующих работ, в которых Бахтин противопоставлял память познанию, здесь он связывал ее с актами познания и самопознания, акцентируя внимание на последних как процессе коммуникации с Другим. Познание предстает как духовный акт, как понимание бытия – «выразительного и говорящего бытия». Это «выразительное и говорящее бытие», бытие целого, бытие человеческой души многозначно и неисчерпаемо. Душа бессмертна; Бахтин отмечал, что она «свободно говорит нам о своем бессмертии, доказать которое нельзя» [4, с. 7-9]. Что помогает его понять, раскрыть, интерпретировать? Вероятно, именно память.

Однако память как интерпретация, как понимание не остается неизменной, и это еще одна проблема, которая волновала Бахтина. Обнаруживается, что память неизменна и изменяема одновременно.

Ведя речь о памяти как форме познания, Бахтин перешел к проблеме понимания прошлого. В чем особенность познания прошлого? Бахтин писал о невозможности изменения фактической, «вещной» стороны прошлого. Эта сторона завершена и не повторится. Однако «смысловая, выразительная, говорящая сторона» этого прошлого – совсем иное, она может быть изменена в силу своей незавершенности, несовпадения с ней самой (поскольку элемент свободы присущ каждому выражению, а самое прошлое – это тоже «выразительное и говорящее бытие»). Бахтин ставил вопрос о роли памяти в этом «вечном преобразении прошлого», то есть в отыскании смыслообразующей стороны прошедших эпох [4, с. 7-9].

«Вечное преобразование прошлого» возможно потому, что нет пределов числу интерпретаций смысла, и в зависимости от контекста можно говорить о множественности способов его передачи памятью. Таким образом, прошлое подвергается постоянному переконструированию. Речь также может вестись об актуализации прошлого посредством памяти. Познание же, таким образом, выступает как понимание прошлого в его незавершенности, видении смысла его переживания и выражения. Здесь речь идет именно о познании, а не просто знании о прошлом, некоем статичном состоянии, поскольку знание указывает на завершен-

ность. Особенность памяти в том, что она не сводима к историческому познанию прошлого: «большая память не есть память о прошлом (в отвлеченно временном смысле); время относительно в ней. То, что возвращается вечно и в то же время невозвратно. Время здесь не линия, а сложная форма тела вращения» [4, с. 7-8].

При этом тема памяти имеет весьма существенный аспект, который представляет ее антипода – забвение: «выясняется, что всякий действительно существенный шаг вперед сопровождается возвратом к началу («изначальность»), точнее, к обновлению начала. Идти вперед может только память, а не забвение. Память возвращается к началу и обновляет его» [5, с. 533]. Бахтин отмечал, что сами термины «вперед» и «назад» теряют в этом понимании свою замкнутую абсолютность, и скорее «вскрывают своим взаимодействием живую парадоксальную природу движения...» [3, с. 492]. Память универсальна, она способна отыскать в прошлом то, что позволит изменить нынешнее состояние, понимаемое как обновление начала. Она выступает как возможное объяснение настоящего и будущего, смысл которых еще сокрыт.

М.М. Бахтин понимал память не только как свойство субъективного (изолированно-личностного) единства сознания, но и как категорию культуры [3, с.492]. Механизм действия культурной памяти Бахтин связывал с формами языка как с «накопленной памятью в ее полном смысловом объеме» [5, с.533]. Связь языка и памяти двухсторонняя: язык выступает в качестве маркера памяти, в свою очередь память – в качестве носителя языка, проводника его смысла [4, с.398].

Не случайно Бахтин придавал особое значение имени, эмпирика которого различна в культурах. В универсальном смысле именование отсылает к памяти, поскольку имя связано с жизнью и смертью: имя – это рождение, начало, благословение на жизнь и в то же время имя – это смерть, которая приобщает памяти (в пределе – вечной памяти). С другой стороны, имя выделяет, индивидуализирует и одновременно включает в традицию, род, историю. По Бахтину, имя связывает, укореняет, приобщает индивидуальному же, но объемлющему целому рода, нации, истории, целому чисто положительному, чисто хвалебному, прославляемому (к Божьему миру). Именованье – значит называть, утверждать «на веки вечные», закрепить в бытии навсегда. Имени присуща тенденция к нестираемости, несмываемости, оно хочет быть врезанным как можно глубже, врезанным прежде всего в память. Вокруг имени сосредоточиваются все положительные, утверждающие, хвалебно-прославляющие формы языковой жизни. Имя связано с топографическим верхом: оно записано на небесах (потому оно сакрально), оно связано с лицом человека (ликом святого), оно неисчерпаемо [4, с.100-103].

В противоположность имени прозвище тяготеет к бранному, к проклинающему полюсу языковой жизни. В то же время подлинное прозвище (как и подлинное ругательство) биполярно, хотя в нем преобладает развенчивающий момент. Если именем зовут и призывают, то прозвищем скорее прогоняют, пускают его вслед, как ругательство. Прозвище по-особому связано с временем: оно

фиксирует в нем момент с м е н ы и о б н о в л е н и я , оно не увековечивает, а переплавляет, перерождает, это «формула перехода». Связанное, как и имя, с рождением и смертью, прозвище, однако их сближает и сливает, по образному выражению Бахтина «превращает колыбель в гроб и гроб в колыбель». В отличие от имени прозвище профанно делает прозываемого определенным, исчерпанным, разгаданным и больше ненужным («пора на смену») [4, с.100-103].

Вопрос об имени и прозвище связан у Бахтина в таком контексте с проблемой «память/ забвение»: «Если что-либо отрицается, должно быть уничтожено, то прежде всего нужно з а б ы т ь , нужно вычеркнуть из списков бытия его имя». Пока сохраняется имя (память), сохраняется (остается) в бытии именуемый, продолжается его – за пределы индивидуальной смерти выходящее бессмертие. Всякие посягательства на имя (на «доброе имя», шутки с именем и пр.) поэтому страшны, поскольку предрекают его небытие. Прозвище же возникает на границе памяти и забвения [4, с.100-103].

Память в философском смысле выступает у Бахтина в качестве большой объективной памяти человечества, мировой памяти, атрибута большого мира и большого времени, наконец, модели «последнего целого» – модели мира. Эта модель мира постепенно перестраивается на протяжении столетий, а радикально – тысячелетий. Пространственные и временные представления, лежащие в основе этой модели, ее смысловые и ценностные измерения и градации воплощены в фольклорных символах. В них запечатлен большой опыт человечества [4, с. 68, 423-424]. Поэтому, по мнению Бахтина, «специфическое единство жизни нельзя понять в узко-человеческих рамках ближайшей эпохи его становления», а только за его пределами, апеллируя к «большой, за грань истории уходящей магистрали мировой и человеческой жизни, основным трассам мировой жизни» [4, с.131-133] .

М.М. Бахтиным была подмечена парадоксальная особенность творческого, познавательного процесса и всей культуры – самобытное, индивидуальное проявляется тем ярче, чем сильнее в нем накопленное, запечатленное в памяти коллективное, надиндивидуальное начало: «Наиболее оригинальное и новое несет в себе больше всего памяти, обновляет максимум прошлого, в нем раскрывается то, чем оно было чревато» [4, с. 424].

Для Бахтина важнейшее качество памяти как категории культуры – ее коллективный, надличностный, а следовательно, и надвременной характер. Накопленная память может пониматься в широком смысле как традиция. Память – это приходящий в настоящее со всем своим прошлым образ [5, с. 138-139].

М.М. Бахтин пытался уловить в памяти некий первофеномен, связанный с ее космическим началом: «В большом опыте мир не совпадает с самим собою (не есть то, что он есть), не закрыт и не завершен. В нем – память, не имеющая границ, память, спускающаяся и уходящая в дочеловеческие глубины материи и неорганической жизни, опыт жизни миров и атомов» [4, с. 76]. Когда память приравнена к Великой тайне мира, она приобретает сакральный смысл: стремление все оживить, во всем увидеть незавершенность и свободу, чудо и откровение [4, с. 78].

С темой памяти была связана у Бахтина тема смеховой (сатирической) сути народной культуры.

Предстоящее – в силу своей неизвестности, определенной опасности – серьезно. Смех же упраздняет тяжесть будущего (предстоящего), будущее перестает быть угрозой. Бахтин отмечал свойственное культурным людям (людям Большой, письменной культурной традиции) в определенных обстоятельствах стремление слиться с толпой и раствориться в ней. Народная толпа – это «большое тело», она фамильярна, не знает иерархии и норм, прозаична, а потому вокруг и внутри нее возможны всяческие мистификации, профанации, случайности, выпадения из нормы. Народная толпа – синоним смеха, а смех связан с прошлым, с началом. Память из настоящего поэтому обращается в прошлое, то есть к началам, к природе, которая как всеильное и побеждающее целое «не серьезна, а рава н о д у ш н а или прямо улыбается и смеется». Обращение памяти к прошлому фактически есть обращение к вечности (вневременному).

Почему память несет в себе смеховое (сатирическое) восприятие действительности? Память символизирует начало человеческого бытия, а в этом начале не просто все переплетено, но синкретично и амбивалентно, одно воплощает другое, одно вбирает другое. Смеховое проявляет себя особенно ярко в народнопраздничной культуре, поскольку праздник амбивалентен по своей сути, это пограничное время – жизни/смерти, света/тьмы.

Древнейшими фольклорными формами сатиры были формы народнопраздничного осмеяния и срамословия. Эти формы носили первоначально культовый характер (обрядовый, ритуально-магический смех), символизировали одновременность смерти и возрождения производительной силы природы. Все праздники осмеяния были существенно связаны с временем – со сменой времен года и сельскохозяйственных циклов М.М. Бахтин имел в виду прежде всего древнегреческие и древнеримские праздники, но исследования В.Я. Проппа показали, что подобный характер имели и древнеславянские аграрные праздники.

Смех фиксировал самый момент этой смены, момент смерти старого и одновременно рождения нового. Поэтому такой смех одновременно – насмешливый, бранный, посрамляющий (смерть, зима, старый год) и радостный, ликующий (возрождение, весна, новый год). Это время старинного «спора» (агона) жизни и смерти. Смех – это не нигилистическая, а веселая карнавальная профанация, возрождающая и обновляющая.

Сатира, по мнению Бахтина, – это больше чем просто жанр. Она пронизывает всю народную культуру, она универсальна. Это определенное отношение к действительности = о б р а з н о е о т р и ц а н и е современной действительности и положительный момент утверждения лучшей действительности [4, с. 14-15, 50, 83-84, 121-123, 421]. При этом в подлинно смеховом начале культуры отрицательное и положительное в явлениях трагикомического неразделимо слиты, между ними нельзя провести четкой границы [5, с. 92-94, 165, 215].

Цепь рассуждений М.М. Бахтина может быть представлена следующим образом: память – это символическое возвращение к прошлому, к началу, обновление начала; смех связан с прошлым, с началом, он символизирует обновление, переход от смерти к жизни; память и смех неразрывно связаны между собой как отрицание смерти. Поэтому большая память по особому понимает и оценивает смерть. Смерть есть забвение, равно как и забвение есть символическая смерть. Память есть уход от забвения, преодоление забвения. Символизм памяти – в преодолении забвения. Народная культура – памятлива по своей сути, по своей онтологии.

Однако у Бахтина существует еще одно понимание памяти, также вытекающее из карнавального характера народного смеха. Он писал о «забывчивости» народной памяти.

«В иные эпохи, – отмечал Бахтин, – точно пробуждается память о своих предсуществованиях, человек перестает укладываться в пределы своей жизни» [4, с. 132]. Бахтин вводил понятие «страшной памяти», связанной со смертью, социальными катастрофами, которая преодолевается («изгоняется») «стихией народно-праздничных образов, мобилизующих смех [4, с.59]. Смысл празднично-карнавальной стихии заключался для Бахтина в следующем: народ чувствует себя хозяином – и только хозяином; народно-площадная карнавальная толпа на улицах – это не просто толпа, а народное целое. Бахтин подчеркивал, что дело здесь не в степенях субъективной осознанности всего этого отдельными участниками карнавала – дело в их объективной причастности народному ощущению своей коллективной вечности, своего земного исторического народного бессмертия и непрерывного обновления-роста [5, с. 275, 280-281].

В карнавале проявляется целое народа и целое мира, позволяющее преодолеть страх. Бахтин писал о нем как о «космическом страхе и космической памяти», «темной памяти о космических переворотах прошлого и каком-то смутном страхе перед грядущими космическими потрясениями», заложенными в самом фундаменте человеческой мысли, слова и образа [5, с. 371-372]. Космический страх, хотя и используется всеми религиозными системами, не является, по мнению Бахтина мистическим в строгом смысле слова, поскольку это страх перед материально-большим и материально-непреодолимым [4, с. 131]. Бахтин сравнивал его с памятью индивидуального тела о мучительном рождении и предчувствии агонии, но подчеркивал глубину и существенность космического страха, гнездящегося в «родовом теле человечества», и, следовательно, способного проникнуть в самые основы языка, образов и мыслей.

Однако происходит инверсия регистров памяти, превращение страха в смех: «Уже в древнейших образах народного творчества, – писал Бахтин, – находит себе выражение и борьба с этим космическим страхом, борьба с памятью и предчувствием космических потрясений и гибели» [5, с. 371]. Народные образы, отражающие эту борьбу, формировали человеческое бесстрашное самосознание, причем опирались они, утверждал Бахтин, «не на вечность духа, а на материальное же начало в самом человеке»: «человек как бы осваивал космические стихии

(землю, воздух, воду, огонь), находя и живо ощущая их в самом себе, в своем собственном теле; он чувствовал космос в себе самом» [5, с. 371-372].

Потому карнавальное чувство целого – чувство «вечно недоконченного», торжество не только жизни над смертью, памяти над забвением, но и памяти как смеха над памятью как страхом. Показанная Бахтиным «забывчивость» памяти – способ «преодоления прошлого», которое становится неопасным.

Значит ли, что память существует только в регистре смехового начала? Категория «смеха» была первоначально противопоставлена Бахтиным «серьезности». Впоследствии это противопоставление смягчилось, и если голос целого прежде был отождествлен со смехом, то затем резкая граница между смехом и серьезностью не проводилась. Они становились амбивалентными полюсами единого целого, «голос» которого понимался как амбивалентное слияние хвалы и брани, имени и прозвища [4, с. 399, 463]. Этот ряд, безусловно, может быть продолжен: «голосом» целого может быть подобное слияние памяти и забвения, стихийного и официального. Не случайно, анализируя творчество Бахтина, С.С. Аверинцев обращал внимание на прямую связь между смехом и насилием, между карнавалом и авторитарностью [1, с. 7-19].

Стихийное/официальное – еще один ракурс рассмотрения темы памяти М.М. Бахтиным.

Предмет осмеяния в народной культуре – как старое (прошлое), так и настоящее, современность; образное отрицание современности носит гротескный характер: уничтожающая насмешка сочетается в них с веселыми мотивами производительной силы, материально-телесного избытка (непристойности), обновления и возрождения [5, с. 215, 274-275, 353, 363, 391, 397, 402-405, 449].

Если народная память воплощает большой опыт человечества, то организованная в символах официальной культуры память – лишь малый опыт «специфической части человечества (притом данного момента, заинтересованной в стабильности его)» [4, с. 17-34]. Из этого вовсе не следует жесткое противопоставление официальной и народной культуры, поскольку официальная культура своими корнями уходит во внеофициальные символы большого народного опыта. Официальная культура способна питаться соками, мощью народной культуры, и в этом ее сила и масштаб воздействия на культуру народа, особенно когда поток народной культуры истончается.

Излюбленный мотив М.М. Бахтина – мотив амбивалентности, используемый им при анализе народного смеха. Но, видимо, мы вправе использовать это понятие и применительно к памяти.

По отношению к памяти можно было бы воспользоваться словами самого Бахтина, сказанными им по поводу карнавала: чувство целого – «вечно недоконченного». Возникает многомерный, в определенном смысле бесконечный образ, порождаемый памятью. И вновь уместно обратиться к самому Бахтину в подтверждение наших представлений о бахтинском понимании памяти. Гротескные образы празднично-народной карнавальной стихии, вылепленные Бахтиным, навеянные, вероятно, экспрессией барокко, предстают как нескончаемая цепь те-

лесной жизни и фиксируют те моменты, где «одно звено заходит за другое, где жизнь одного тела рождается из смерти другого, старого» [5, с. 353].

Но инкорпорированность памяти – понятие всеобъемлющее. «Материально-телесная» сторона памяти, гиперболизация которой в народно-праздничной культуре была чутко уловлена М.М.Бахтиным, не дает все же объемности образу памяти. Для Бахтина память – это духовный опыт, свойство субъективного (изолированно-личностного) единства сознания [4, с. 7-9, 77-79]. Но – главным образом и прежде всего – мировой культурный опыт, накопленный коллективным человечеством, «сознающего и судящего «я» и мира как его объекта» [2, с. 64-65, 86-87, 123-175, 319]. Поэтому Бахтин считал, что наряду со смехом освобождают от страха («страшной памяти») искусство и познание [4, с. 463].

Будто изгибаясь, подобно причудливым языкам барочного пламени, память у Бахтина предстает каждый раз своей другой стороной, высвечивается еще одной гранью, обретает новое качество, иной ракурс рассмотрения. Сродни волнующейся стихии невысказанного или недоговоренного, каждый раз она открыта для нового понимания, свободной интерпретации, отыскания в ней невидимого прежде смысла.

В таком случае, может быть, первофеномен памяти, по Бахтину, – диалог? Ведь и сами бахтинские тексты открыты для диалога.

1. Аверинцев С.С. Бахтин, смех, христианская культура // М.М. Бахтин как философ. М., 1992.
2. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000.
3. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
4. Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т.5. М., 1997.
5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1990.

ЖИЛЫЕ ПОСТРОЙКИ В БЫЛИНАХ ПЕЧОРЫ: ОБРАЗНО-ТЕМАТИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*

Статья посвящена характеристике тематического поля «Жилище» в былинах Печоры. Рассматриваются словосочетания с такими словами, как дворец, дом, жилище, изба, палаты, помещение, терем, хоромы. Также в исследовании делается попытка сопоставить эти художественные единицы с подобными из текстов других фольклорных жанров Печоры и других традиций России.

Ключевые слова: фольклор, былины, Печора, тематическое поле, номинации жилища, эпитеты.

The article is devoted to the characteristic of the thematic field «Dwelling» in Pechora epics. Word combinations are considered with such words as the Palace, house, dwelling, cottage, chambers, living quarters, tower-room, mansion. In the research the attempt is also made to compare these artistic units with similar from the texts of other Pechora folklore genres and other Russian traditions.

Keywords: folklore, epics, Pechora, the thematic field, the nomination of dwelling, epithets.

Жилище занимает важнейшее место в жизни человека. Оно отделяет в микрокосмосе «свое» пространство от «чужого». Дом представляется живым организмом, это во многом объясняется тем, что в своей структуре он имеет антропоморфные, зооморфные и орнитоморфные черты, описанные, в частности, в работе Н.А. Криничной [1]. Исследователи отмечают, что жилище сопоставимо с моделью мироздания: крыша представляет собой небо, подвал мыслится как подземный мир, а промежуточное пространство представляет мир человека [2, с. 19].

В.Г. Смолицкий в своей работе «Русь избяная» говорит о том, что объектом фольклорного повествования является человек с его думами, переживаниями, взаимоотношениями с другими людьми. Пейзаж же или описание жилища появляется в песне или сказке, как правило, в качестве сопутствующего элемента при необходимости указать место действия [3, с. 19]. Именно поэтому, несмотря на огромную роль жилища в жизни человека, в фольклорных произведениях ему

* Работа выполнена в рамках Государственного задания Министерства образования и науки РФ, НИР «Духовная культура европейского севера: системное описание и исследование источников по традициям Печоры, рег. № 6.2281.2011.

отводится второстепенная роль. По мнению Б.Н. Путилова, в повествовании образы жилища «существуют как бы сами по себе, не складываясь в единое целое, живя в кадре, пока длится соответствующий событийный отрезок, и исчезая с переходом к другому» [4, с. 125].

Известно, что в былинах мы имеем дело с особенной фольклорной картиной мира, которая напрямую не связана с реальностью. Еще Ф.И. Буслаев отмечал, что народно-поэтическое произведение не подражает действительности, но само представляет собой действительность особого рода; оно связано и с социальной средой, и с системой мифологических представлений, но несводимо ни к тому, ни к другому [5, с. 148]. Б.Н. Путилов отчасти подтверждает мысли Ф.И. Буслаева, говоря о том, что «в эпосе мы имеем дело с особенными, специфическими именно для него событиями, коллизиями, отношениями, персонажами, семейными связями, нормами поведения, пространственно-временным континуумом, природной средой, набором и употреблением предметов быта, вооружения, “своим” культурным фоном <...> Эпическое творчество создает собственную реальность, и есть все основания определить ее своим понятием – “эпический мир”» [6, с. 24]. Отражением именно такой особенной реальности являются и образы жилых построек.

Объектом данного исследования стали былины, записанные в русских традициях Печоры (Усть-Цилемский район Республики Коми и Ненецкий Автономный округ Архангельской области). Предметом изучения являются образы жилых построек в печорских былинах. Материалом послужило издание былин Печоры в «Своде русского фольклора» [7]*. Всего нами было рассмотрено 44 сюжета в 351-м былинном тексте. Методом сплошной выборки были выявлены все наименования жилых построек (*дом, дворец, палаты, хоромы, изба, терем, помещение, жилище*) – как самостоятельные, так и в составе определительных словосочетаний.

Данная работа связана с одним из фольклористических направлений – описанием отдельных элементов фольклорной картины мира**. В работе также делается попытка определить специфику образов жилых построек в сравнении с общерусским материалом через сопоставление с исследованиями национальной картины мира и непосредственно с былинами других регионов. Особое внимание в сопоставительном анализе уделяется соседнему для Печоры региону – Мезени [12]. Кроме того, в оценке специфики образов жилых построек в печорских былинах мы обращаемся и к другим музыкально-поэтическим жанрам печорского фольклора [13; 14; 15].

Рассматриваемое нами тематическое поле «Жилые постройки» в былинах Печоры представлено девятью объектами: *дом* (87 употреблений), *хоромы* (6), *изба* (11), *палаты* (51), *терем* (54), *дворец* (8), *шатер* (195), *помещение* (2) и

* Далее в основном тексте – БП: после номера тома и номера текста двоеточием отделен номер стиха. В приложении номер стиха дан в скобках.

** Некоторые составляющие фольклорной картины мира на материале жанров печорского эпоса уже стали предметом описания в отдельных исследованиях, см. [8; 9; 10; 11].

жилище (2). Слово *шатер* не рассматривается в данной работе, так как относится к походному быту. В былинах Мезени данное микрополе представлено теми же объектами, однако имеется еще и слово «палатка», которого нет в печорских былинах [12. Т. 5, с. 464].

Дом является общей номинацией жилища. В русских сказках, по наблюдению В.Г. Смолицкого, *дом* выражает абстрактное представление о здании, предназначенном для жилья, независимо от его качества, размеров, принадлежности. По мнению исследователя, данное слово иногда употребляется для обозначения жилища вообще, когда сказителю не нужно фиксировать внимание слушателя на конкретных особенностях здания, когда ему достаточно слова, выражающего самое общее, родовое понятие [16]. Данное мнение подтверждается тем, что в былинах Печоры «высокий» терем Дюка Степановича назван просто *домом* (БП 1, № 139: 505, «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»).

В былинах исследуемого региона выявлено 87 употреблений со словом *дом*. Этот объект появляется в былине, когда герой (Илья Муромец, Змей, Сокольник) подъезжает к чьему-либо *дому* либо выходит из него, однако есть и такие тексты, где описывается окружающее пространство вместе со стоящими впереди *домами*.

В подавляющем большинстве случаев (80%) слово *дом* употребляется без эпитетов, зато сам определительный ряд у него довольно широк (15). Выявлены единичные эпитеты, подчеркивающие большие размеры *дома*: «большущий», «широкий», «великий», «высокий». В пределах одной былины один и тот же *дом* назван «большущим» и «великим» (БП 1, № 3: 79, 105, «Святогор и Илья Муромец»). Принадлежит такое строение отцу особенного богатыря Святогора. «Широкий» *дом* появляется в связи с Соловьем-разбойником (БП 1, № 50: 139, «Исцеление Ильи Муромца»), и этот герой также отличается тем, что не является человеком и принадлежит к «чужому» миру. Определительное сочетание «широкий дом» относится к жилищу Дюка Степановича, богатого богатыря (БП 2, Прил. 6, № 6: 186, «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»).

Таким образом, *дома* в печорских былинах «большие», «великие», «широкие», и мы не встретили ни одного маленького *дома*. Этот факт связан с необычностью героев, проживающих в этих строениях.

Дома в былинах Печоры определяются также по принадлежности кому-либо, но эти словоупотребления единичны:

*Повел он ее в свой дом царской,
Идет Торокашка, гость Заморской,
Идет сзади дружинюшка хоробрая
Со того ли черлена нова корабля*
(БП 2, № 272: 120, «Соломан и Василий Окулович»);

*Тут Добрынюшка князю поклонился же,
Он приходит, Добрыня,
в дом родительский*
(БП 1, №36: 12, «Добрыня и Алеша»);
*Поехал в дальний путь-дороженьку –
Искать змеиной дом, где жена
змея лютая*
(БП 1, №12: 178, «Добрыня Никитич и Змей»).

Слово *дом* встречается также в составе определительного сочетания «конюшен дом» при обозначении конюшни, откуда отец Ильи Муромца предлагает сыну выбрать коня (БП 1, № 47: 57, «Исцеление Ильи Муромца»). Чаще в печорских былинах конюшня названа «конюшенным двором» (30 употреблений).

Также эпитет к слову *дом* в печорских былинах определяет материал, из которого он сделан. Выявлено единичное сочетание «хрустальный» в былине «Садко». Конечно же, только сказочному персонажу может принадлежать такое жилище. В «хрустальном доме» обитает морской царь:

*Кабы ходит-то Садко, купец богатыя,
По тому ходит по **дому** по **хрустальнѣму***
(БП 2, № 25: 97, «Садко»)*.

В былинах данной традиции *дом* – это единственное слово, которое употребляется в некоторых случаях в составе перифразы, например, «дом Божьей матери» – церковь, а «вечной дом» – гроб Скопина:

<i>Стоял я [Илья Муромец] за веру православную [И за дом Божьей матери], А теперь доставаюсь на поруганье Идолищу поганому!</i>	<i>Приставилса Скопин сын Михайлович, Да сделали ему гроб да, право, вечной дом</i>
(БП 1, № 73: 115, «Илья Муромец и Сокольник»);	(БП 2, Прил. 3, № 1: 120, «Скопин»).

Домам в былинах Печоры дается и оценочная характеристика. Единичный эпитет «добрый» маркирует *дом* Дмитрия Брянского, подвергшегося нападению литовцев (БП 2, № 261: 138, «Наезд литовцев»).

По отношению к слову *дом* в печорских былинах были выявлены сложные единичные эпитеты «высокий хороший» и «большой золотой», причем в пределах одного былинного текста, исполненного в пересказе: «*Сели тут богатыри [на коней] и поехали, приехали к **дому высокому, хорошему***» (БП 1, №147: 18, «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»); «*Подъехали, завидели: **стоит дом большой, весь золотой, а стены огнем зияют***» (БП 1, №147:35, «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»).

Отметим, что данные словоупотребления относятся к жилищу купца и богатыря Дюка Степановича. Вне сложных определительных сочетаний эпитеты «хороший» и «золотой» по отношению к слову *дом* в печорских былинах не употребляются. Заметим, что такие определения, как «великий», «родимый», «добрый», «высокий хороший» и «большой золотой» соотносятся исключительно со словом *дом*.

Домом в печорских былинах названо жилище как князей (Владимира, Дмитрия Брянского), так и крестьян (родителей Ильи Муромца). Таким образом, это

* В других вариантах данного сюжета о жилище морского царя не упоминается.

строение не привязано к конкретному герою или к определенному социальному кругу проживающих в нем. Следует отметить, что **дом** без эпитета в 15% словоупотреблений не служит для номинации жилища конкретного персонажа, а описывает строения вообще:

*Подъезжают-то они да к Малой Галиче,
А на **домах**-то кровли всюду золоты*
(БП 1, №148: 108, «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»).

В былинах Мезени, соседнего для Печоры региона, эпитеты «широкий» и «высокий» в сочетаниях со словом **дом** также популярны [12. Т. 5, с. 402-403]. По сравнению с мезенским материалом печорский ряд определений в сочетании с данным словом выглядит более разнообразным: «родимый», «царский», «богатырев», «конюшен», «змеиный», «царский», «добрый», «хороший» **дом** встречается только в былинах Печоры.

Как и дом, **хоромы** представляют собой самое общее наименование жилища. В.Г. Смолицкий отмечал, что это слово редко встречается в сказках и в былинах, в старину оно обозначало лишь дом, строение независимо от его качества [3, с. 19]. Это замечание справедливо и для былин Печоры, здесь со словом **хоромы** выявлено всего 6 употреблений. В былинных текстах это слово появляется при упоминании жилища Ильи Муромца, Дюка Степановича и Василия Окуловича.

В половине случаев слово **хоромы** в анализируемых текстах встречается с эпитетами. Характеризует данное жилище единичное определение «новые», которое относится к **хоромам** царя Василия Окуловича (БП 2, № 274: 124, «Соломан и Василий Окулович»).

Местоположение **хором** Ильи Муромца определяет единичный эпитет «посторонняя»:

*И жил он у него в **посторонней хоромине** –
Он тридцать лет тут без ног сидел*
(БП 1, № 40: 8, «Исцеление Ильи Муромца»).

В этой хоромине богатырь находился до своего выздоровления. Данное определение сочетается лишь со словом **хоромы**.

На размер этого строения указывает единичное определение «широкие» в пересказе былины, причем появляется это словоупотребление в связи с жилищем Дюка Степановича (БП 1, № 147: 18, «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»). Отметим, что словоформа **хоромина** относится к описанию жилища крестьянина Ильи Муромца, которое само по себе не может быть больших размеров, тогда как жилище князя Владимира и царя Василия Окуловича названо **хоромами** (они же дворец, палаты).

Этот объект встречается и в других произведениях печорского фольклора, но в сочетании с другими эпитетами*.

* В свадебных песнях Печоры встречается определительное сочетание «пустая хоромина», относящееся к жилищу жениха. Там же отмечен эпитет «высокие» по отношению к

К небогатым жилищам относится *изба*. В былинах это слово выявлено в контексте, когда герой (Илья Муромец, Добрыня Никитич, Сокольник, Дунай Иванович) заходит в данное строение, принадлежащее Василию Буслаеву, князю Владимиру или Маринке. В рассматриваемых нами печорских былинах слово *изба* имеет всего 11 употреблений. В.И. Даль отметил, что это обязательно жилище крестьян [16. Т. 2, с. 10]. Л.В. Тьдман делает вывод, что *изба* является беднейшим жилищем, явлением массовым, оно всегда заурядно, весьма скромно и лишено оригинальности [17, с. 11], например, *изба* принадлежит родителям Ильи Муромца (БП 1, № 43: 35, «Исцеление Ильи Муромца»). Возможно, это и послужило причиной отсутствия разнообразия в эпитетах.

Несмотря на то что данное строение по сути своей является жилищем крестьян, в эпическом мире печорских былин мы встречаем *избу*, принадлежащую князю Владимиру, куда он просит Илью Муромца привести Соловья-разбойника. Таким образом, эта постройка может принадлежать и высшей знати:

*Попросил солнышко Илью Муромца:
«Занеси в избу Соловья Рахматова»
(БП 1, № 47: 175, «Исцеление Ильи Муромца»).*

В одном случае *изба* встречается с эпитетом «нижняя», что указывает на часть строения. Это определение нашло отражение в описании жилища Маринки, в которое приходит старушка:

*Прибежала к Маринке ночь лихой грозы,
Заходила она да в избу нижнюю ...
(БП 1, №24:34, «Добрыня Никитич и Маринка»).*

Этот эпитет в былинах Печоры отмечен только в сочетании со словом *изба*.

На Печоре слово *изба* в былинах встречается в форме *избушка*, как и на Мезени, но с эпитетом «нижняя» оно употребляется лишь в печорских былинах, а в мезенских *изба* сочетается с определением «столовая» [12. Т. 5, с. 420].

В былинах Печоры встречается и такое обозначение жилища, как *палаты* (51 употребление). Этот объект находит отражение в контексте, где герои (Илья Муромец, Дунай Иванович, Идолище, Садко, послы) заходят в *палаты* князя Владимира, Соловья-разбойника, Добрыни Никитича, Соломана.

В.И. Даль определяет *палаты* как жилое здание государя [16. Т. 3, с. 10]. В.Г. Смолицкий также обратил внимание на то, что в записях сказок XIX-XX вв. *палаты* встречаются очень редко, в основном на севере, и, как правило, в качестве жилища царя, князя, богатого волшебника. Чаще это слово отмечается в былинах, нередко в сопровождении постоянных эпитетов «белокаменные», «каменные», «княженецкие» [3, с. 18-19]. Этот факт относится и к печорским былинам, где чаще всего данное слово употребляется в составе определительных сочета-

хоромам. В игровых величальных песнях находит отражение сочетание «хорома белокаменная». Таких определений в печорских былинах нет, см.: [15, 1 № 38].

ний. 40% определений указывают на материал, из которого сделаны *палаты* («белокаменные»). Большинство таких *палат* принадлежит князю Владимиру (например, БП 1, № 16: 71, «Добрыня Никитич и Маринка») и морскому царю (например, БП 2, № 258: 40, «Садко»).

Определения к слову *палаты* также передают оценочные характеристики: «светлые», «белые» (два и одно употребления соответственно):

*Как заходит Добрыня в палаты
светлые,*

*Как бегут сзади приворотнички,
Как бегут за Добрынюшкой
придвернички*

(БП 1, № 36:106, «Добрыня и Алеша»).

*Тогда брал-де Добрыня Настасью
Никуличну,*

*Целовал-де у ей уста сахарныя,
Да повел он во свои палаты
ведь белыи*

(БП 1, № 38:280, «Добрыня и Алеша»).

Все они принадлежат Добрыне Никитичу, русскому богатырю, который определяется сказителями как «свой».

Эпитеты указывают также на принадлежность *палаты* кому-либо («княженецкие» (БП 2, № 174: 33, «Сорок калик»), «царские» (БП 2, № 272: 132, «Соломан и Василий Окулович») – 11 и 3 употребления). Большинство «царских» и «княженецких» *палат* принадлежит князю Владимиру, однако среди обладателей таких *палат* оказались и другие персонажи: Садко, и Соломан, и Соловей-разбойник.

Особый интерес представляет единичное сложное определительное сочетание «княженецкие поганые» по отношению к *палатам* жены Соловья:

*Заходил [Илья Муромец] тогда в палаты ейны княженецкие поганые.
Ихним богам Богу не молитца*

(БП 1, № 143: 129, «Исцеление Ильи Муромца»).

С одной стороны, это сочетание указывает на высокое социальное положение проживающих в данном строении, а с другой – на отрицательные качества этих персонажей. Вне сложного определения эпитет «поганые» в былинах Печоры не встречается. На принадлежность *палат* Соловью-разбойнику указывает и эпитет «соловьины» (БП 1, № 60: 101, «Исцеление Ильи Муромца»). Отметим, что «соловьинными», «княженецкими погаными» в печорских былинах могут быть только *палаты*.

Слово *палаты* встретилось в печорских лирических песнях с эпитетом «белокаменные» [14, № 10]. Это же определительное сочетание есть и в былинах Пинеги, Прионежья и Урала [18, с. 69; 19. Т. 2, с. 69, 590]. В былинах Мезени по сравнению с былинами Печоры определительный ряд к слову *палаты* гораздо более узкий («белокаменные», «княженецкие», «девичьи») [12. Т. 5, с. 464]*.

* В курских народных песнях встречается такое определение с этим словом, как «каменные» [20, с. 87], которое не выявлено в печорских былинах.

Терем – высокое жилое здание [16. Т. 4, с. 400]. Это строение появляется в былине, когда к **терему** (Сокольника, Семена Лиховитого, Соловья-разбойника) подъезжает кто-либо (Данило Ловчанин, Алеша Попович), когда героя (Садко) выгоняют из этого строения или когда описывается местонахождение девушки-невесты (Афросинья Семеновна).

Слово **терем** встречается в печорских былинах довольно часто (54 употребления), причем в большинстве случаев (70%) – в составе определительных сочетаний. Чаще всего при этом слове встречается эпитет «высокий». В.Г. Смолицкий заметил, что это постоянный эпитет к слову **терем** [3, с. 35].

Данное слово имеет эпитеты, определяющие размеры строения: «высокий» (БП 2, Прил. 3 № 1: 96, «Скопин»), «великий» (БП 1, № 42: 183, «Исцеление Ильи Муромца»), причем наиболее употребительным является эпитет «высокий» (почти 50% случаев, 25 употреблений), а определение «великий», описывающее жилище Соловья-разбойника, встретилось лишь в одном былинном тексте:

*Не много времени миновалося –
Завидел Илья: во поле терем стоит,
Во этом терему великом сидели его деточки родимы*
(БП 1, № 42:183, «Исцеление Ильи Муромца»).

Также эпитеты к слову **терем** в былинах Печоры характеризуют его как «новый» (3 употребления) (например, БП 2, № 185: 119, «Хотен Блудович»).

В единичном контексте отмечено определение «златоверхие» в связи с описанием **терема** княгини Златыгорки, мифической женщины, и, видимо, поэтому ее жилище так же нереально, как и она сама:

*Отъезжаёт [Илья Муромец] от камешка за три поприща,
Наезжаёт Илья да на **терема златоверхие***
(БП 1, № 114: 104, «Три поездки Ильи Муромца»).

Довольно популярно такое сложное определительное сочетание, как «высок нов терем» (около 10% случаев – 4 употребления), такие **терема** принадлежат князю Владимиру, Илье Муромцу, Добрыне Никитичу и Соловью – разбойнику (например, БП 1, № 45: 74, «Дюк Степанович и Чурила Пленкович»), по сравнению с таким сочетанием, как «высокий баский нов терем», которое является единичным и описывает жилище Богородицы:

*В стольной Киев-град во полдён пришли,
Мы не чудо там чули, диво видели:
У **высокова баскова нова терема**
Тут не красна девица выходила...*
(БП 2, № 209:11, «Василий Игнатьевич и Батыга»).

Стоит отметить, что определения «златоверхий», «высокий баский нов», «высокий нов» в печорских былинах сочетаются только со словом **терем**.

Нельзя не сказать, что в печорской свадебной лирике встречается определительное сочетание «широк терем», которого нет в былинах Печоры [15. № 49].

В лирических песнях находит отражение словоформа *теремочек*, в игровых величальных песнях Печоры встречается слово *теремок* [14, № 48].

В былинах Печоры слово *терем* окружено гораздо бóльшим количеством эпитетов, нежели в былинах Мезени [12. Т. 5, с. 525]. Определение «высок» характерен для обеих традиций, а вот эпитеты «баский», «великий» и «златоверхий» встречаются только в печорских былинах.

Богатейшее строение – *дворец* – относится исключительно к высшей знати и в былинах определяет жилище князя Владимира. В его *дворец* в былинах заходят Бутман и Илья Муромец, и именно это строение дрожит от свиста Соловья-разбойника: «Ну, вот, значит, он [Соловей разбойник] и заревел, засвистел во весь свист. Только весь княженецкий дворец задрожал» (БП 1, № 43: 171, «Исцеление Ильи Муромца»).

В.Г. Смолицкий утверждает, что слово *дворец* в современном понимании здания особенной красоты и специального назначения возникло в XVIII в. в связи со строительством Петербурга. Также он говорит о том, что *дворец* – это дом, принадлежащий государю, королю или другому правителю [3, с. 17].

Дворец более характерен для сказок, нежели для былин, поэтому он очень редко встречается и в печорских былинах (8 употреблений). Интересен и тот факт, что слово *дворец* выявлено нами лишь в трех сюжетах: «Бутман», «Исцеление Ильи Муромца» и «Василий Игнатьевич и Батыга». В половине случаев *дворец* употребляется без эпитетов, например:

*Вот пошел тогда Бутман да сын Иванович,
Он заходит к царю да на дворец ему*
(БП 2, № 227: 24, «Бутман»).

В этом случае, хотя эпитета слово не имеет, всё же указывается на то, что *дворец* принадлежит царю. В остальных случаях оно употребляется с эпитетами «царский», «княженецкий», что указывает непосредственно на хозяина *дворца*.

Единично такое определение к слову *дворец*, как «хрустальный». Данное слово в составе сложного определительного сочетания «хрустальный княженецкий дворец» в пересказе былины также принадлежит князю (БП 1, № 43: 150, «Исцеление Ильи Муромца»).

Слово *дворец* встречается и в игровых величальных песнях Печоры, но без определения [13, № 22]. В былинах Мезени и Печоры данный объект сопровождается таким эпитетом, как «княженецкий», но в мезенских былинах *дворец* может быть «государевым», чего нет на Печоре [12. Т. 5, с. 398], а вот эпитет «хрустальный» со словом *дворец* встречается только в печорских былинах.

Слово *помещение* выявлено в былинах Печоры в двух словоупотреблениях – в пределах одного пересказа былины «Исцеление Ильи Муромца»: «Зашел стар казак с Идолицем – мост-то не выдержал, в *помещение* зашли, – так всё *помещеньице* пошатнулось» (БП 1, № 49: 65-66, «Исцеление Ильи Муромца»). В данном случае описывается жилище князя Владимира, куда Илья Муромец привел Соловья-разбойника.

Показательно и то, что слово *помещение* не выявлено ни в других музыкально-поэтических жанрах Печоры, ни в былинах Мезени.

Еще один объект – собственно само *жилище*. С данным словом также выявлено всего 2 употребления. *Жилищем* в былинах Печоры называется место обитания Змея:

*Отнесет тебя под горы под высокие,
Под те же жилища змеинья*
(БП 1, № 11: 34, «Добрыня Никитич и Змей»).

Данное слово не отражено в былинах других регионов и в других жанрах Печоры.

Таким образом, в печорских былинах такие объекты, как *дом, хоромы*, относятся к самому общему обозначению жилища. Для описания *дома* служат следующие эпитеты: «великий», «родимый», «добрый», «высокий хороший» и «большой золотой», которые ни с какими другими обозначениями строений не сочетаются. Для *хором* таким индивидуальным эпитетом является «посторонная». Слово *изба* в большинстве своем описывает жилище крестьян, однако в проанализированных былинах данное строение упоминается не только в связи с крестьянами, но и с князем Владимиром. Слово *терем* обладает такими определениями, которые свойственны лишь ему: «златоверхий», «высок нов», «высокий баский нов». Слово *палаты* в былинах Печоры имеет определение «княженецкие поганные», которое сочетается только с этим словом. *Палаты* и *терема* в былинах Печоры довольно частотны, причем большинство таких жилых построек принадлежит князю. Слово *дворец* малоупотребительно в былинах данной традиции, относится лишь к жилищу князя Владимира. В словаре печорских былин встречается и слово *помещение*, но лишь в одном тексте. Собственно слово *жилище* служит для обозначения места жительства лишь одного персонажа – Змея.

Что касается межрегионального и межжанрового сопоставления былин Печоры, то было выявлено немало сходств и различий, например, для былин исследуемого региона не характерно слово «палатка», отраженное в былинах Мезени. «Широкие» и «высокие дома» характерны для былин и Печоры, и Мезени. В печорских свадебных песнях встретилось определительное сочетание «пустая хоромина» при обозначении жилища жениха, такого определения мы не встретили в печорских былинах. В исследуемом материале нет и «белокаменной хоромы», выявленной в игровых величальных песнях. Зато сочетание «белокаменные палаты» характерно для былин Печоры, Мезени, Пинеги, Прионежья и Урала. Сочетание «княженецкий дворец» также довольно популярно в печорских и мезенских былинах, а определительное сочетание «государев дворец» встретилось лишь в мезенском материале. Стоит отметить, что слово *помещение* не встретилось нигде, кроме былин Печоры.

Заметим, что в былинах исследуемого региона эпитеты маркируют принадлежность того или иного объекта определенному герою. Например, определение «золотой» в составе определительного сочетания «златоверхие терема» (у Златыгорки) и эпитет «хрустальный» в сочетании со словом «дом» (у морского царя)

указывают на принадлежность героев к иному миру. Чрезмерно большие размеры строения (например, «великий» *терем* Соловья-разбойника, «большущий» и «великий» *дом* Святогора) также маркируют необычность их владельцев. Сложное определительное сочетание «высокий баский нов терем» оказалось специфическим: оно встретилось в сюжетной ситуации появления Богородицы.

В былинах Печоры с помощью определительных сочетаний со словами из тематического поля «Жилые постройки» выделяется и социальное положение героя. Например, крестьянский сын Илья Муромец живет в «постронней хоро-мине», а богатый богатырь Дюк Степанович – в «широких хоромах»; только у князя Владимира есть «хрустальный княженецкий дворец».

В ходе анализа мы попытались также выделить функции объектов и определительных сочетаний из тематического поля «Жилые постройки» в конкретных сюжетах. Некоторые объекты составляют фон для основного повествования, указывают на местонахождение героя (например, *дворец* князя, посторонняя *хоро-мина* Ильи Муромца). Другие объекты встретились при описании многочисленных передвижений героев былин (приходы и уходы гостей в *дома, хоромы, те-рема, избы* и *дворцы*).

Таким образом, в печорских былинах слова, обозначающие жилище, возникают при необходимости обозначить место действия, указать на принадлежность персонажа к какому-либо сословию или на необычность героя, причем каждый объект выполняет свою функцию в повествовании.

1. Криничная Н.А. Дом: его облик и душа (к вопросу о тождестве символов в мифологической прозе и народном изобразительном искусстве). Петрозаводск, 1992.
2. Байбури А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.
3. Смолицкий В.Г. Русь избяная. М., 1993.
4. Путилов Б.Н. Героический эпос и действительность. Л., 1988.
5. Топорков А.Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века. М., 1997.
6. Путилов Б.Н. Экскурсы в теорию и историю славянского эпоса. СПб., 1999.
7. Былины Печоры: в 2 т. / сост. и подгот. текстов В.И. Ереминой, В.И. Жекулиной, В.В. Коргузалова, А.Ф. Некрыловой; отв. ред. А.А. Горелов. СПб.; М., 2001. (Свод русского фольклора. Былины: в 25 т.)
8. Розов А.Н. Духовно-православный мир русского человека в усть-цилемских былинах // Вторые Мяндинские чтения. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (с. Усть-Цильма, 11-12 июля 2010 г.) Сыктывкар, 2011. Т. 1. С. 255-263.
9. Канева Т.С. «Книга», «письмо-грамота» в печорском эпосе // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность : материалы Всероссийской научно-практической конференции «Редкие книги в фондах современных библиотек, архивов и музеев» к 20-летию отдела редкой и рукописной книги Научной библиотеки Сыктывкарского университета (15-16 мая 2008 г., г. Сыктывкар). Сыктывкар, 2009. С. 268-274.
10. Канева Т.С. «Страна советская» в усть-цилемских причитаниях (по записям экспедиции 1942 г.) // Образный мир традиционной культуры: сборник статей. М., 2010. С. 286-293.

11. Канева Т.С. «Война – чужая сторона» в усть-цилемских причитаниях // Рябининские чтения-2011: материалы VI научной конференции по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 280-283.

12. Былины Мезени / под ред. А.А. Горелова. Т. 3-5. СПб., 2004. (Свод русского фольклора. Былины: в 25 т.)

13. А в Усть-Цильме поют: Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы (сборник к 450-летию села) / сост. А.Н. Власов (отв.), З.Н. Бильчук, Т.С. Канева. СПб., 1992.

14. Традиционная культура Усть-Цильмы. Лирические песни / сост. Т.С. Канева (отв.), А.Н. Власов, А.Н. Захаров, Ю.И. Марченко, З.Н. Махреньгина, Е.А. Шевченко. М., 2008.

15. Шабанова О.Г. Внутрелокальные особенности русского свадебного фольклора Ненецкого Авт. окр. Архангельской области (по материалам ФА СГУ): дипломная работа / науч. рук. Т.С. Канева; кафедра фольклора и истории книги. Сыктывкар, 1997. Прил. 1.

16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 2007.

17. Тьдман Л.В. Дом. Дворец. Жилой интерьер России с 1700 по 1840-е годы. М., 2000.

18. Древние российские стихотворения, собранные Киршеем Даниловым / под ред. А.А. Горелова. СПб., 2000.

19. Былины Севера. Прионежье, Пинега и Поморье. Материалы рукописного хранилища сектора фольклора / сост. А.М. Астахова. Т. 2. М.; Л., 1951.

20. Конкорданс русской народной песни. Курск / сост. М.А. Бобунова, А.Т. Хроленко. Курск, 2007.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Жилые постройки в былинах Печоры: алфавитно-частотный указатель слов и относящихся к ним определений

Предлагаемый указатель наименований жилых помещений, встречающихся в былинах Печоры, построен по алфавитно-частотному принципу. Номинации жилых построек даны в алфавитном порядке (дворец, дом, жилище, изба, палаты, помещение, терем, хоромы), каждая из них сопровождается сведениями о количестве употреблений и перечнем определений, относящихся к ней. Определения даны в порядке убывания количества употреблений, при равном количестве слова распределяются по алфавиту. Подчеркиванием выделены эпитеты, входящие в состав сложных сочетаний.

Дворец (8 употреблений):

Без эпитетов	4	Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 196 (212); БП 2, № 200 (243). Бутман: БП 2, № 227 (24). Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 49 (59).
Царский	2	Бутман: БП 1, № 43 (150). Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 196 (209).
Княжеский	1	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 43 (71).
Хрустальный	1	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 43 (150).

<p>Без эпитетов</p>	<p>68</p>	<p>Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 139 (504); БП 1, № 144 (54); БП 1, № 145 (23); БП 1, № 146 (100, 101); БП 1, № 147 (6); БП 1, № 148 (108, 174); БП 1, № 149 (55); БП 1, № 150 (68); БП 1, № 151 (32).</p> <p>Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 40 (49); БП 1, № 43 (5); БП 1, № 46 (148); БП 1, № 47 (148); БП 1, № 51 (47); БП 1, № 53 (214); БП 2, прил. 1, № 8 (3); БП 2, прил. 1, № 9 (1); БП 2, прил. 1, № 10 (3).</p> <p>Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 196 (172); БП 2, № 200 (259); БП 2, № 208 (56).</p> <p>Василий Буслаев и новгородцы: БП 2, № 240 (101); БП 2, № 241 (27); БП 2, № 242 (16).</p> <p>Илья Муромец и Соловей-разбойник: БП 1, № 58 (69); БП 1, № 61 (85); БП 2, прил. 1, № 13 (11).</p> <p>Наезд литовцев: БП 2, № 261 (137); БП 2, № 263 (32); БП 2, № 264 (52).</p> <p>Хотен Блудович: БП 2, № 185 (62); БП 2, № 187 (114); БП 2, № 188 (94).</p> <p>Чурила Пленкович и Катерина: БП 1, № 155 (9); БП 1, № 159 (12); БП 1, № 160 (19).</p> <p>Садко: БП 2, № 252 (31); БП 2, № 255 (84).</p> <p>Добрыня Никитич и Маринка: БП 1, № 29 (22); БП 1, № 30 (12).</p> <p>Добрыня и Алеша: БП 1, № 35 (11); БП 1, № 39 (53).</p> <p>3 поездки Ильи Муромца: БП 1, № 114 (63, 179).</p> <p>Дунай Иванович – сват: БП 1, № 118 (150).</p> <p>Алеша Попович и сестра Петровичей-Збродовичей: БП 1, № 117 (23).</p> <p>Илья Муромец и разбойник: БП 1, № 110 (14).</p> <p>Илья Муромец и голи кабацкие: БП 1, № 106 (259).</p> <p>Илья Муромец и Калин-царь: БП 1, № 110 (83).</p> <p>Илья Муромец и Сокольник: БП 1, № 92 (86).</p> <p>Илья Муромец и Батый-царь: БП 2, прил. 7, № 6 (24).</p> <p>Про Тимофея Ивановича: БП 2, прил. 2, № 3 (7).</p> <p>Данило Борисович: БП 2, № 265 (44).</p> <p>Ставр Годинович: БП 2, № 179 (109).</p> <p>Илья Муромец: БП 2, прил. 7, № 1 (49).</p> <p>Соломан и Василий Окулович: БП 2, № 276 (2).</p> <p>Илья и Идолище: БП 2, прил. 7, № 3 (9).</p> <p>Бутман: БП 2, № 215 (2).</p> <p>Васька Захаров: БП 2, № 267 (72).</p> <p>Про Скопина: БП 2, прил. 3, № 3 (97).</p> <p>Скопин: БП 2, прил. 3, № 2 (151).</p> <p>Козарин: БП 2, № 269 (215).</p> <p>Святогор и Илья Муромец: БП 1, № 3 (80).</p> <p>Комический эпос: БП 2, прил. 6, № 7 (5).</p> <p>Василий Буслаев и новгородцы: БП 2, № 237 (55).</p>
---------------------	-----------	---

Родимый	4	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 143 (133). Василий Буслаев и новгородцы: БП 2, № 240 (180). Добрыня и Алеша: БП 1, № 36 (12). Дунай Иванович-сват: БП 1, № 118 (176).
Большуший	2	Святогор и Илья Муромец: БП 1, № 3 (105, 110).
Богатырев	1	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 147 (26).
Божьей матери	1	Илья Муромец и Сокольник: БП 1, № 73 (115).
Большой золотой	1	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 147 (35).
Великий	1	Святогор и Илья Муромец: БП 1, № 3 (79).
Вечный	1	Скопин: БП 2, прил. 3, № 1 (120).
<u>Высокий</u>	1	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 50 (139).
<u>Высокий хоро- ший</u>	1	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 147 (18).
Добрый	1	Наезд литовцев: БП 2, № 261 (138).
Змеиный	1	Добрыня Никитич и Змей: БП 1, № 12 (178).
Конный	1	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 47 (57).
<u>Хороший</u>	1	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 147 (18).
Хрустальный	1	Садко: БП 2, № 251 (97).
Царский	1	Соломан и Василий Окулович: БП 2, № 272 (120).
Широкий	1	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 2, прил. 4, № 6 (186).

Жилище (2 употребления):

Без эпитетов	1	Добрыня Никитич и Маринка: БП 1, № 29 (25).
Змеиные	1	Добрыня Никитич и Змей: БП 1, № 11 (34).

Изба (11 употреблений):

Без эпитетов	10	<p>Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 43 (35); БП 1, № 47 (175); БП 1, № 57 (60).</p> <p>Святогор и Илья Муромец: БП 1, № 3 (89).</p> <p>Добрыня и Алеша: БП 1, № 39 (33).</p> <p>Илья Муромец и Сокольник: БП 1, № 77 (57).</p> <p>Дунай Иванович – сват: БП 1, № 127 (5).</p> <p>Хотен Буденович: БП 2, № 189 (32).</p> <p>Илья Муромец: БП 2, прил. 7, № 1 (60).</p> <p>Соловей Будимирович: БП 2, № 167 (12).</p>
Нижняя	1	Добрыня Никитич и Маринка: БП 1, № 24 (34).

Палаты (51 употребление)

Белокаменные	19	<p>Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 49 (78, 192); БП 1, № 53 (222).</p> <p>Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 141 (118); БП 1, № 143 (150); БП 1, № 148 (112).</p> <p>Бутман: БП 2, № 214 (49); БП 2, № 219 (35); БП 2, № 220 (43).</p> <p>Добрыня и Алеша: БП 2, № 36 (76); БП 2, прил. 4, № 1 (278).</p> <p>Садко: БП 2, № 258 (40, 61).</p> <p>Добрыня Никитич и Василий Казимирович: БП 1, № 16 (71).</p> <p>Идолице сватает племянницу князя Владимира: БП 1, № 21 (75).</p> <p>Илья Муромец и Сокольник: БП 1, № 79 (312).</p> <p>Добрыня Никитич и Змей: БП 1, № 12 (72).</p> <p>Василий Буслаев и новгородцы: БП 2, № 237 (59).</p> <p>Дунай Иванович – сват: БП 1, № 119 (188).</p>
Без эпитетов	12	<p>Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 147 (19); БП 1, № 148 (150); БП 1, № 149 (20).</p> <p>Садко: БП 2, № 255 (128); БП 2, № 258 (68).</p> <p>Илья Муромец: БП 2, прил. 7, № 1 (158).</p> <p>Илья и Сокольник, сын Сокольницы: БП, прил. 7, № 7 (30).</p> <p>Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 52 (29).</p> <p>Добрыня и Алеша: БП 1, № 36 (175).</p> <p>Илья Муромец и Батый-царь: БП 2, прил. 7, № 6 (7).</p> <p>Василий Буслаев и новгородцы: БП 2, № 242 (76).</p> <p>Бутман: БП 2, прил. 5, № 1 (23).</p>

Княжеские	11	Иван Годинович: БП 2, № 180 (116); БП 2, № 181 (291). Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 204 (99). Садко: БП 2, № 255 (136). Скопин: БП 2, прил. 3, № 2 (147). Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 139 (135). Илья Муромец и Соловей-разбойник: БП 1, № 60 (160). Идолище сватает племянницу князя Владимира: БП 1, № 21 (100). Илья Муромец и Калин-царь: БП 1, № 101 (49). Сорок калик: БП 2, № 174 (33). Дунай Иванович – сват: БП 1, № 119 (55).
Царские	3	Илья Муромец и Идолище: БП 1, № 66 (12). Соломан и Василий Окулович: БП 2, № 272 (132). Лука, Змея и Настасья: БП 2, № 278 (122).
Светлые	2	Добрыня и Алеша: БП 1, № 36 (106). Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 2, прил. 4, № 6 (230).
Соловьины	1	Илья Муромец и Соловей-разбойник: БП 1, № 60 (101).
<u>Княжеские пога- ные</u>	1	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 43 (129).
<u>Денежная</u>	1	Садко: БП 2, № 250 (42).
Белые	1	Добрыня и Алеша: БП 1, № 38 (280).

Помещение (2 употребление):

Без эпитетов	2	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 49 (65, 66).
--------------	---	---

Терем (54 употребления):

<u>Высокий</u>	25	Добрыня Никитич и Маринка: БП 2, № 10 (165); БП 1, № 23 (53); БП 1, № 25 (6); БП 1, № 26 (25). Чурила Пленкович и Катерина: БП 1, № 155 (68); БП 1, № 160 (8, 42). Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 138 (224); БП 1, № 139 (505); БП 1, № 142 (141). Хотен Блудович: БП 2, № 185 (145); БП 2, № 189 (54). Добрыня и Алеша: БП 1, № 35 (30); БП 1, № 37 (64). Алеша Попович и сестра Петровицей-Збродовицей: БП 1, № 117 (23, 100). Скопин: БП 2, прил. 3, № 1 (96); БП 2, прил. 3, № 2 (42). Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 43 (127, 178). Сорок Калик: БП 2, № 170 (47). Добрыня Никитич и Змей: БП 2, № 10 (165). Илья Муромец и Сокольник: БП 1, № 67 (351).
----------------	----	---

		Соловей Будимирович: БП 1, № 167 (29). Дунай Иванович – сват: БП 1, № 129 (84). Василий Буслаев и новгородцы: БП 2, № 237 (87). Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 200 (242).
Без эпитетов	15	Хотен Блудович: БП 1, № 186 (71); БП 2, № 188 (44); БП 2, № 189 (41). Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 142 (140); БП 1, № 143 (144); БП 1, № 144 (60). Добрыня Никитич и Маринка: БП 1, № 23 (64); БП 1, № 25 (7). Соловей Будимирович: БП 2, № 166 (45); БП 2, № 169 (54). Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 42 (182); БП 1, № 48 (147). Дунай Иванович – сват: БП 1, № 129 (126). Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 200 (243). Садко: БП 2, № 251 (119). Добрыня и Алеша: БП 1, № 36 (102). Илья Муромец и Калин-царь: БП 2, прил. 1, № 25 (2).
<u>Высокий новый</u>	4	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 145 (25, 74). Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 48 (82). Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 206 (52).
<u>Новый</u>	3	Данило Ловчанин: БП 2, № 184 (120). Хотен Блудович: БП 2, № 185 (119). Наезд литовцев: БП 2, № 261 (136).
Великий	1	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 42 (183).
<u>Высокий баский новый</u>	1	Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 209 (11).
<u>Высокий нов</u>	1	Добрыня Никитич и Змей: БП 1, № 10 (157).
Златоверхий	1	Три поездки Ильи Муромца: БП 1, № 114 (104).

Хоромы (6 употреблений):

Без эпитетов	3	Василий Игнатьевич и Батыга: БП 2, № 203 (39). Соломан и Василий Окулович: БП 2, № 274 (123). Мотивы былин об Илье, Добрыне, Алеше: БП 2, прил. 1, № 16 (8).
Новые	1	Соломан и Василий Окулович: БП 2, № 274 (124).
Посторонняя	1	Исцеление Ильи Муромца: БП 1, № 40 (8).
Широкие	1	Дюк Степанович и Чурила Пленкович: БП 1, № 147 (18).

КОМИ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЯЗЫК: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье показаны становление и динамика развития коми литературного языка, дана его современная характеристика. Определена роль литературной формы языка в жизни общества. Основное внимание уделяется проблемам функционирования коми литературного языка, причинам ограниченного использования в последние годы в различных социальных сферах, необходимости его развития.

Ключевые слова: *коми язык, литературный язык, современное состояние, функционирование, развитие, языковые нормы, терминология, сферы использования, проблемы.*

The article indicates development and dynamics of the literary Komi language and gives its contemporary characteristics. It also identifies the role of the literary form of the language in the community life. The main focus is made on the problems of the literary Komi language functioning, the reasons of its limited usage in different spheres of life and necessity to develop it further.

Keywords: *the Komi language, the literary language, contemporary state, functioning, language norm, terminology, spheres of usage.*

Литературный язык – это высшая форма существования любого современного национального языка, в том числе и коми. Именно наличие литературной формы общенационального языка говорит об уровне развития языка вообще, его потенциальных возможностях, уровне развития культуры народа в целом. Литературный язык – это язык, исторически сложившийся, обработанный, упорядоченный и нормированный. Он служит средством общения во всех сферах общественной деятельности, является языком художественной, публицистической, учебной и научной литературы. Эта форма общенародного языка превосходит все другие разновидности языка богатством лексической системы, грамматических структур, синонимических рядов, вариантов, полифункциональностью, обработанностью. Функциональное назначение коми литературного языка обусловлено задачами обеспечения речевой коммуникации в основных сферах деятельности всего коми народа. Языковые средства литературной формы языка призваны наиболее точно, ясно и дифференцированно выражать сложный мир предметов, явлений, представлений, чувств его носителей, всё многообразие понятий, явлений действительности в их взаимосвязи. Литературный язык противопоставляется народно-разговорной речи: территориальным и социальным диа-

лектам, которыми пользуются относительно небольшие группы людей, живущих в определённой местности или объединённых в сравнительно небольшие коллективы, просторечию – наддиалектной некодифицированной устной речи ограниченной тематики. Таким образом, литературный язык является средством взаимопонимания, средством объединения людей. Литературный язык является показателем образованности и социального престижа, охватывает также бытовые ситуации. Именно благодаря большим возможностям литературного языка, в отличие от диалектов, его должны изучать в высших и средних учебных заведениях. С другой стороны, именно в учебных заведениях и научных учреждениях сегодня осуществляется полноценное функционирование коми языка, в них раскрываются его потенции. Очевидно, что роль литературного языка в коммуникативном пространстве является очень важной.

Литературный язык – категория историческая. Общее понятие «литературный язык» конкретизируется в зависимости от исторических условий формирования, развития и функционирования литературного языка.

Становление и развитие коми литературного языка, как и литературных языков других народов, – процесс длительный и сложный. Совершенно прав был Н.А. Шахов, когда он писал в газете «Югд туй» за 28.11.1923 г.: «некутшом литературной кыв оз артмы другон, оти лунон. Гижод надзоникон, дырон артмо, кыпто, содо, мичаммо. (...) Комилон бур олмыс, эмбур содомыс, озырлуныс – культура кыптом сайын. Коми культура кыптомыс – коми кыв, коми гижод сайын (никакой литературный язык не создаётся мгновенно, за один день. Письменность создается в течение длительного времени, поднимается, растет, становится все краше. Хорошая жизнь коми, развитие хозяйства, богатство – за развитием культуры. Подъем коми культуры за коми языком, за коми письменностью)» [1]. Эту мысль Н.А. Шахов продолжил и в статье «Зырянизация», опубликованной в журнале «Коми му» в 1924 году. В ней он писал: «Литературной кывид оз чуж друг, сийос оз позь пажавны блин моз. Сийо артмо вочасон, литератураыслон совмомкод тшотш (Литературный язык не зарождается вдруг, его нельзя испечь как блины. Он создается постепенно, вместе с развитием литературы)» [2].

Нормы древнекоми литературного языка были созданы еще в XIV веке. В XIX веке были попытки составления первых нормативных грамматик, тогда были изданы словари, составлены первые азбуки, заложены основы графики, орфографии.

Кодифицированная форма общенационального языка особенно интенсивно развивается в начале XX века. В 1924 г. комиссией по «зырянизации» при Обществе по изучению Коми края была разработана «Инструкция по введению коми языка в государственные и общественные учреждения, предприятия и организации автономной области Коми». Выполнение инструкции контролировалось партийными органами, что позволило в кратчайшие сроки ввести коми язык в различные государственные, партийные, профсоюзные и другие организации и учреждения. В 1924 г. в решении областного съезда Советов статус коми языка как

официального/государственного наряду с русским был закреплён законодательно. В начале 1920-х гг. было введено преподавание коми языка в школах. Тогда была создана учебная литература, переведено большое количество текстов самых разных стилей и жанров, существенно расширены общественные функции коми языка, тогда же зародилась коми художественная литература. Все это потребовало быстрого создания и развития литературной формы языка, стилевой дифференциации, разработки терминологии, языковых норм. На страницах первых коми газет и журналов активно обсуждались вопросы разработки и принятия норм, необходимости подготовки и издания словарей, грамматик, изучения диалектов, роли диалектов в развитии литературной формы языка. В 1920-е гг. была создана терминологическая база кодифицированного языка. В эти годы коми язык впервые стал функционировать во всех сферах жизни, стали развиваться все его функциональные стили – художественный, научный, официально-деловой, публицистический. Вопросы нормирования грамматики, фонетики неоднократно обсуждались на конференциях и совещаниях. «Конференция литературных работников» 1923 г., I конференция КАПП (1926 г.), II конференция КАПП (1928 г.), лингвистическая конференция Главнауки 1929 г., орфографическая конференция 1934 г. и другие конференции внесли существенный вклад в разработку норм орфографии, графики, грамматики, терминологии литературного языка. В этот период коми язык функционировал во всех сферах общественной жизни, интенсивно развивались все стили. В лексический фонд литературного языка в тот период вошли многие диалектизмы. На конференции 1929 г. особенно отмечалось, что за основу литературного языка взят присыктывкарский диалект, однако недостаточно используются богатства других диалектов, поэтому в целях обогащения словарного состава необходимо активнее использовать диалектизмы, ввести в литературную форму общенародного языка такие слова, как *пашляк* «холодно», *сайкыд* «прохладно», *дзоля*, *пони* «маленький», *эскыны* «верить» и т.д., а также диалектные словообразовательные и словоизменительные суффиксы: -индз/индзи, -иник/иник, -ся, -ысь и т.д. Большую роль в разработке и совершенствовании норм литературного языка, в создании коми терминологии сыграли В.А. Молодцов, В.А. Лыткин, А.С. Сидоров, И.И. Разманов. Значительное место в формировании лексико-терминологического фонда коми литературного языка занимает периодическая печать. С 1918 г. начинается издание первой коми газеты «Зырянская жизнь» (с 1921 г. выходила под названием «Югыд туй», в настоящее время – под названием «Коми му»), с 1924 г. издавался экономический и краеведческий журнал «Коми му», который, по сути, был научным журналом. Именно в нем публиковались научные работы, посвященные проблемам строительства коми литературного языка, разработки графических, орфографических, лексических, грамматических норм, изучения коми диалектов, развития коми литературы и т.д.

Известно, что развитие литературной формы языка зависит от социально-экономических, политических и др. условий. Коренные перемены в общественно-политическом строе, экономической системе, идеологии и национальной по-

литике в РФ конца 80–90-х гг. прошлого столетия нашли отражение и в языковой сфере. В конце XX в., в период демократических преобразований общества, был дан новый импульс развитию коми литературного языка. Как и в 1920-е гг., политики, специалисты-лингвисты начали заниматься вопросами языковой политики на государственном уровне. В 1992 г. был принят «Закон о государственных языках Республики Коми», в соответствии с которым коми язык получил статус государственного, что укрепило, прежде всего, позиции литературной формы языка. Вопросы совершенствования и развития литературного языка были выдвинуты в число самых актуальных и приоритетных, поскольку новая языковая политика предполагала расширение сфер использования литературной формы языка. В 1990-е гг. по сравнению 1940-1970 гг. действительно были существенно расширены общественные функции литературного коми языка. В связи с этим началась активная работа по развитию лексической системы, совершенствованию его терминологической базы и стилистической дифференциации. Одним из важных направлений нормирования литературного языка является создание учебников и учебной литературы. В 1990-е гг. было издано большое количество учебно-методической литературы для начальной и средней школы. По коми языку и литературе были подготовлены и изданы учебники нового поколения. В последнее десятилетие XX в. активизировалось издание коми художественной и учебно-методической литературы. В этот период впервые были подготовлены и изданы программы и учебники для русскоязычных школ. Введено преподавание коми языка во многие русскоязычные школы и детские сады республики. Именно в конце XX века была подготовлена и издана первая нормативная грамматика на коми языке «Ӧнія коми кыв. Морфология» под редакцией Г.В. Федюновой (Сыктывкар, 2000) с использованием коми лингвистической терминологии и т.п. В ней впервые приведен словарь коми лингвистических терминов. Оригинальную лингвистическую терминологию начали вводить в учебники по коми языку для средних школ.

В конце XX столетия вновь стали актуальными проблемы развития терминологии, функциональных стилей с целью их применения в новых сферах управления, делопроизводства, науки и т.д. В создании терминологической базы использовались разные пути: создавалась оригинальная новая лингвистическая, литературоведческая, общественно-политическая терминология, возвращались многие слова, созданные в конце XIX в. Г.С. Лыткиным, в 20–30-е гг. XX в. В.А. Молодцовым, И.И. Размановым и другими исследователями коми языка: *нимвежтас* «местоимение», *юалан нимвежтас* «вопросительное местоимение» *кадакыв* «глагол», *сёрнишкас* «диалект», *аскодялӧм* «ассимиляция», *удждон* «зарплата», *мӧвп* «мысль», *серпас* «рисунок» и т.д. Разработанная лингвистическая и литературоведческая оригинальная терминология внедрена в учебный процесс средних общеобразовательных и высших учебных заведений республики. Однако по другим отраслям науки и другим сферам деятельности, в которых используются главным образом русский язык еще предстоит разрабатывать собственную терминологию, хотя определенная часть терминологии уже создана, особенно обще-

ственно-политическая: *бөрйысьдм* «выборы», *юрсикт* «райцентр», *юркар* «столица», *оланпас* «закон» и т.д.

При Министерстве по делам национальностей РК с целью оперативного перевода с русского языка на коми официально-деловых текстов в 1995 г. начинает работать термино-орфографическая комиссия. На коми язык начинают переводить акты государственных органов власти и управления и публиковать их в журнале «Ведомости нормативных актов органов государственной власти Республики Коми».

Коми язык начинает функционировать в научном стиле, прежде всего, в филологических науках. На республиканских конференциях, на научных семинарах доклады по лингвистическим и литературоведческим проблемам читались и обсуждались на коми языке, впервые стали публиковать научные статьи на коми языке. В конце 1980-х гг. – в 1990-е гг. проводились специальные конференции, на которых обсуждались вопросы функционирования и тенденции развития литературного языка.

Всё это способствовало развитию литературного языка, расширению его общественных функций, повышению статуса и престижа коми языка.

В эти годы была увеличена сетка вещания на коми языке в электронных СМИ. Был открыт театр фольклора, что также способствовало расширению сферы функционирования литературного языка.

Сегодня коми язык также выполняет различные функции. Он изучается в средних и высших учебных заведениях, готовятся преподавательские кадры, ежегодно издаются учебники и учебные пособия по коми языку и литературе для средних общеобразовательных школ и высших учебных заведений, издаются газеты и журналы, на коми языке ведутся радио- и телепередачи. Исследователи коми языка занимаются проблемами орфографии. В 2008 г., к примеру, был издан новый коми орфографический словарь (авторы А.Н. Карманова, Р.И. Коснырева, Т.В. Кренделева).

Однако в последние годы картина постепенно меняется. Функциональная наполненность коми литературного языка начинает сужаться. Сегодня он крайне ограниченно функционирует как язык официального общения. Используется лишь для перевода Законов, Указов, Конституции, законодательных актов. Но они не доходят до читателя, остаются лишь на бумаге. С другой стороны, сам читатель предпочитает знакомиться с подобными документами на русском языке. В делопроизводстве учреждений, организаций коми язык не используется. Это свидетельствует о том, что не развивается официально-деловой стиль, не является востребованной соответствующая терминологическая база. Недостаточно развивается научный стиль. Развитие официально-делового и научного стиля, видимо, можно продемонстрировать лишь на примере Сыктывкарского университета, в котором ведется официальная документация и коммуникация между студентами и преподавателями на коми языке, пишутся курсовые и выпускные квалификационные работы, читаются лекции для студентов, а также на семинарах и различных конференциях звучат научные доклады студентов и преподавателей. Именно здесь вос-

требуемой является создаваемая филологическая терминология, шлифуется литературная форма языка.

Всякий литературный язык, как известно, непосредственно связан с нормализацией, которая сводится «к отбору одной из конкурирующих языковых форм или целых систем (если речь идет, например, о выборе литературного стандарта) и к их кодификации» [3]. Норма – одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности языка. Она должна служить сохранению национальной речевой культуры [4]. Норма отличает литературную форму от других форм языка. Кодификация проводится с помощью словарей, грамматик, орфографических справочников. В настоящее время имеются нормативная грамматика коми языка (к сожалению, лишь одна часть – морфология), коми орфографический словарь и словари новых слов. Наличие современных учебников, научных работ, словарей, естественно, свидетельствует об определенной степени развитости коми литературного языка. Однако необходимо иметь в виду, что изменения в социальной жизни, в социальных отношениях ведут к изменениям и в языке. Нормы также должны чутко реагировать на изменения в языке, должны отражать объективные законы развития языка. Поэтому лексическая, грамматическая системы литературного языка должны быть гибкими, способными реагировать на изменения в языковой ситуации и в социально-экономических условиях. Но следует отметить, что сегодня нормы коми литературного языка остаются практически теми же, которые были приняты в начале XX в., хотя хорошо известно, что произошли изменения в лексической системе, фонетической и грамматической структуре коми языка. Однако они не находят отражения в имеющихся нормах литературного языка. В сегодняшних условиях, когда коми язык используется в сфере образования, культуры, СМИ и т.п., проблемы культуры речи также являются актуальными, но пока остаются вне поля зрения лингвистов.

При формировании литературного языка первым шагом является установление норм правописания. Проблема правописания стояла перед исследователями коми языка еще в XIX в. Нормы орфографии в основном были разработаны в 20–30-е гг. прошлого столетия, затем были внесены определенные корректировки, однако многие вопросы орфографии остаются открытыми и в наши дни. В 2008 г. был издан новый орфографический словарь (авторы А.Н. Карманова, Р.И. Коснырева, Т.И. Кренделева), который также не решил многих вопросов правописания, особенно касающихся наиболее трудных случаев, поэтому и в наши дни разработка вопросов орфографии является актуальной.

Сегодня необходимо пополнение и совершенствование и терминологической системы.

Одной из важнейших сфер функционирования литературного языка и одним из основных средств его распространения является художественная литература. Богатство художественной литературы лежит в основе всякого литературного языка. Создание и развитие национальных литературных языков, в частности коми литературного языка, связано с именами виднейших национальных поэтов и писателей: И.А. Куратова, В.И. Лыткина, Т.В. Чисталева, В.А.

Савина, Я.М. Рочева, В. Юхнина, П.Доронина, Г.Фёдорова и др. И в наши дни художественная литература является важнейшим источником развития литературной формы общенародного коми языка. Благодаря произведениям художественной литературы (прозаическим и поэтическим текстам Г. Юшкова, И. Торопова, В. Тимина, Е. Рочева, Н. Куратовой, П. Шахова, Б. Шахова, В. Безносикова и других) в активный словарный запас современного литературного языка входят многие архаизмы и историзмы, диалектизмы, неологизмы. Все они обогащают лексическую систему литературного языка, расширяют его синонимические ряды: *пурысь* «улица», *тышка вын* «армия», *кый* «змея», *ёксы* «князь», *окта* «эффективный», *кан* «хан», *месай* «хозяин», *вось* «жемчуг», *дзодзёг туй* «млечный путь» и т.д. Однако в условиях XXI в. художественная литература издается мизерными тиражами, книги практически не доходят до читателя. Можно перечислить произведения многих авторов современной литературы, изданных в последние годы, практически не дошедших до широкого читателя. Произведения классики коми литературы почти не переиздаются. Система книготорговли из сельских районов вообще исчезла, библиотеки закрываются. Таким образом, доступ широкого круга читателей к коми художественной литературе прекращается, это означает и то, что сокращается сфера функционирования литературного языка. Следует отметить, что несколько лет назад из-за финансовых трудностей в республике было закрыто единственное книжное издательство, которое занималось выпуском литературы на коми языке, в том числе художественной, учебной. (Заметим, что Коми книжное издательство было открыто в 1920 г., в не менее сложных условиях Гражданской войны, изменения общественного строя, сплошной неграмотности, отсутствия кадрового состава, опыта работы и т.п.). Литература, издаваемая небольшими тиражами при финансовой поддержке Министерства национальной политики Республики Коми, практически не доходит до адресата.

В функционировании и развитии литературного языка особую роль играют печатные и электронные СМИ. Они сегодня формируют глобальное информационное пространство. Однако в современных условиях наблюдается информационное неравенство, доминирование не только общероссийских, русскоязычных республиканских СМИ, но и западных компаний на медийном рынке. Естественно, что в более сложных условиях оказываются национальные СМИ, особенно СМИ РК, работающие на коми языке. Это означает, что в более сложных условиях оказываются и национальные литературные языки. Если на медийном рынке сокращается доля национальных СМИ РК, то сокращается и их роль в развитии коми языка в целом и особенно его литературной разновидности, т.к. средства массовой информации способствуют распространению литературного языка на все слои населения. В условиях XXI в. сокращаются и тиражи печатных СМИ, издаваемых на коми языке. Если, к примеру, тираж литературно-художественного журнала «Войвыв кодзув» в 1980 г. составлял 6038 экземпляров, 1985 – 1825, 1989 – 5046, 1990 – 4968, то в 2000 г. он составил 1326 экземпляров, 2003 – 946, 2004 – 925, 2008–2009 гг. – 952 экземпляра. В итоге в наше

время роль СМИ в развитии коми литературного языка гораздо меньше, чем в 20–30-е гг. прошлого столетия, хотя технических возможностей стало несравненно больше, да и с кадровой ситуацией в редакциях газет и журналов, с грамотностью читательской аудитории стало лучше.

СМИ передают социально важную, актуальную, массовую информацию. К ним чаще всего обращается массовая аудитория с целью получения необходимых сведений, знаний о событиях окружающей действительности, важных событиях сегодняшнего дня. Они имеют огромное воздействие на сознание и поведение массовой аудитории. СМИ создают и транслируют культурные ценности, взгляды, убеждения, стереотипы. «Тем самым способствуют воспроизводству культуры того сообщества, в котором они функционируют. Основой любой культуры является язык» [5]. Средства массовой информации способствуют воспроизводству национальных языков, установлению языковых норм, стандарта правильной речи. Абсолютно был прав В.И. Лыткин, утверждавший, что литературный язык необходимо развивать, шлифовать и обрабатывать, а журнал должен способствовать этому. По его словам, «через журнал коми литературный язык окрепнет, будет выразительным. Окрепнет и сама коми литература» [6]. Именно так обстояло дело в начале XX в. Очевидно, что и в настоящее время соблюдение языковых норм журналистами является очень важным. К сожалению, в последнее время всё чаще наблюдается небрежное отношение к языку со стороны журналистов. В их устной и письменной речи допускаются явные нарушения лексических, грамматических, орфоэпических, а то и орфографических норм. Некоторые радиожурналисты позволяют себе вести передачи по республиканскому государственному каналу на своём родном диалекте, полностью игнорируя нормы литературного языка, которых твердо придерживались дикторы радио предыдущих десятилетий. Грамматические, лексические нормы весьма часто нарушаются в районных и республиканских печатных изданиях, а в электронных СМИ нарушаются и орфоэпические нормы. Всё это, конечно, в дальнейшем скажется на качестве литературного языка, на его сохранении и развитии, на его способности выполнять объединяющую, интегрирующую роль.

В наших условиях крайне важным является развитие всех типов СМИ, работающих для коми аудитории, т.к. именно в языке СМИ быстрее всего отражаются социально-идеологические изменения в обществе, фиксируются новые понятия. Как уже отметили, к ним обращается наибольшее число читателей, слушателей, зрителей. Именно в языке СМИ формируются и распространяются новые слова и понятия, отражающие концептуальные различия в национально-культурных и политических медиадискурсах. Поэтому СМИ необходимо более широко использовать для обсуждения изменений норм коми литературного языка, в том числе и при изменении правил орфографии, при составлении новых терминов и т.д. К сожалению, в наше время печатные СМИ РК не публикуют вновь создаваемые термины, новые правила орфографии и т.д. На страницах газет и журналов почти не ведутся дискуссии ни о терминах, ни о нормах языка, ни о развитии литературного языка, как это было в 20–30-е гг. XX в. Сегодня абсо-

лютное большинство населения не знакомо с вновь создаваемой терминологией, с вновь создаваемой лексикой, не участвует в ее обсуждении. В итоге не принимает её, в язык входит гораздо меньше новых слов, чем бы могло, а с другой стороны, заимствований из русского языка или из других европейских языков через русский становится все больше. Новые слова, в том числе и терминология для школ, неологизмы, обозначающие новые реалии или заменяющие заимствования, создаются узким кругом специалистов, без пояснений и комментариев, без какого-либо предварительного обсуждения с широкой аудиторией, даже с более широким кругом лингвистов, – вводятся в учебники, появляются в работах журналистов. И многие из этих неологизмов остаются неизвестными, непонятными, во многом чуждыми для большинства носителей языка. Для того чтобы они реально вошли в язык, расширили лексическую систему, терминологическую базу литературного языка, целесообразно использовать огромные возможности СМИ, как это было в начале XX в.

Ключевым в сохранении и развитии литературной формы языка является развитие школы. Школа должна способствовать распространению литературного языка. Ее важной задачей является обучение детей литературному языку, которым они будут пользоваться в своей взрослой жизни, на котором будут читать художественную литературу, газеты, журналы, слушать радио- и телепередачи, вести устную и письменную коммуникацию в разных сферах, т.к. именно кодифицированная часть общенационального языка представляет собой официальное средство общения. Дети не приходят в школу говорить на родном диалекте, они делали это и раньше. Как справедливо отмечает М. Раннунт, «обязательное школьное образование остаётся главным воспроизводителем литературного языка, будучи в то же время предпосылкой для дальнейшей приспособляемости литературного языка к переменам в обществе. Таким образом, действует общая закономерность консолидации власти и литературного языка. Это является не только основой существования литературного языка, но и сохранения государства» [7]. Именно школа является основным местом функционирования литературного языка, однако в школах освоению норм литературного языка уделяют внимания явно недостаточно, об этом красноречиво свидетельствуют письменные работы выпускников во время вступительных экзаменов. Нередко можно наблюдать ситуацию, когда в школах на уроках родного языка и учитель, и учащиеся используют не литературную форму языка, а его диалектную разновидность. Кроме того, в последние годы во многих сельских школах республики переходят на так называемую 3-часовую программу, в соответствии с которой коми язык изучают в русскоязычных школах. Комиязычные дети в школе начинают изучать коми язык не как родной, а как государственный, неродной. В итоге дети теряют интерес к изучению родного языка и коммуникативные навыки. У них не совершенствуются и не развиваются языковые компетенции, крайне слабо пополняется словарный запас, т.к. в соответствии 3- или даже 2-часовой программой, предназначенной для русскоязычных учащихся, изучают лексику, которой они владели с детства. Они не в полной мере знакомятся с функциональ-

ными стилями, языковыми нормами. Всё это, конечно, в дальнейшем скажется не только на качестве литературного языка, на его сохранении и развитии, но и на взаимопонимании между представителями различных групп – носителей диалектов, понимании родной литературы, культуры народа в целом. Это будет способствовать сокращению функционирования литературной формы общенародного языка, особенно среди молодёжи.

Для полноценного развития литературный язык должен функционировать и в официально-деловой сфере. Однако, в отличие от 20–30-х гг. прошлого столетия, в этой сфере сегодня коми литературный язык почти не используется. Коми язык не используется и в органах государственной власти. Не является востребованной созданная терминология, не пользуются большим спросом изданные словари новых терминов, переведенные официально-деловые бумаги.

Изменения в социальных отношениях ведут к изменениям и в языке. Они особенно заметны в языках немногочисленных народов. Коммуникативные возможности коми и русского языков, естественно, не были равнозначными и в предшествующие периоды, но эта неравнозначность особенно начинает проявляться в XXI в. Владая двумя языками, молодое поколение коми всё больше отдаёт предпочтение русскому языку, во многих случаях даже в бытовой сфере. Этому способствуют современные средства массовой информации и коммуникации, прежде всего телевидение, радио, интернет, а также культурное пространство молодёжи. Коми язык выполняет в основном функцию межличностного общения в семье, среди близких людей или функцию общения социальных групп. Конкурентоспособность языков во многом зависит от политических и социальных условий, социального престижа. Кроме того, под влиянием интернета, различных электронных СМИ, русского языка и английского через русский язык и т.д. формируется особый тип речи, особенно речи молодёжи. Наблюдается экспансия не только заимствованной лексики, но и грамматических форм и конструкций, которые не способствуют развитию литературного языка. Интернет, мобильная связь и др. информационно-технические средства способствуют сокращению функционирования коми языка, но, с другой стороны, их нужно использовать в целях расширения его функционирования, особенно среди молодёжи. Следует отметить, что в последние годы молодёжь на страницах сайтов все активнее ведет письменную коммуникацию на коми языке, однако здесь наблюдается полное игнорирование орфографических, грамматических, лексических норм литературного языка, что затем переходит и на устную коммуникацию. Даже студенты и выпускники вузов, владеющие литературной формой языка, в сетях во многих случаях переходят на диалектную и разговорную форму языка.

В последние десятилетия на социально-экономическую, политическую жизнь России, Республики Коми существенно влияет процесс глобализации, набирающий обороты на рубеже XX–XXI вв. Процесс глобализации означает «усиление связей и взаимозависимости между различными обществами, составляющими современную человеческую цивилизацию. Ни одно современное общество не является сегодня самодостаточным и самодовлеющим – ни в политическом, ни в

культурном плане. В результате глобализации мир впервые становится действительно единым. Глобализация затрагивает все стороны социальной жизни» [8]. Понятно, что все процессы глобализации влияют на языковую коммуникацию, языковую политику, а также и на функционирование и развитие языков. Глобализация – процесс противоречивый. Для одних он означает расширение возможностей и перспектив, для других – увеличение рисков и ухудшение условий жизни, в том числе и жизни языков. В эпоху экономической, политической, культурной глобализации наблюдается сильное влияние коммуникативно более мощных языков на языки меньшинств, усиливается неравенство между языками, которое отмечалось и в предшествующие периоды.

В языковой коммуникации осуществляется диалог культур, представляющий огромную важность и необходимость для поддержания межнационального согласия в обществе, в языке отражена коми языковая картина мира коми народа.

Однако первое десятилетие XXI в. характеризуется низким уровнем функционирования коми литературного языка практически во всех сферах. В целом в республике литературной разновидности общенародного языка в последние годы внимания уделяется крайне мало, однако понятно, что без этой формы общенационального языка не может быть у языка статуса государственного. В настоящее время необходимо создавать условия для использования коми языка в разных сферах коммуникации, для выполнения функций государственного языка. Необходима и объективная оценка языковой ситуации республики в целом.

Следует помнить, что литературный язык – это язык культуры, науки, публицистики, художественной литературы. Диалекты же используются в большинстве своем в сфере обиходно-бытового общения. Литературный язык – это объединяющая форма общенародного языка, он обеспечивает взаимопонимание всех групп коми народа, поэтому за ним будущее, и проблема его сохранения и развития стоит особенно остро. Сегодня необходимо повышать престиж литературной формы языка в языковом пространстве республики Коми. Принятый закон о государственных языках должен работать в полной мере, и в соответствии с ним коми язык должен функционировать во всех стилях речи.

1. Сандрик Микол (Н.А. Шахов). Коми ёртъяс дінö (К товарищам коми). М.: Парма, 1992. С. 78-80.
2. Там же. С.94.
3. Швейцер А.Д. Современная социолингвистика. Теория. Проблемы. Методы. 3-е изд. М.: URSS, 2010. С. 153.
4. Гречко В.А. Теория языкознания. М.: Высшая школа, 2003. С. 298.
5. Касьянов В.В. Социология массовой коммуникации. Ростов н/Д: Феникс, 2009. С. 29.
6. Илля Вась (В.И. Лыткин). Мый медся дона да муса. Сыктывкар: Коми книжной издательство, 1994. С. 22.
7. Раннут М. Пособие по языковой политике. Таллинн, 2004. С. 125.
8. Касьянов В.В. Указ. соч. С. 261.

ЗВУКОВАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ ПРИ РЕЧЕВОЙ КОММУНИКАЦИИ В УСЛОВИЯХ РУССКО-КОМИ ДВУЯЗЫЧИЯ (на материале среднеязычных согласных)

В статье освещены фонетические особенности аллофонного варьирования среднеязычных согласных в коми речи русских билингвов в условиях русско-коми двуязычия в Республике Коми. На материале звуковых записей экспериментального фонетически представительного текста в речи билингвов выявлены реализации согласных, подвергшихся отклонениям от эталонной нормы коми языка, зафиксированы модификации фонем и изучены их фонетические особенности.

Ключевые слова: *согласные в коми и русском языках, фонетическая интерференция, среднеязычные согласные, русско-коми двуязычие, аллофонное варьирование согласных.*

The article deals with phonetic peculiarities of allophonic variation of medio-lingual consonants in the Komi speech of the Russian bilinguals under conditions of the Russian-Komi bilingualism in the Republic of Komi. Realization of the consonants deviating from the Komi language standard has been revealed on the basis of sound recording of the experimental phonetically representative text in the bilinguals' speech, modifications of phonemes have been recorded and their phonetic peculiarities have been studied.

Keywords: *consonants in the Komi and Russian languages, phonetic interference, medio-lingual consonants, Russian-Komi bilingualism, allophonic variation of consonants.*

Взаимодействие языковых систем тесно связано с контактами народов. Их изучение как в плане диахронии, так и в плане синхронии дает представление о современном состоянии языков. Как отмечает Л.В. Златоустова, «история изучения интерференции позволяет утверждать, что языковые изменения обязательны, они универсальны. Универсален и сам языковой механизм, в результате чего каждый индивидуум способен выучить любой язык, общаться на нем, ибо всем языкам свойственны общие черты как: наличие гласных и согласных звуков, наличие слов, синтаксическая структурированность, о чем свидетельствует вся история развития языков» [9, с. 172].

Акцент в речи билингва как лингвистическое явление – это также система, результат взаимодействия и взаимовлияния фонетического строя контактирующих языков, родного и неродного. Вопрос об интерференции, и межъязыковой фонетической интерференции в частности, сложен для изучения. Он представля-

ет собой, по словам Н.А. Любимовой, «психофизиологический механизм взаимодействия в сознании индивида двух, а иногда и более языковых систем, действие которого проявляется в индивидуальной речевой практике в условиях становления двуязычия и может давать как отрицательный, так и положительный результат при овладении вторичной языковой системой» [17, с. 11]. В научной литературе, посвященной исследованию национально-русской фонетической интерференции, данное явление рассматривалось как при описании родственных, так и неродственных языков, например коми и русского [1, 2, 13, 25], удмуртского и русского [20, 21, 22, 24], марийского и русского [7, 8, 10], марийского и английского [15], мордовского и русского [12, 23], финского и русского [18], эстонского и русского [16] и др. С целью выявления специфического и универсального необходимо продолжить изучение вопросов фонетической интерференции не только на уровне национально-русского двуязычия, но и в обратном процессе, поскольку они дают новые сведения о функционировании сегментных единиц, проявляющихся при взаимодействии разных языковых систем.

Исследование явлений интерференции в рамках лингвистических факторов должно быть направлено на установление: степени владения каждым языком, способности использовать функциональные стили языка в зависимости от целевой установки говорящего (пишущего). Экстралингвистические факторы, влияющие на интерференцию, связаны с размером двуязычной группы, ее социокультурной общностью, социальными и политическими отношениями между ними, преобладанием в группе того или иного языка, престижем языка, ситуацией общения.

Интерференция свойственна всем уровням организации языка, однако особенно ярко она выражена на фонетическом уровне. Часто наблюдается явление, когда звуки первичной системы используются во вторичной с такими особенностями, которые отсутствуют как фонологически значимые в системе второго языка. Например, коми билингвы, говоря по-русски, сохраняют признак палатальности среднеязычных согласных (например: [s']*емь*, *зво*[z']*[d'']*, *ня*[t']*,* [d'']*я*[d'']*я* и др.); для русских билингвов, говорящих на коми языке (в условиях искусственного обучающего билингвизма), характерна аффрицированность чистых взрывных, тогда как этот признак в коми языке считается отклонением от литературной нормы (например, на месте среднеязычного палатального /d''/ произносится аффрицированный оттенок данного согласного [d^z] – [d^zat^s] (дядь) и др.

Известно, что каждый язык имеет свою, только ему свойственную звуковую систему. Когда речь идет о практическом овладении вторым (другим, чужим) артикуляторным комплексом, то систему этого языка необходимо разложить на определенные части и распределить эти части так, чтобы изучающие русский язык могли овладеть им при минимальной затрате времени и сил. При этом следует учесть, что имеется «два основных назначения звуковых единиц языка: они служат для разграничения и отождествления смысловых единиц» [19, с. 56]. Лингвисты считают, что система фонем в любом языке стремится к оптимальному соотношению между количеством фонем и возможным

позиционным распределением: при исследовании системы фонем явно обнаруживается тенденция к их минимизации.

В настоящей работе объектом исследования являются звуковые единицы, которые в речи русских билингвов были подвергнуты отклонениям от произносительной нормы. Целью работы является исследование билингвизма и изучение интерферентного явления или акцента при произношении согласных звуков русскоязычными говорящими на коми языке. В работе представлены данные о вариантах замен согласных в коми речи русских, а также определены фонематически и фонетически значимые варианты замен сегментов. Исходя из противопоставления фонологических систем и артикуляционно-акустических характеристик исследуемых контактирующих языков, явления интерференции на сегментном уровне, свойственные речи большинства дикторов-испытуемых, в значительной степени можно предсказать. Иными словами, прогноз явлений интерференции можно определить при сопоставительном анализе звуковых систем контактирующих языков и исследовании живой речи билингвов. Сопоставление контактирующих языковых систем дает возможность сделать прогноз явлений интерференции. Однако, по наблюдениям лингвистов, в неродной речи билингвов, для которых знание второго языка является вполне естественным, количество изменений сегментных характеристик в сторону фонологической системы родного языка в реальной речи может превосходить прогнозируемые. В связи с этим возникает потребность оценки акцентных черт с точки зрения их устойчивости, которую можно выявить путём определения их частоты в неродной речи.

В целях получения достаточно объективной картины о взаимодействии коми и русского языков и возникающей при этом интерференции при речевой коммуникации в естественных условиях русско-коми двуязычия и выявления фонетических особенностей ненормативной реализации согласных был проведен фонетический анализ воспроизведенных текстов и словосочетаний. Для выявления интерферентных особенностей в условиях русско-коми двуязычия были привлечены учащиеся 5-10 классов общеобразовательных учреждений г. Сыктывкара и районов Республики Коми (Сысольского, Прилузского, Корткеросского, Устькуломского, Удорского).

Для эксперимента были использованы специально разработанные фонетически представительные тексты, которые в свою очередь были воспроизведены отобранными дикторами на магнитную пленку, а затем на основе слухового метода расшифрованы и записаны в фонетической транскрипции. Расшифрованные записи текстов позволили определить варианты произношения звуковых единиц. При прослушивании звуков речи нами использовались фонетическая (с обозначением аллофонов или их признаков; запись представлена в квадратных скобках) и фонематическая (с обозначением фонем или реализаций фонем, имеющих фонематическое значение; запись представлена в косых скобках) транскрипции. В работе использованы знаки международного фонетического алфавита (МФА), а также частично знаки финно-угорской транскрипции – для обозначения коми фонем.

Консонантная система исследуемых языков отличается, прежде всего, по количеству противопоставленных единиц (в коми – 26, в русском – 36), а также по дифференциальным признакам, характеризующимся наличием или отсутствием сегментных единиц в фонологических системах исследуемых языков и качеством их реализации, артикуляционных особенностей, основанием чего является различная классификация фонем. К примеру, образование согласных по активному действующему органу дает основание по-разному классифицировать мягкие согласные в исследуемых языках: в коми – среднеязычные палатальные (/d'/, /t'/, /z'/, /s'/, /n'/), в русском – переднеязычные дорсальные (/d'/, /t'/, /ʒ'/, /č'/, /z'/, /s'/, /n'/, /l'/, /j/), какуминальные (/ч'/, /š'/, /r'/) и апиальные (/l'/), характеризующиеся образованием с разным положением кончика языка, и среднеязычный /j/ и др.

В фонетической системе коми и русского языков система среднеязычных согласных весомо отличается. Если в системе среднеязычных согласных коми языка выделяется 9 фонем (/d'/, /t'/, /ʒ'/, /č'/, /z'/, /s'/, /l'/, /n'/, /j/), то система среднеязычных согласных русского языка представлена щелевым сонантом /j/. По своей артикуляции он ничем не отличается как в русском, так и в коми языке и встречается во всех позициях в слове. Следовательно, теоретически при его произношении в русском и коми языке в речи билингвов не должно возникнуть отклонений от произносительной нормы.

Исходя из зафиксированных слуховым методом ненормативных реализаций всех согласных по активному действующему органу, наблюдаемых в речи дикторов коми, при исследовании среднеязычного сонанта /j/ нами не было выявлено отклонений от произносительной нормы. Реализация данного сегмента в речи дикторов не характеризуется разнообразием форм звучания и, следовательно, вариантами произношения. Таким образом, все реализации щелевого среднеязычного сонанта /j/ в разноместных позициях в слове представляют собой нормативное произношение. Однако в коми речи русских при произношении палатальных среднеязычных согласных имеется ряд модификаций фонем с отклонением от эталонной реализации (см. табл.).

Таблица

Частота ненормативных вариантов при реализации среднеязычных согласных в коми речи русских

Фонемы	Варианты	Число ненормативных реализаций	Частота ненормативной реализации варианта по отношению ко всем ненормативным вариантам данной фонемы (в %)	Частота варианта по отношению ко всем ненормативным реализациям переднеязычных согласных (в %)
1	2	3	4	5
/d'/ 8 / 18	[d'ʰ]	1	5,5	1
	[d'ʰʲ]	1	5,5	1
	[t'ʰ]	7	39	6
	[t'ʰʲ]	6	33,5	5
	[d'ʰ_]	2	11	1,5
	[d'ʰ_ʲ]	1	5,5	1

1	2	3	4	5
/t'/ 9 / 12	[t _v ^z]	1	8,5	1
	[t ^{tc}]	2	16,5	1,5
	[t' _v]	1	8,5	1
	[t ^{tc}]	7	58	6
	[t [*]]	1	8,5	1
/z'/ 10 / 23	[z ^{**}]	10	43	9
	[z [*]]	13	57	11
/s'/ 31 / 50	[s ^{**}]	28	56	18
	[s [*]]	22	44	12
/l'/ 8 / 2	[l [*]]	1	50	1
	[l]	1	50	1
[č'] 14 / 2	[č [*]]	2	100	1,5
/n'/ 12 / 9	[n ^{l+j}]	1	11	1
	[n [*]]	6	67	5
	[n ^{l+j}]	2	22	1,5
/ž'/ 16 / 15	[d ^z]	4	27	3
	[d ^z]	4	27	3
	[d ^z]	5	33	4
	[ǰ ^л]	2	13	1,5

Звуковая интерференция среди среднеязычных согласных в коми языке охватывает группы модификаций фонем, встречающихся в речи наиболее часто: /z'/ → [z^{*}] (43,3%), /z'/ → [z^{**}] (33,3%), /t'/ → [t^{tc}] (31,8%), /s'/ → [s^{**}] (30,1%), /d'/ → [t^{tc}] (29,2%), /d'/ → [t^{tc}] (25%), /s'/ → [s^{*}] (23,7%); реже: /n'/ → [n^{*}] (16,7%), /ž'/ → [d^z] (10,4%), /t'/ → [t^{tc}] (9,1%), /ž'/ → [d^z] (8,3%), /ž'/ → [d^z] (8,3%), /d'/ → [d^л] (8,3%), остальные ненормативные реализации среднеязычных фонем в тексте встречаются не более 5%.

Представленная система модификаций фонем характеризует изменение артикуляционной базы в речи билингва на уровне орфофонии, поскольку реализации замены сегмента на уровне орфоэпии, характеризующегося в полном противопоставлении признака, не наблюдалось или наблюдалось в незначительном количестве. Например, в реализации: /l'/ → [l] (4,2%) – оппозиции «твердость-мягкость» согласных: [l]ежнӧг < [l']ежнӧг, [l]ичыд < [l']ичыд и др.

Исследуемый материал среднеязычных согласных в коми речи русских характеризует данную систему интерферентных особенностей на уровне отклонения оппозиций «твердость-палатальность», «звонкость-глухость», а также изменений по способу образования согласных «щелевые-смычные».

В русском языке отсутствует широко представленная корреляция в подсистеме коми согласных фонем – корреляция по твердости-палатальности, что приводит к неразличению русскими в произношении и восприятии палатальных согласных. Это также образует значительную трудность при усвоении коми фонетики.

Так, например, особую трудность на начальном этапе вызывает произнесение палатальных звуков [s'], [z'], [d'], [t'], [n'], [l'], [ʒ'] и [č'] в коми языке, так как эти фонемы в русском языке существенно отличаются своей артикуляцией по сравнению с коми. При артикуляции русских мягких согласных [s'], [z'], [d'], [t'], [n'], [l'] и [č'] в работу органов речи включается передняя часть спинки языка, которая по своей артикуляции отличается переднеязычным дорсальным типом, а по способу образования характеризуется щелевым однофокусным круглощелевым типом. В отличие от русских звуков, например, коми [s'] и [z'] отличаются среднеязычным местом образования, а по его способу передачи, как и в русском языке, щелевым однофокусным, но плоскощелевым вариантом, при котором средняя часть спинки языка не поднята к нёбу, а лежит плоско. При такой артикуляции возникает так называемый вариант щелевого шипящего согласного, отсутствующего в системе русского языка. Поэтому при передаче коми лексем с палатальными [s'] и [z'] возникает интерферирующее воздействие на основе родного языка. Под таким влиянием в коми речи русских встречаются согласные с недостаточной палатальностью, продвинутой вперед артикуляцией, а также с переднеязычным и однофокусным круглощелевым типом, например, в абсолютном начале слова: [s'']икт, [s'']öла, [z'']ятъ, в середине слова: си[z'']им, керка ве[s'']тын, в абсолютном конце слова: ку[z''] и ку[s''].

В целом соблюдение «твёрдости-мягкости» согласных является важным показателем степени языковой компетентности говорящего. Кроме того, с этим вопросом тесно связан и вопрос о варьировании/неварьировании гласных под влиянием мягких согласных. Это явление также представляет трудность при усвоении коми гласных в структуре конкретных слов. Например, в коми слогах с /s'ы/ и /z'ы/ русские билингвы произносят вариант с /и/-образным началом, поскольку в русском языке гласный /ы/ в отличие от коми /ы/ характеризуется более передним рядом образования и в сочетании с мягкими согласными после них не встречается. Таким образом, реализация с компонентами звуков [s'ы] и [z'ы] в коми языке произносится напряженнее, что бывает достаточно сложно освоить такую артикуляцию русским билингвам. Реализации с отклонением от эталонной реализации встречаются во всех позициях слов, например: [с'и]вны, ва[з'и]ны и др.

Среди аффрикат, встречающихся в системе коми и русского языков одновременно, выделяется лишь фонема /č'/. Однако при произношении коми аффрикаты /č'/ русскоязычными говорящими отмечались варианты произношения полумягкого и даже твёрдого согласного (кö[č'']ыд, [č'']ышьян), или характерного для русского языка мягкой фонемы, но переднего ряда образования, например: па[ч''] дорын, ру[ч'']иль, [ч'']öдлач и др. В отношении реализации вариантов фонемы следует заметить, что чаще всего билингвами в неродной речи воспроизводятся те звуки, которые характерны для тех или иных фонетических позиций родного языка.

Для русскоязычных билингвов усвоение произношения коми аффрикат /ʒ, ʒ', č, č'/ довольно трудный процесс. Это объясняется, во-первых, отсутствием некоторых аффрикат в родном русском языке, таких как /ʒ', ʒ, č/, во-вторых, качест-

вом произношения отдельных аффрикат, встречающихся в обоих языках. На основе транскрипционных записей текстов информантов исследованы реализации мягких коми аффрикат и выявлены отклонения от эталонной реализации, которые заключаются в следующем:

1) произношение слабосмягченного [č̣'] на месте мягкого среднеязычного [č̣'], например: в абсолютном начале слова: [č̣']öскыд < /č̣'/öскыд, [č̣']öла пукавны < [č̣']öла пукавны в середине слова: пö[č̣']ыд < пö[č̣']ыд, в абсолютном конце слова: кö[č̣'] < кö[č̣'] и др., отличающиеся более твердым произносительным вариантом реализации, в артикуляционном плане переднеязычной фонемой;

2) произношение других звуков на месте аффрикат, когда вместо смычного сложного по своему характеру звука /ǰ'/ произносится щелевой однофокусный /z'/, например: во[z']ын < во[ǰ']ын, ко[z']ув < ко[ǰ']ув и др.;

3) иногда выделяется произношение с акцентируемым звуком в составе аффрикат взрывного элемента /t/ и /d/ с щелевыми двухфокусным /š/ и однофокусным /z'/, например [ṭ]šöд < [č̣']öд, кы[dẓ] < кы[ǰ'] и др. Двухфокусная мягкая аффриката /ǰ'/, образуемая путем тесного слияния компонентов фонем в одну, при реализации в речи билингвов характеризуется удвоенным типом отдельно представленных фонем – с артикуляцией взрывного твердого /d/ или мягкого /d'/, поэтому чаще всего отклонения такого плана носят характер орфоэпических ошибок;

4) нарушение качества звука, заключающегося в произношении аффрицированного согласного на месте аффрикаты и в утрате качества мягкости согласного (/ǰ' > [d^z], [d^z], [d^z']), например, коми лексема **дзоридз** (/ǰ'opu/ǰ'/) информантами была реализована в разных вариантах произношения: 1) в твердом варианте произношения аффрицированного согласного, как: [ḍ]opu[ḍ], 2) в полумягкой реализации аффрицированного согласного в завершающей щелевой фазе, т.е. с конечным полумягко-щелевым элементом (при этом смычная фаза воспроизводится в твердом варианте), как: [ḍ']opu[ḍ'], 3) в полумягкой реализации аффрицированного согласного (т.е. смычная и завершающая щелевая фазы воспроизводятся в полумягком варианте), как: [d^z']opu[d^z']. Следует учесть, что варианты реализации орфофонического характера также могут варьироваться во всех фонетических позициях одного и того же слова. Кроме того, частота реализации исследованных согласных в речи билингвов отличается, поскольку разные условия взаимодействия языков способствуют у билингвов возникновению владения вторым языком в той или иной степени. В коми языке аффриката [ǰ'] по произносительной норме относится к палатальным согласным. По причине отсутствия такого качества согласных в русском языке происходит интерферирующий характер реализации данного согласного, что ведет к массовому нарушению произношения от литературной нормы коми языка в речи русских.

Из исследования видно, что аффрикаты, как более сложные по своей природе звуки, в неродной речи подвергаются тем или иным отклонениям от эталонной реализации. Этому способствуют значительные индивидуальные языковые особенности. Поэтому в целях предупреждения интерферирующих особенностей

в языке билингов, в первую очередь, необходимы детальное рассмотрение и систематизация интерферирующих явлений, которая имеет как теоретическое, так и прикладное значение, например определение языковой принадлежности личности по интерферирующим признакам.

Обращение к фонетическому аспекту коми речи русских позволило охарактеризовать действие межъязыковой фонетической интерференции, которая проявляется на уровне состава фонем, фонемных оппозиций, позиционного варьирования, акустико-артикуляционных различий.

При формировании русско-коми двуязычия дифференциальные признаки согласных отражают черты, которые являются общими для систем исследуемых языков. При русско-коми двуязычии большее сходство сохраняется с системой русского языка, родного языка русскоязычных билингов.

ТРАНСКРИПЦИОННЫЕ ЗНАКИ, ИСПОЛЬЗУЕМЫЕ В РАБОТЕ

• для обозначения специфических фонем коми языка:

/ʒ/ – шумная смычная какуминально-альвеолярная звонкая аффриката

/ʒ'/ – шумная смычная среднеязычно-палатальная звонкая аффриката

/č/ – шумная смычная какуминально-альвеолярная глухая аффриката

/č'/ – шумная смычная среднеязычно-палатальная глухая аффриката;

• дополнительные знаки:

[^ʰ] – гласная вставка после твердых согласных

[_ʋ] – озвонченность, недостаточная глухость согласного

[_ʌ] – оглушенность, недостаточная звонкость согласного

[[·]] – недостаточная мягкость палатализованного согласного или недостаточная твердость веляризованного согласного

[^ʷ] – шепелявость свистящих щелевых и палатализованность согласных

[^ʹ] – мягкость согласного

1. Астаева Т.Т. К вопросу о повышении культуры русской речи коми учащихся // Ориентир. Сыктывкар, 1994. № 1-2. С. 59-62.

2. Астаева Т.Т. Предупреждение интерференции в русской речи коми учащихся // Изучение русского языка и литературы во взаимодействии с коми языком и литературой. Сыктывкар, 1992. Вып. 2. С. 28-50.

3. Бараксанов Г.Г. Формирование языковых норм коми литературного языка. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1964. 64 с.

4. Бондарко Л.В. Фонетика современного русского языка : учебное пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1998. 276 с.

5. Бондарко Л.В., Вербицкая Л.А., Гордина М.В. Основы общей фонетики : учебное пособие. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1991. 152 с.

6. Вербицкая Л.А. Давайте говорить правильно. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высшая школа, 2001. 239 с.

7. Грузов Л.Л. Интерферентные явления на фонетико-фонологическом уровне в условиях марийско-русского двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972. С. 301-307.
8. Грузов Л.Л. Марийско-русское двуязычие и вопросы совершенствования преподавания русского языка в школе // Вопросы марийского языка. Актуальные проблемы литературного языка. Йошкар-Ола, 1989. С. 78-87.
9. Златоустова Л.В. Проблемы интерференции в типологических разных языках // Сопоставительная филология и полилингвизм : материалы Всероссийской научно-практической конференции (Казань, 19-31 октября 2002 г.). Казань, 2002. С. 172-174.
10. Зорина З.Г. Фонетические особенности функционирования русского языка в условиях двуязычия. Йошкар-Ола: МарНИИ, 1996. 475 с.
11. Интерференция звуковых систем / отв. ред. Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1987. 280 с.
12. Исаева Т.А. Русская речь мордвы-эрзи // Труды Мордовского НИИ языка, литературы, истории и экономики при Совете Министров Мордовской АССР. Вып. XXIX. Серия лингвистическая. Саранск, 1965. С. 3-133.
13. Кузнецова А.И. Характер интерференции коми и русского языков на различных языковых уровнях (в районах коми-русского двуязычия) // Вестник Московского университета. Сер. Филология. 1971. № 5. С. 56-67.
14. Кузнецова А.И. Качественная оценка билингвизма в Коми АССР и зависимость ее от социальных факторов // Теоретические и экспериментальные исследования в области структурной и прикладной лингвистики. М., 1973. Вып. 6. С. 134-144.
15. Куклина О.Н. Особенности произношения гласных в английской речи мари // Узловые проблемы современного финно-угроведения : материалы I Всероссийской научной конференции финно-угроведов. Йошкар-Ола, 1995. С. 343-345.
16. Леэметс Х.Д. Систематизация русско-эстонской интерференции // Контакты русского языка с языками народов Прибалтики. Рига, 1984. С. 138-143.
17. Любимова Н.А. Психолингвистический аспект формирования звуковой системы неродного языка в условиях обучения // Фонетический аспект общения на неродном языке. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2006. С. 6-22.
18. Любимова Н.А. Фонетический аспект общения на неродном языке (в условиях финско-русского двуязычия). Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. 196 с.
19. Панов М.В. Русская фонетика. М., 1967. С. 56.
20. Поздеева И.П. Особенности фонетической интерференции в русской речи удмуртов // Вопросы фонетики и грамматики удмуртского языка. Устинов, 1986. С. 45-54.
21. Поздеева И.П. Экспериментальное исследование некоторых аспектов фонетико-фонологической интерференции в русской речи билингвов-удмуртов // Пермистика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 165-169.
22. Поздеева И.П. Фонетическая интерференция в русской речи удмуртов-билингвов // Фонетические и орфографические исследования : межвузовский сборник научных трудов. Ижевск, 1988. С. 78-85.
23. Поляков О.Е. Мордовия многонациональная: взаимоотношения народов – взаимоотношения языков. Саранск, 1993. 139 с.
24. Прокуровская Н.А. К вопросу о влиянии удмуртского языка на разговорную речь русских // Вопросы грамматики и контактирования языков. Ижевск, 1990. С. 111-115.
25. Пунегова Г.В. Фонетические особенности функционирования русского языка в условиях коми-русского двуязычия в Республике Коми (на материале экспериментально-фонетического исследования согласных). Сыктывкар, 2008. 186 с.

ИГРА ТИПА «В КОЛЕЧКО» В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ КОМИ

В данной статье проанализированы описания старинных народных игр, зафиксированных во множестве вариантов в традиционной культуре коми и известных под условным названием «В колечко». Анализ вербальных текстов, зафиксированных в игре, позволяет сделать вывод о том, что они были заимствованы из аналогичных русских народных игр и адаптированы к нормам коми языка. Игры ранее были популярны на молодежных посиделках, а позже стали фиксироваться среди детей. Тем не менее игра в завуалированной форме сохраняет брачно-эротические мотивы.

Ключевые слова: фольклор, народная игра, коми фольклор, заимствования, межкультурные контакты.

In given article descriptions of the ancient national games fixed in set of variants in traditional culture коми and known under conditional name «In a ringlet» are analysed. The analysis of the verbal texts fixed in game, allows to draw a conclusion that they have been borrowed from similar Russian national games and are adapted for norms коми language. Games were popular earlier on a youth sit-round gathering, and began to be fixed among children later. Nevertheless, game in the veiled form keeps brachno-erotic motives.

Keywords: folklore, national game, komi folklore, loans, intercultural contacts

Одной из интересных с точки зрения семантики и происхождения старинных народных игр, зафиксированных во множестве вариантов в традиционной культуре коми, можно назвать игру типа «В колечко». Так называют игру, в которой водящему необходимо найти спрятанный у одного из участников предмет (например, колечко). Она имела в локальных традициях разнообразные названия и была довольно популярной среди молодых людей добрачного возраста во время посиделок и игрищ.

Материалом для данной работы послужили архивные записи преимущественно Научного архива Коми НЦ УрО РАН (Коми НЦ), фольклорного архива Центра фольклорных исследований Сыктывкарского госуниверситета (СыктГУ), Фольклорного фонда ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (ИЯЛИ), отдела фондов Национального музея Республики Коми (НМРК). Привлекаются также собранные автором полевые материалы.

В верхневычегодских коми селах (с. Аныб, Вольдино, Мыёлдино, Пожег, Руч, Усть-Кулом Усть-Куломского р-на и с. Богородск Корткеросского р-на) игра зафиксирована под названием «Гизь-гизь, гораньёй», в которую играли, по

словам информантов, в основном девушки. Выбрав игрока, прячущего пуговицу (или иную вещь), и отгадывающего, остальные участники садились на лавочку кругом или полукругом и складывали перед собой ладони «лодочкой». Отгадывающему иногда завязывали глаза платком; или он стоял в стороне (перед печкой) спиной к остальным и поворачивался к играющим после приглашения найти спрятанный предмет. По другим описаниям этой игры, он имел возможность следить за движениями другого игрока, который незаметно оставлял какую-то вещь в чьи-то руки или оставлял себе. Если играли только девушки, то этот предмет прятали в юбочку или сарафан. Таким объектом могла быть щепка, спичка, пуговица, монета, горошек или колечко. Прятанье предмета происходило под хоровое исполнение игровой припевки:

Гизь-гизь, гораньёй	Гизь-гизь, моя <i>горань</i>
Да батюшка Еремей.	Да батюшка Еремей.
Тупкалёй да тапкалёй,	Закрывайте и прикрывайте,
Корсялёй да то́дмалёй,	Ищите и узнавайте,
Код ордын гизяньёй?	У кого моя <i>гизянь</i> ?

(с. Усть-Кулом, Усть-Куломский р-н. СыктГУ: АФ 1228-2)

Оставив кому-нибудь щепку, игрок становился рядом с остальными. В некоторых вариантах один из участников после исполнения игровой припевки громко спрашивал: «*Код водзин?*» (Перед кем?); остальные дружно отвечали: «*Ме водзин!*» (Передо мной!). Угадав, у кого находится спрятанный предмет, участник занимал его место, а игрок, у которого обнаруживали, становился водящим. По другим вариантам, если угадывал, то отгадывающий начинал прятать этот предмет, водящий становился рядовым игроком, а игрок – отгадывающим. Если же игрок не узнавал в первый раз, то ему говорили «*ёти пинь туч-тач*» (один зуб выбили). В качестве наказания игрок, трижды не угадавший, у кого находился предмет, должен был всем объявить имя жениха / невесты. Если проигравший отказывался выполнить предусмотренное правилом задание, его клали на коромысло и протаскивали коромысло под ним или доводили до слез, подбрасывая вверх (с. Пожег, Усть-Куломский р-н. Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 227. Л. 52-53).

В нижневычегодских селениях (с. Слудка, Палевицы, Часово Сыктывдинского р-на и с. Межог, Туис-Керос Усть-Вымского р-на) эта игра называлась «*Желля водзысь ворсём*» (букв.: игра со щепкой [впереди]). От игр Верхней Вычегоды она отличалась прятаньем только щепки («*желль*») и исполнением лаконичного вербального текста:

Лукорья-Пукорья,	Лукерья-Пукерья,
Код водзин тись-пась?	Перед кем <i>тись-пась</i> ?

(с. Часово, Сыктывдинский р-н. Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 289. Л. 81)

Как и в верхневыхегодских традициях, если девушка-игрок трижды не угадывала, то должна была сказать имя жениха. Если игрок пасовал и не желал дальше водить, то его дразнили: «*Пым рысь, пым рысь, конерёй, дышмин! Дув!*» (Горячий творог, горячий творог, бедняжка, устала! Бац!) (с. Туис-Керос, Усть-Вымский р-н. Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 288. Л. 28)

Зафиксированы также другие названия этой игры: «*Чунькытши-анькытши*» (букв.: Колечко-горошек) в с.Нёбдино Корткеросского р-на, «*Чунькытшиасьём*» («Игра с колечком») в с.Сторожевск Корткеросского р-на и с.Летка Прилузского р-на.

Некоторые варианты этой игры имели продолжение в форме игры, известной как «*Гырё юр стойём*» (букв.: опускание головы в ступу; «водящий в шубе»). Это происходило тогда, когда отгадывающий не узнавал, у кого находилась спрятанная вещь. В этом случае участник поворачивался спиной к остальным в угол, находящийся перед выходом из избы; его накрывали шубой, а игроки поочередно били его по спине. Если тот угадывал ударившего игрока, тогда бьющий становился водящим в «*Гизь-гизь, гораньёй*». (с. Усть-Кулом. Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 239. Л. 166 а – 167).

Судя по имеющимся описаниям, на более поздних этапах бытования игра «*Гизь-гизь, гораньёй*» стала своеобразной прелюдией к детским вариантам игры «*Горань*» («Жмурки»). После коллективного исполнения игровой припевки «*Гизь-гизь, гораньёй*» тот игрок, которому водящий незаметно оставлял предмет, должен был встать и убежать. Остальные ловили убегающего, завязывали его глаза платком и помещали в центр круга. Исполнив игровую песню «*Синтём горань*» («Слепой горань»), водящий начинал вслепую ловить (с. Усть-Кулом. ФА СыктГУ: РФ 12-VI-25).

По мнению Д.А. Несанелиса, игра типа «Колечко» относится «к наиболее важной – финальной части посиделок», в которой отчетливо определяются «потенциальные брачные пары» [1]. Рассматриваемая игра первоначально считалась молодежной, разыгрываемой на посиделках, и только потом стала достоянием детской субкультуры. При этом в ней изменился характер наказания. Став частью детской жизни, игра потеряла характерный для молодежных игр этого типа момент объявления имени невесты / жениха. Место наказания заняло привычное для детей «творческое» задание. Информант из с.Усть-Кулом подчеркнул, что его бабушка заставляла проигравшего танцевать (ПМА: Николай Тарабукин, 1977 г.р.). В с. Керчомья Усть-Куломского р-на игрока, трижды давшего неправильный ответ, каждый из участников щелкал по лбу 10 раз (СыктГУ: РФ 32-XXXII-1).

Игре «*Гизь, гизь, гораньёй*» в русской традиции соответствует игра, в которой используется песня «Уж я золото хороню». В научной литературе существует два мнения о происхождении этой песни в сюжете игры. Е.А. Самоделова считает, что песня «Уж я золото хороню» первоначально сопровождала гадательный ритуал, а позднее переоформилась в самостоятельную игру «Колечко» [2]. В.И. Чичеров предполагает, что песня «Я золото хороню» не использовалась как

подблюдная, а вошла в гадание как «одна из игр, обычных в святочное веселье» [3]. Свое мнение ученый объясняет тем, что «этот текст не содержит намеков на грядущую судьбу человека (если не считать типичного для песенной лирики любовно-эротического мотива). Осмысление этого песенного текста как сопровождающего гадание, следовательно, не дает возможности для понимания его как обрядовой песни в крестьянской среде. Вопрос о несоответствии песни гаданию может быть легко объяснен, если признать ее позднее прикрепление к народному новогоднему обряду узнавания будущего; песнь, видимо, прикрепилась к крестьянским гаданиям, утерев при переходе свое основное игровое значение» [4].

Мнение В.И. Чичерова разделяет А.Н. Розов, отмечающий, что «довольно часто подблюдное гадание сопровождалось песней «Уж я золото хороню», а иногда и другими песнями, не имеющими ничего общего с традиционными подблюдными» [5]. Сопоставление песен, которые поются в игре «Колечко», и исполнявшихся в игре «Гизь-гизь, гораньёй» вербальных игровых текстов позволяет сделать вывод о существенном влиянии русской традиции на формирование текста коми припевки. В данном случае следует говорить о заимствовании именно русской игровой песни, а не русской подблюдной песни, сопровождающей гадательный ритуал [6]. В связи с этим отметим, что на данный момент известны крайне незначительные свидетельства об исполнении в прошлом коми «величальных надблюдных песен» [7].

Построчный анализ обнаруживает в текстах коми игровых припевок измененные русские слова и фразы, «затемненные» в течение долгого времени бытования в иноязычной традиции. Кстати сказать, процесс семантического осмысления наблюдается практически во всех заимствованных из русского фольклора песенных текстах, зафиксированных в коми традиции вплоть до недавнего времени [8]. Для наглядности приведем начало исполняемой в игре «Золото хоронить» игровой песни:

Уж я золото хороню, хороню,
Чисто серебро, хороню да хороню,
Я у батюшки в терему да в терему,
Я у матушки в высоком да высоком.
Гадай, гадай, девица,
Отгадывай, красная,
В какой руке былица,
Змеиная крылица и т.д. [9]

Заимствованная русская игровая песня была своеобразно «осмыслена» коми традицией. Игровая прагматика оказала влияние, прежде всего, на структуру припевки. Из длинной песни востребованными оказались лишь первые строчки, в которых часть слов переведена на коми язык, а другая часть, ставшая непонятной для носителей традиции, – осмыслена звуковым комплексом родного языка. Так, стих русской игровой песни «Я у батюшки в терему, да в терему» в одном из вариантов коми игровой припевки приобретает такие формы, как «*И батюшка Еремей*», «*Ипатюшки Еремей*»:

Гизь-гизь, гора ние,
Ипатюшки Еремей,
Братцы, купечки,
Зэтречина, метречина,
Дывалэй, давалей,
Тупкалэй, тапкалэй.
Код водзин?

Гизь-гизь, гора ние,
И батюшка Еремей,
Братцы, купечки,
Зэтречина, метречина,
Дывалэй, давалей,
Прикрывайте, закрывайте.
Перед кем?

(с. Вольдино, Усть-Куломский р-н. Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 219. Л. 30 а)

В другом тексте припевки две строчки «Я у батюшки в терему, да в терему / Я у матушки в высоком, да высоком» превращаются в лаконичную форму «*Батюшки, матушки*». Слово «хороню» близко по звучанию с коми словом «*гораней*», «*горание*»; оно также осмыслено как «*городе*», «*городь*»:

Гизь, городь, ветшерок,
Тім-там,
Тупкалэй, тапкалэй,
Код водзин?

Гизь, город, вечерок,
Тяп-ляп,
Закрывают, прикрывают,
Перед кем?

(с. Вочь, Усть-Куломский р-н. Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 235. Л. 215-215 а)

Структура коми игровой припевки довольно устойчива. В ней можно отчетливо выделить зачин, основную часть, концовку. Образующийся из первого стиха зачин начинается чаще всего со слов «*гизь-гизь, гораньдй*» (вар.: «*гизь-гизь, горань весань*», «*гизь-гизь, городе*»). Звукосочетание «*гизь-гизь*», занимающее в стихе определенную ритмическую позицию, иногда заменяется не менее понятными «*гизь-бизь*», «*дизь-бизь*», «*гизь-пань*» (гизь-ложка), «*чижу-вижу*», «*гижи-гожи*» и др. «*Гизь-гизь*» является звукоподражательным словом со значением «*рассыпаться со звуком*». В текстах также встречаются иные звукоподражания: «*тусь-пась*» или «*пузь-пазь*» (разбиться вдребезги), «*тім-там [тупкалэй, тапкалэй]*» (тяп-ляп, [закрывают, прикрывают]). Не исключено также, что произошла десемантизация «*кизь*» (пуговица, которую во время игры прячут) в непереводаемое «*гизь*».

Не менее затемненной является семантика слова «*горань*», обозначающего в некоторых микролокальных традициях игру «Жмурки» и самого водящего персонажа. Коми лингвист В.И. Лыткин считает, что «*горань*» первоначально обозначало «*стряпуху*» (*гор* «печка», *ань* «женщина»): когда играющий с завязанными глазами ищет, остальные хлопают ладонями по столу, производя звук, напоминающий раскатывания теста» [10]. В связи с фигурированием в названии игры форманта «гор» (каменка), этимологически восходящей к общепермскому *gog- (печь) [11], отметим любопытную деталь. В некоторых рассматриваемых нами вариантах игры водящий располагается спиной к остальным участникам рядом с печкой, перед печным столбом («*сюрья*») – своеобразным ритуальным центром, в семиотическом смысле воплощающим «идею вертикали дома» [12], а

основного персонажа игры называют «*сюрья видзись*» (букв.: охраняющий столб) (с. Палевицы, Сыктывдинского р-на. Коми НЦ: Ф. 1. Оп. 11. Д. 303. Л. 31). Анализ наименований водящего в русских играх также показывает, что их названия часто соприкасаются с темой кухни, еды, печи, которые, по народным представлениям, связаны с потусторонним миром [13].

Вторая часть слова «*горань*» – *ань* переводится как «баба, женщина». По наблюдениям ученых, в народной традиции общеславянское слово «баба» «часто служит для табуистического обозначения мифологических персонажей – духов, демонов, персонифицирующих всякого рода опасности и болезни» [14]. К этим же выводам приходим на основе данных коми фольклора. Форманты *-ань*, *-баба* часто встречаются в словах, именующих мифологические персонажи коми: сказочные *Баба-Яга*, *Ёма-баба*; легендарный персонаж *Зарни Ань* (букв.: Золотая баба); *гуранька* [15], *гуринька*, *горинька* – злой дух в образе женщины, обитающей в бане; *пывсян горань* – банница (букв.: женщина банной каменки / очага), *вежа гурань* [16] (букв.: женщина священная очага / каменки); *кузь баба* (букв.: длинная баба). Корень *кузь-* в коми названии лешего *Кузиван* рассматривается в одном ряду со словами, образованными с корнем **kul**, **kuđ**, которые распространены не только в финно-угорских языках; к примеру, удм. **kužo**, **vukužo** «божество воды». Исследователи считают, что эти слова семантически связаны с миром мертвых и нижним миром, а *кузь* обозначает «хозяин» [17]. В таком случае наименование мифологического персонажа *кузь баба* можно перевести как «хозяйка-женщина». Таким образом, *горань* концентрирует в себе близкие, взаимосвязанные значения: *гор* «печь, очаг» и *ань* «женщина». Стоит отметить, что в некоторых коми селах (сс. Воч и Керчомья Усть-Куломского р-на, сс. Грива и Ужга Койгородского р-на) святочные хороводные игры также назывались производными от «*горань*» словом «*гораньясьны*» [18]. Например, о том, что в с. Койгородок Сысольского уезда Коми области (ныне – Койгородский район Республики Коми) взрослые играют в «Горань», отмечал в 1929 г. коми лингвист В.И. Лыткин: «В «Горань» играют бабы во время Рождества: поют, пляшут, платки свои в потолок выбрасывают» (НМ РК: КП-12498. Л. 226).

Основная часть игрового текста «*Гизь-гизь, гораньёй*» включает многочисленные исковерканные русскоязычные слова и словосочетания, перечисляемые друг за другом, однако единым сюжетом они не связаны. В вариантах текста встречаются такие слова и выражения, как «*присвятая*», «*свинечкум, базаркум*», «*братцы, купечки, зетречина, метречина*», «*прёсвятая ветшёркум и базаркум*», «*пресвятая вечера, батюшки, матушки, свинечком да съмеком, за майот*», «*свинечки-колпачки*», «*запанкия чуньыс*» (палец с перстнем), и т.д. По той причине, что подобных словоформ нет в структуре русских игровых песен, не исключено, что в формировании этой игровой припевки принимали участие также иные фольклорные тексты.

В игровой припевке обязательным является просьба к игрокам закрывать, прикрывать спрятанную вещь. Концовка припевки, состоящая из последнего

стиха, всегда включает обращение к водящему с вопросом «*Код ордын гизяньёй?*» (У кого моя гизянь?), «*Код водзин?*» (Перед кем?).

Текстологически близкое к коми игровой припевке произведение в д. Ыб Усть-Вымского р-на бытовало в качестве считалки, в которой первая же строчка отсылает к тексту русских подблюдных песен:

Гадай, гадай девица,
Сюра пöдöвнича,
Код киин да код водзин?
Благослови Кростос.

Гадай, гадай девица,
Рогатый подойник,
В чьих руках и перед кем?
Благослови Хростос.

(ИЯЛИ: ВФ 0906-21)

Переход данной игровой припевки в считалку – не единичное явление в народной культуре, и, в какой-то степени, имеет под собой мотивировку и предсказуемость. Эти два вида текстов наиболее близки и по сфере бытования (входят в состав игры по правилам), и по объему, но отличаются выполняемой функцией. Следует учесть, что в локальных традициях коми не встречается собственная народная терминология для обозначения игровых припевок и приговорок, поэтому даже сами носители локальных традиций затрудняются разграничить вербальные игровые тексты от считалок, несмотря на их различное жанровое предназначение. Если игровые приговорки начинают игровое действие, определяют последствие для участника, нарушившего условие, играют роль сигнала к действию, заговаривают игровой инвентарь или предполагаемые действия, а игровые припевки ставят водящему задачу, очерчивают действия, то с помощью считалки происходит пересчет участников и выбор одного из них на роль водящего. Таким образом, причина элементарного смешения разных текстов (в т.ч. и среди собирателей) видится в размытом представлении функциональной роли рассматриваемых текстов в самой традиции.

В семантическом плане игра «В колечко» весьма насыщена и требует интерпретации некоторых моментов. Принадлежность игры к молодежной субкультуре и закреплённость к традиционным посиделкам с участием девушек и парней добрачного возраста обусловило развитие характерных для подобных игр брачно-эротических мотивов. Такая символика прослеживается в составе участников игры, наборе игровых предметов, производимых рукой поступательных движениях.

Судя по имеющимся материалам, рассматриваемая нами игра считалась девичьей, однако возможно было участие в ней парней, что дополнительно придавало игре эротический оттенок. Эти мотивы усиливались в то время, когда молодой парень старался с напористостью протиснуть свои ладони с прижатой щепкой (или иным предметом) в аккуратно сложенные ладони девушки. Особый сакральный смысл приобретало прятанье предмета в щель, образованную в складках сарафана или юбочки, или в ладони, сложенные перед собой между ногами при сидячем положении. В подобных движениях угадывается акт зачатия.

Эротическая семантика актуализируется при использовании в качестве предмета, который необходимо спрятать, – горошинки. Исследования в области славянских [19] и коми [20] фольклорных традиций показывают, что горох использовался в различных магических ситуациях, семантика которого связана с плодovitостью, урожайностью и богатством. Семантика плодovitости подкрепляется формой наказания проигравшего участника, которого подбрасывают вверх. В этих действиях видится продуцирующая магия, характерная для календарно-земледельческого цикла и свадебной обрядности.

Момент отгадывания и нахождения спрятанного предмета можно связать с успешным завершением дела, от которого зависит не только благополучие отдельного человека, но и всего социума. Сравните с приметой: если дети в канун Васильева дня на полу под столом находили ржаное зернышко, то это сулило урожайный год [21]. Мотивы отгадывания роднят игру с жанром загадок, используемых в свадебной обрядности вопросно-ответными диалогами перед закрытыми дверями [22], различными обрядовыми практиками, проводимыми перед печкой, по окликанию домашней скотины [23], по нахождению без вести пропавшего человека. Брачная тематика приобретает особое звучание при использовании обязательного для свадебной церемонии колечка, нахождение которого вселяет уверенность в будущем замужестве.

Подытоживая анализ бытовавшей на посиделках игры «Гизь, гизь, гораньёй», необходимо отметить эволюционный характер молодежных игр; со временем все они перекочевали в детский репертуар и изменили смысловую направленность игровой прагматики. Тем не менее игра в завуалированной форме сохраняет брачно-эротические мотивы. Игра интересна и с точки зрения адаптации вербального русскоязычного текста, полностью перекодированного в коми традиции. В заимствованном тексте уцелели только некоторые фразы и слова.

1. Несанелис Д.А. Раскачаем мы ходкую качель. Традиционные формы досуга сельского населения Коми края (Вторая пол. XIX – первая треть XX вв.). Сыктывкар, 1994. С. 38.

2. Самоделова Е.А. Новый учебный комплекс по фольклору // Традиционная культура. Научный альманах. 2000. № 1. С. 108.

3. Чичеров В.И. Зимний период русского народного земледельческого календаря XVI-XIX веков (Очерки по истории народных верований). М.: Изд-во АН СССР, 1957. Т. 40. С. 99.

4. Там же. С. 99.

5. Обрядовая поэзия / сост., предисл., примеч., подгот. текстов В.И. Жекулиной, А.Н. Розова. М.: Современник, 1989. С. 39-44.

6. Песни русского народа. Собраны в губерниях Вологодской, Вятской и Костромской в 1893 году. Записали слова Ф.М. Истомина, напевы С.М. Ляпунов. СПб., 1899. С. 177-178.

7. Sjögren A. Gesammelte Schriften. B. 1. St-Petersburg, 1861. Об этом см.: Микушев А.К., Рочев Ю.Г., Чисталев П.И. История собирания и изучения коми фольклора // История коми литературы : в 3 т. Т. 1. Фольклор. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1979. С. 12.

8. Об этом убедительно свидетельствуют выводы монографии канд. филол. наук А.В. Панюкова «Динамика развития коми фольклорных традиций в контексте теории самоорганизации» (Сыктывкар, 2009. 224 с.).
9. Покровский Е.А. Детские игры, преимущественно русские. СПб, 1994. С. 188-189. См. также: Детский фольклор / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. М.Ю. Новицкой, И.Н. Райковой. М.: Русская книга, 2002. С. 297-298. № 437, 438. (Б-ка русского фольклора; Т. 13).
10. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. Переизд. с дополн. Сыктывкар, 1999. С. 78. Исследователь коми-пермяцкого фольклора В.В. Климов название игры «Горань» возводит к «гора» (звонкий, громкий). См.: Климов В.В., Чагин Г.Н. Круглый год праздников, обрядов и обычаев коми-пермяков. Кудымкар: Коми-Пермяцкое кн. изд-во, 2005. С. 95.
11. Лыткин В.И., Гуляев Е.С. Краткий этимологический словарь коми языка. С. 78.
12. Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, 1983. С. 148-149.
13. Гаврилова М.В. Мертвец в традиционных детских играх // Славянская традиционная культура и современный мир : сб. научных статей по материалам конференции. М., 2007. Вып. 10. С. 307.
14. Терновская О.А., Толстой Н.И. Баба // Славянские древности : этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А–Г. С. 122-123.
15. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов / сост. Т.И. Жилина, М.А. Сахарова, В.А. Сорвачева; под общей ред. В.А. Сорвачевой. Сыктывкар, 1961. С. 93.
16. Конаков Н.Д. Пывсянса (Банник) // Энциклопедия уральских народов. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В.В. Напольских. М.-Сыктывкар: Изд-во «ДИК», 1999. С. 322-323.
17. Уляшев О.И. Цвет в представлениях и фольклоре коми. Сыктывкар, 1999. С. 31-32.
18. Сравнительный словарь коми-зырянских диалектов... С. 83.
19. Плотникова А.А., Усачева В.В. Горох // Славянские древности : этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н.И. Толстого. М., 1995. Т. 1. А–Г. С. 523-526.
20. Конаков Н.Д. Анькытш (Горох) // Энциклопедия уральских народов. Т. 1. Мифология коми / науч. ред. В.В. Напольских. М.- Сыктывкар: Изд-во «ДИК», 1999. С. 84.
21. Коми народные приметы / сост., вступит. статья и перевод В.М. Кудряшовой. Сыктывкар, 2007. С. 26.
22. Крашенинникова Ю.А. «Загадочные» диалоги в свадебном обряде (некоторые аспекты анализа содержания и функций текста в ритуале) // STUDIA JUVENALIA (SJ) : сборник работ молодых ученых ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2005. Вып. 2. С. 102-117.
23. Агапкина Т.А. Зов // Славянские древности. Т. 2. Д–К. С. 351.

В.К. Солондаев, Е.В. Конева, Л.В. Кочкина

ПСИХИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ДЕТЕЙ, ПРОЖИВАЮЩИХ В СЕЛЬСКОЙ МЕСТНОСТИ

В статье описаны результаты изучения когнитивной, эмоциональной и поведенческой сфер детей, проживающих в сельской местности. Проанализированы внутренние взаимосвязи показателей психического развития детей в разные возрастные периоды и их связь с физическим здоровьем.

Ключевые слова: *когнитивное развитие, эмоциональное развитие, поведение, физическое здоровье.*

The article describes the results of the study of cognitive, emotional and behavioral spheres children living in rural areas. Analysis internal relationship of the mental development of children in different age periods, and their relation to physical health.

Keywords: *cognitive development, emotional development, behavior, physical health.*

Разработка современной психологии развития сталкивается с серьезными проблемами методологического характера, препятствующими осмыслению и интерпретации накапливающегося в последние десятилетия эмпирического материала. Во-первых, в настоящее время отсутствует сколько-нибудь целостная теория возрастного развития. Более того, ощущается явный недостаток методологии построения такой теории. Во-вторых, все более очевидным становится неоднородность психического развития групп населения, проживающих в разных социально-экономических условиях, имеющих разное образование и разный профессиональный статус. Известное положение, согласно которому возрастная психология должна быть прежде всего социальной возрастной психологией и которое традиционно трактовалось как необходимость изучать развитие человека в контексте общения и взаимодействия с малой группой, имеет и другую содержательную наполненность, а именно: существует разная феноменология психологического развития в зависимости от макросоциальных условий, в которых происходит формирование человека.

Наконец, современная психология развития не располагает необходимым массивом данных о сторонах психического развития различных групп населения на отдельных возрастных этапах для того, чтобы на основе их обобщения представить хотя бы количественную картину состояния психических функций определенных возрастных и социальных групп.

В полной мере это относится и к данным о психическом развитии детей в сельской местности. Традиционно эмпирические исследования онтогенеза когнитивных, эмоциональных и поведенческих проявлений в детском и подростковом возрасте проводятся на городской выборке. Проявления отдельных психических функций в сельской местности также изучаются [1, 3, 6, 9], но эти исследования немногочисленны и не позволяют представить сколько-нибудь полную картину специфики развития детей, проживающих в сельской местности.

В рамках проекта оптимизации системы профилактики заболеваний и диспансеризации детского населения, проживающего в сельской местности, было проведено психологическое обследование детей Большесельского района Ярославской области в возрасте от новорожденности до 17 лет. Всего в обследовании приняли участие 785 детей.

Целью работы было изучение параметров психологического и физического развития детей разного возраста с целью подготовки научной основы для последующих медицинских коррекционных и профилактических мероприятий в отношении различных возрастных групп детей. В статье мы остановимся главным образом на анализе данных о психическом развитии.

Методы исследования. Психологическое обследование детей от 0 до 2 лет проводилось при помощи модифицированной версии экспертной психодиагностической системы «Лонгитюд». Обследование детей 3-8 лет осуществлялось по психодиагностическому комплексу Е.А. Стребелевой, направленному на диагностику когнитивной сферы [5]). Для изучения эмоциональной и поведенческой сфер использовались проективная методика «Дом. Дерево. Человек» и карта наблюдения Д. Стотта. Карта наблюдений Стотта предусматривает диагностику 12-ти компонентов школьной дезадаптации: недоверие к новым людям, вещам, ситуациям; депрессия; уход в себя; тревожность по отношению к взрослым; враждебность по отношению к взрослым; тревожность по отношению к детям; недостаток социальной нормативности; враждебность по отношению к другим детям; неугомонность; эмоциональное напряжение; невротические симптомы; неблагоприятные условия среды; умственная отсталость; нарушения сексуального развития; болезни и органические нарушения; физические дефекты [4].

Обследование детей 9-17 лет проводилось с использованием теста интеллекта Р. Кеттелла, свободного от влияния культуры (С.Ф.2А), и Теста вербального интеллекта – ТВИ. Эмоциональная и поведенческая сферы изучались по проективной методике «Несуществующее животное» и карте наблюдения Д. Стотта. Совместно со специалистами Ярославского областного консультационно-диагностического центра для детей и кафедры поликлинической педиатрии ЯГМА были получены данные о состоянии физического здоровья испытуемых. Кроме того, замерялись параметры качества жизни участвующих в исследовании детей и подростков [8].

Как изображено на рис. 1, около 35% испытуемых не имеют нарушений ни в эмоциональной, ни в поведенческой, ни в интеллектуальной сферах психического развития (группа 1). Выраженные отклонения в психическом развитии наблю-

даются у 11,21% детей (группа 3), что соответствует как данным ВОЗ о распространенности различных психических расстройств, так и данным отечественных психиатров [2, 7, 9]. Самая многочисленная (53,76%) группа детей имеет отдельные, нерезко выраженные нарушения психического развития (группа 2).

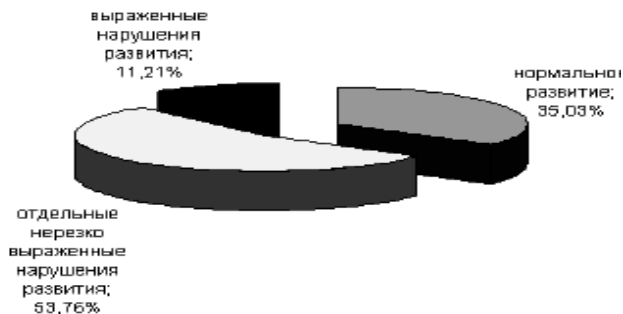

Рис. 1. Распределение испытуемых по характеру психического развития

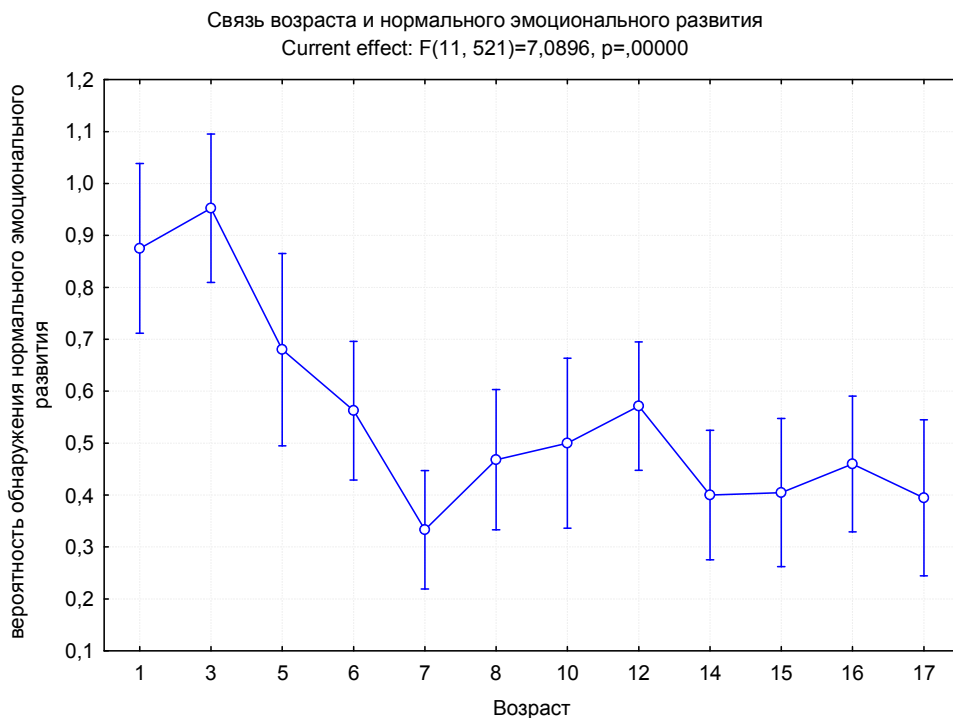
В популяции наиболее распространены нарушения эмоциональной сферы (наблюдаются у 44,71% детей), которые и составляют психологическое «ядро» группы 2 (гамма 0,90). Этот факт имеет большое значение, поскольку эмоциональное благополучие ребенка может выступать диагностическим индикатором для оценки эффективности как медицинских, так и педагогических, социальных, психологических мероприятий. На втором месте по распространенности находятся интеллектуальные нарушения (наблюдаются у 35,03% детей), которые составляют психологическое «ядро» группы 3 (гамма 1). Интеллектуальные нарушения зафиксированы и во 2 группе, но с меньшей частотой (гамма 0,43). Применительно к 3 группе можно говорить, что интеллектуальные нарушения являются как первичным, так и вторичным фактором дизонтогенеза (нарушенного развития), т.е. интеллектуальные нарушения и сами по себе запускают дизонтогенетический механизм, и возникают в процессе дизонтогенеза, начавшегося под влиянием других факторов. «Интеллектуальная окраска» дизонтогенеза в детском возрасте объясняется тем, что именно в детстве наиболее интенсивно формируется познавательная сфера ребенка, которая оказывается чувствительной к любому повреждающему воздействию. Поэтому эмоциональные нарушения легко провоцируют трудности в обучении, а трудности в обучении усугубляют эмоциональные нарушения – так запускается порочный круг дизонтогенеза.

В контексте исследования психического развития детей в определенных социально-экономических условиях трудно абстрагироваться от некоторых важнейших составляющих этих условий. Мы имеем в виду уровень медицинского обслуживания и качество жизни. Поэтому результаты оценки психического развития детей были сопоставлены с результатами обследования здоровья и качества жизни. Полученный массив данных подвергся статистической обработке

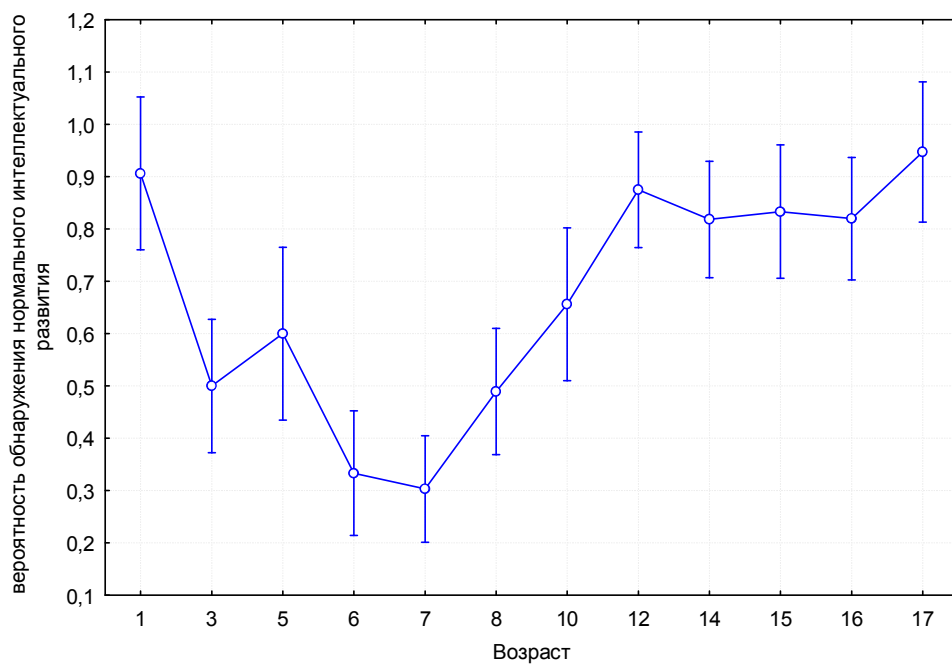
методами корреляционного анализа, дисперсионного анализа, теста Краскелла-Уоллеса. Материалы статистического анализа позволяют утверждать, что итоговые оценки здоровья, психического развития, качества жизни являются независимыми факторами для детской популяции в целом. Между этими факторами могут быть выявлены лишь слабые связи, несущественные с практической точки зрения.

Результаты корреляционного анализа с использованием коэффициента корреляции гамма показывают, что существенная связь проявляется лишь между наличием поведенческих и эмоциональных нарушений (гамма 0,74, что говорит о сопряженности 0,54; то есть совместная встречаемость ожидается лишь немного чаще, чем в половине случаев).

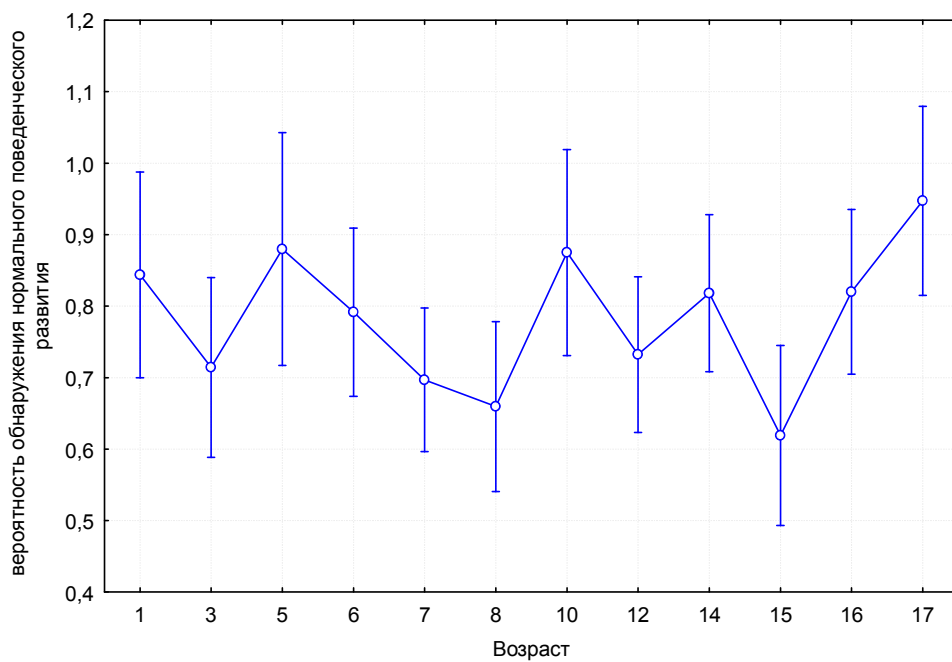
Согласно результатам дисперсионного анализа, влияние возраста на нормальное эмоциональное развитие статистически значимо снижается с возрастом (значение p стремится к нулю). Связь возраста и нормального поведенческого развития в целом по выборке значима, но не монотонна, ее выраженность подвержена колебаниям. Зависимость нормального интеллектуального развития от возраста, выявленная на значимом уровне, имеет U-образный характер. Локальный спад на отрезке 6-7 лет сменяется подъемом в 8-12 лет и стабилизацией в 12-17 лет. Общее нормальное психическое развитие статистически значимо снижается с возрастом на отрезке 1-7 лет, затем происходит некоторый рост в 7-12 лет, сменяющийся снижением и стабилизацией в 12-17 лет (рис. 3).

Связь возраста и нормального интеллектуального развития
Current effect: $F(11, 521)=14,204, p=0,0000$

Связь возраста и нормального поведенческого развития
Current effect: $F(11, 521)=2,3196, p=,00874$

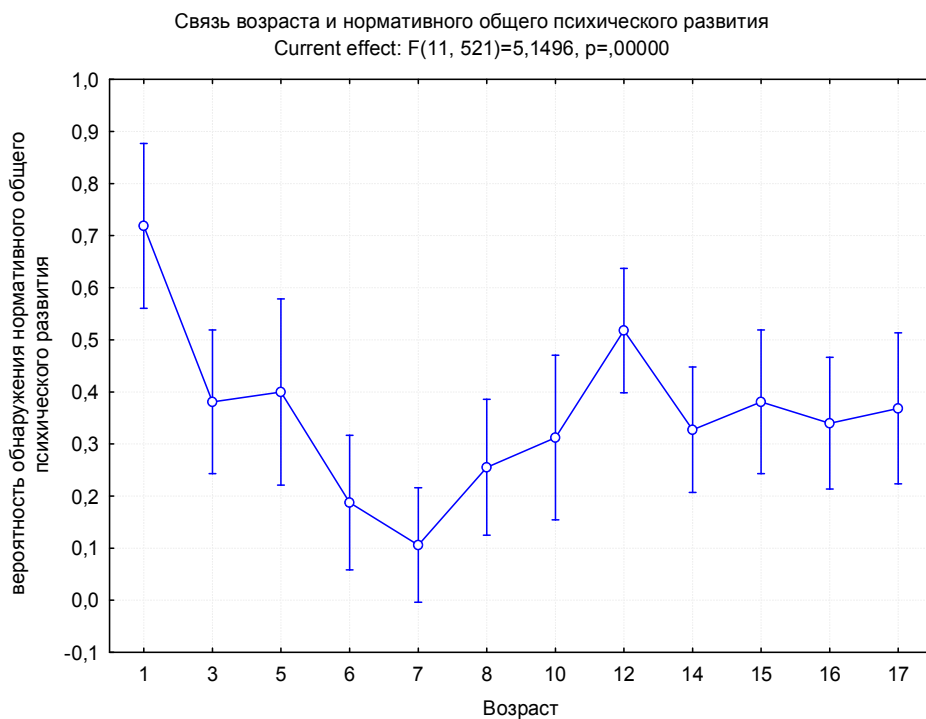

Рис. 3. Связь возраста с показателями психического развития

Влияние возраста на вероятность обнаружения хронических заболеваний статистически значимо для всей выборки в целом. Минимумы выявления хронических заболеваний приходятся на отрезки 1-3 и 7-10 лет. Локальный подъем наблюдается в 6 лет, затем происходит резкий скачок на отрезке 10-12 лет, сменяющийся стабильно высоким уровнем на отрезке 12-16 лет с тенденцией к росту в 17 лет. Связь между возрастом и качеством жизни, согласно результатам дисперсионного анализа, отсутствует, что свидетельствует о достаточно стабильной в течение периода интенсивного развития ребенка социально-экономической ситуации.

Что касается связей между отдельными показателями психического развития, которые были получены в ходе обследования, то их полный массив составляет по скромным подсчетам более миллиона. Соответственно их анализ требует значительных финансовых и временных ресурсов. Исходя из имеющихся возможностей на данный момент проанализирована лишь часть данных. В качестве иллюстрации приведем результаты анализа корреляций суммарного показателя психодиагностического комплекса Е.А. Стребелевой с отдельными шкалами карты наблюдения Стотта в разные возрастные периоды (табл. 1). Для подсчета корреляций использовался коэффициент Спирмена.

**Связь когнитивного развития детей и подростков
(по психодиагностическому комплексу Стребелевой) с показателями школьной
дезадаптации (по карте наблюдения Стотта)**

<i>Возрастной период</i>	<i>7-11 лет</i>	<i>12-15 лет</i>	<i>16-17 лет</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>4</i>	<i>3</i>
Связи суммарного показателя психодиагностического комплекса с показателями карты наблюдения	– отрицательная связь с недоверием к новым людям вещам, ситуациям (р 0,002); – отрицательная связь с депрессией (р 0,005); – отрицательная связь с уходом в себя (р 0,002); – отрицательная связь с недостатком социальной нормативности (р 0,007); – отрицательная связь с неутомностью (р 0,009)	Нет значимых связей	Нет значимых связей

Приведенные в табл. 1 результаты еще раз подтверждают значение когнитивного развития в младшем школьном возрасте для широкого ряда психологических проявлений детей, что закономерно, если учитывать ведущий характер учебной деятельности. Кроме того, они позволяют рассматривать развитие когнитивной сферы как ресурс для формирования важнейших адаптационных качеств обучающихся. Существенно, что обнаруженная закономерность характерна лишь для младшего школьного возраста и утрачивает свое значение в дальнейшем.

Практически важным, на наш взгляд, является также описанный выше результат, судя по которому эмоциональные нарушения по встречаемости превосходят интеллектуальные отклонения, и это свидетельствует об общем серьезном внутрисемейном неблагополучии, влияющем, по-видимому, прежде всего на раннее психическое развитие детей. Повлиять на ситуацию возможно лишь при условии организации квалифицированного психологического обслуживания семей, в которых воспитываются дети.

Если же анализировать полученные результаты в контексте решения проблемы сохранения и укрепления здоровья детей, то необходимо отметить следующее. Очевидно, что без участия образовательного учреждения такая работа неосуществима в принципе. Это следует из наличия пика выявления хронических заболеваний в возрасте 8-12 лет, превышающего локальный пик в возрасте 3-6 лет. Несомненно, что в период обучения ребенка в школе (8-12 лет) невозможно без участия школы организовать работу по сохранению и укреплению здоровья детей.

1. Ветвицкая С.М. Сравнительное исследование структур интегральной индивидуальности городских и сельских старших школьников различных этнических групп : дис. ... канд. психол. наук. Пятигорск, 2001.
2. Вид В.Д., Попов Ю.В. Современная клиническая психиатрия: Новое рук., основан. на Междунар. классификации псих. болезней 10 пересмотра (МКБ-10), для подгот. врачей к получению сертификата по психиатрии. СПб., 2000.
3. Волков Г.И. Особенности тревожности и ее коррекция у младших подростков-учащихся сельских школ : дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2003.
4. Гурова Е.В., Шляхта Н.Ф., Седова Н.Н. Диагностика психического развития детей. М., 1992.
5. Дети-сироты: консультирование и диагностика развития / под ред. Е.А. Стребелевой. М., 1998.
6. Копань Т.В. Экспериментальное исследование структур интегральной индивидуальности у городских и сельских школьников с различной мотивацией достижения успеха. Пятигорск, 1996.
7. Мазаева Н.А., Шмакова О.П. Типология, диагностика и коррекция нарушений школьной адаптации у детей и подростков с психическими расстройствами : пособие для врачей. М., 2005.
8. Методология оценки состояния здоровья детей различных возрастных периодов по критериям качества жизни: методическое пособие. М., 2005.
9. Поляков В.М. Развитие высших психических процессов в городской и сельской популяциях детей // Культурно-историческая психология. 2008. №1. С. 9-16.
10. Тиганов А.С., Снежневский А.В., Орловская Д.Д. и др. Руководство по психиатрии: в 2 т. Т. 2. М., 1999.

**К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ
ИЗ СФЕРЫ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ЖИЗНИ В США
(На материале перевода автобиографического романа
Pitirim A. Sorokin «A Long Journey»)**

В статье на материале перевода автобиографического романа Pitirim A. Sorokin «A Long Journey» рассматривается перевод многозначных слов academic, department и lecture с его производными в зависимости от их употребления в свободных словосочетаниях и делается вывод о том, что перевод многозначного слова, которое входит в состав свободного словосочетания, может усложняться многозначностью или размытостью семантики его второго компонента, что требует ещё более тщательного анализа узкого, широкого и экстралингвистического контекста, особенно в тех случаях, когда значение слова раскрывается в переводном словаре через вариантные соответствия.

Ключевые слова: перевод, многозначность, свободное сочетание, вариантное соответствие, узкий, широкий, экстралингвистический контекст, Pitirim A. Sorokin «A Long Journey».

The article deals with the translation of polysemantic words «academic», «department» and «lecture» with its derivatives in their use in free word combinations. It comes to the conclusion that the translation of a polysemantic word, which is a component of a word combination, may be complicated by multiple or fuzzy meaning of the second component. This is the reason why its translation requires a much more careful analysis of a narrow, wide and extra linguistic context, especially when the meaning of the word is disclosed in an English-Russian dictionary through variant counterparts.

Keywords: translation, polysemantic, free word combination, variant counterpart, narrow, wide and extra linguistic context, Pitirim A. Sorokin «A Long Journey».

Как известно, при переводе многозначных слов возникают некоторые трудности, особенно для начинающих переводчиков (нас, прежде всего, интересуют слушатели дополнительной квалификации «Переводчик в сфере профессиональной коммуникации»). Это происходит по нескольким причинам:

1) из области языкознания слушатели должны иметь общее представление о языковом знаке и языковых значениях (лексических и грамматических, референциальных и прагматических) [2];

2) из области лексикологии они должны знать семантическую структуру слова, о наличии в структуре слова денотативного и коннотативного значений,

синонимию и антонимию, структуру переводных словарей и структуру словарной статьи;

3) из теории и методов перевода необходимо знать: теорию закономерных соответствий (эквивалентные и вариантные соответствия, отсутствие соответствий); роль контекста (узкого, широкого, экстралингвистического); способы и приёмы перевода (буквальный и вольный перевод, транскрипция, транслитерация, калькирование, описательный перевод); лексические трансформации (конкретизация, генерализация, смысловое развитие, антонимический перевод), проблемы перевода свободных и фразеологических словосочетаний и многое другое [5]. Все эти аспекты помогает понять сопоставительный анализ исходного иноязычного текста и текста перевода, к которому мы и обращаемся. Нас интересуют главы 11-12 книги, в которых рассказывается о первых шагах П. Сорокина в Новом Свете, поисках преподавательской должности и о годах работы в университете Миннесоты, глава 13, которая повествует о работе П. Сорокина в Гарварде, и глава 16, посвященная деятельности П. Сорокина после выхода на пенсию. Во всех этих главах мы не рассматриваем разделы, где П. Сорокин рассказывает о своей научной деятельности в этот период своей жизни.

Одним из наиболее часто употребляемых слов при описании университетской жизни в книге является прилагательное *academic*. Оно многозначно: представлено в словаре восемью значениями и многочисленными сочетаниями с различными существительными. В анализируемом нами произведении слово *academic* используется в своём первом и втором значениях. Самая распространенная ошибка при переводе многозначных слов заключается в том, что выбирается первое, наиболее частотное, общеупотребительное значение. Перевод затрудняется тем, что как в своём первом значении, так и во втором оно представлено в русском языке вариантными соответствиями: «1) академический; педагогический; учебный (связанный с преподаванием, преимущественно в высшей школе)», 2) академический, университетский». Выбор на уровне вариантных соответствий всегда труднее, так как они не являются полными синонимами. Мы остановимся лишь на тех сочетаниях, которые не вошли в словарь АБВУ Lingvo x3, и проанализируем их перевод:

Сочетание *academic duties* в предложении *The greater part of it, however, was taken up by my academic duties: preparation of lectures, learning the local rules and regulations, attendance of various committees, and particularly my chairmanship of the committee for the organization of the new department of sociology (с. 241)* переведено так: «И всё же основным моим занятием тогда было выполнение *академических обязанностей* – подготовка к лекциям, изучение местных правил и установлений, присутствие на заседаниях различных комитетов и, в частности, председательство в комитете по организации нового социологического факультета» (с. 174). Считаем, что сочетание *академических обязанностей* несколько размыто; в соответствии с контекстом речь идёт об обязанностях, связанных с преподаванием, то есть учебных. Слово *duties* многозначно, из его значений нам по контексту подходит «служебные обязанности», в сочетании с глаголом – «вы-

полнять служебные обязанности», что значит «работать». После замены глагола существительным получаем: «*И всё же большую часть времени отнимала учебная работа – подготовка к лекциям, изучение местных правил и распоряжений, присутствие на заседаниях различных комитетов и, особенно, председательство в комитете по организации нового социологического факультета*».

Определённый интерес представляет сочетание *academic way of life* в предложении Each day I attended several classes, learned a great deal about the American academic way of life, worked over my forthcoming lectures at the universities of Illinois and Wisconsin... (с. 211). В переводе оно выражено так: «Ежедневно я посещал несколько лекций, многое узнал об американском стиле преподавания и образе жизни в академических кругах работал над своими лекциями в университетах Иллинойса и Висконсина...» (с. 153). Полагаем, что данный расширенный вариант перевода не совсем точный, а русское выражение «академические круги», на наш взгляд, больше относится к научным кругам, поэтому предложение требуется пересмотреть. Очевидно, что существует связь между словами *academic* и *way of life*, а слово *American* связано уже с *academic way of life*. Отсюда вытекают варианты перевода: «об образе жизни в американских университетах», который является более дословным, или просто «университетской жизни», с использованием трансформации генерализации; кроме того в русское предложение необходимо ввести слово «предстоящий», пропущенное при переводе, и тогда предложение выгядит следующим образом: «Ежедневно я посещал несколько лекций, многое узнал об университетской жизни в Америке, работал над своими предстоящими лекциями в университетах Иллинойса и Висконсина...».

Для того чтобы проиллюстрировать перевод сочетания *academic activities*, нам придётся привести довольно большой абзац, цель которого заключается в том, чтобы показать контекст: Since in my lectures I particularly stressed the destructiveness, cruelty, and bestiality of the first five years of the Communist Revolution (outlined in the preceding chapters), such a contradiction of their image of revolutionary «Dulcinea» naturally aroused their bitter opposition to my lectures and to myself-opposition which lasted for several years and manifested itself in various efforts to discredit not only my lecturing and writing on the Russian Revolution but my academic activities and publications on other subjects (с. 213). В приведенном отрывке нас интересует вторая его половина, которая переводчиком выделена в отдельное предложение. «Эта оппозиция мне длилась несколько лет и проявлялась в различных попытках дискредитировать не только мои лекции и работы по русской революции, но и саму мою научную деятельность, и публикации по другим проблемам» (с. 154). Позволим себе не согласиться с фразой «научную деятельность». Ни в данном предложении, которое построено на параллельных конструкциях, вводимых союзом *not only... but*, и противопоставлении *lecturing* и *academic activities*, с одной стороны, и *writing on the Russian Revolution* и *publications on other subjects*, с другой, ни в более широком контексте, где наблюдается повтор слова *lectures*, не упоминается научная деятельность. Поэтому предлагаем вариант перевода: «Это неприятие длилось несколько лет и проявлялось в раз-

личных попытках дискредитировать не только мои лекции и статьи по русской революции, но и саму мою преподавательскую деятельность и публикации по другим темам».

Ошибка в переводе сочетания *academic position* в предложении *Greatly encouraged by continued lecture invitations that secured my employment at least for several months, and having earned a modest sum to meet my fairly Spartan living expenses for at least half-a-year, I began to feel confident that I would eventually find a decent academic position in the United States and decided to settle permanently in this great country* (с. 215) объясняется не сочетанием слова *academic* с многозначным вторым компонентом, а недостаточным анализом контекста главы, как узкого, так и широкого: «Весьма обнадеженный продолжающимися приходившими приглашениями читать лекции, которые обеспечивали меня работой по крайней мере на несколько месяцев, и заработав скромную сумму денег для жизни в спартанских условиях как минимум в течение полугода, я почувствовал уверенность, что со временем займу подобающее положение в научном мире Соединенных Штатов и решил навсегда остаться в этой великой стране» (с. 156). Так как в широком контексте П. Сорокин говорит о поисках работы и о своих поездках в различные университеты для чтения лекций, то речь вновь идет не о положении в научном мире, а о преподавательской работе. Думается, правильнее было бы перевести предложение так: *«Во многом обнадеженный тем, что продолжали приходиться приглашения читать лекции, которые гарантировали мне работу, во всяком случае, на несколько месяцев вперед, и заработав скромную сумму денег, которая сможет удовлетворить мои довольно скромные расходы на содержание как минимум в течение полугода, я почувствовал уверенность, что со временем получу хорошую преподавательскую должность в Соединенных Штатах, и решил навсегда поселиться в этой прекрасной стране».* Приведём ещё один пример, подтверждающий наш вариант перевода: *The administration of the University well realized my urgent need to secure an academic position in the United States and took this into consideration in making its offer.* (с. 218) «Администрация университета хорошо представляла настоятельную для меня необходимость обеспечить себе положение в академических кругах Соединенных Штатов и, делая предложение, учитывала это обстоятельство» (с. 158), где правильнее было бы сказать: *«Администрация университета хорошо понимала мою острую необходимость получить должность преподавателя в Соединенных Штатах и учла это, когда предложила мне её».* При этом, опираясь на контекст, в связи с его избыточностью, мы опускаем слово *«университетского преподавателя»* или *«преподавателя университета»* и формально не переводим слово *«academic»*.

В следующем отрывке для нас представляет интерес выражение *non-academic distractions*: *Being newcomers to this country, we could concentrate on our scientific and academic work undisturbed by political insecurity and by various non-academic distractions which are hardly avoidable for the «native-born» professors* (с. 219). Переводчиком предлагается вариант перевода: *«Приехав в страну недавно, мы могли полностью отдаваться исследовательской и преподавательской*

работе, не отвлекаясь на *ненаучные соображения* и политику, что едва и возможно, когда ты живешь в родной стране» (с. 158-159). Трудность в этом сочетании вызывает перевод слова *distractions*, которое имеет очень размытое и абстрактное значение «то, что отвлекает внимание» или, «a thing that prevents someone from giving full attention to something else», согласно его толкованию в англо-английском словаре Oxford American Dictionary. Предлагаем ввести в перевод столь же абстрактное и размытое по значению русское слово «дела», при этом слово *academic* в контексте сохраняет своё словарное значение: «Поскольку мы только недавно прибыли в эту страну, у нас была возможность сосредоточиться на научной и преподавательской работе, не отвлекаясь на политическую нестабильность и всякого рода внеучебные дела, которых вряд ли могут избежать преподаватели, живущие в своей родной стране».

Следующее предложение иллюстрирует выражение *academic performance*: Toward the end of my visit this impression was somewhat complicated by a vague feeling that I had not been invited merely as a visiting lecturer but also as a possible "bridegroom" whom they wanted to look over carefully in regard to appearance, manners, values, personality, and academic performance (с. 236). Предложение выглядит в переводе следующим образом: «К концу моего визита у меня возникло смутное ощущение, что пригласили меня не просто как приезжего лектора, а как возможного «жениха», у которого хотят внимательно рассмотреть внешность, манеры, ценностные ориентации, черты характера и научные способности» (с. 171-72). Вновь в контексте скорее говорится о педагогических, а не научных способностях: «К концу моего визита у меня возникло смутное ощущение, что пригласили меня не просто как приглашенного лектора, а как возможного «жениха», которого хотят тщательно изучить в отношении его внешности, манер, достоинств, свойств личности и педагогических способностей». Трудность перевода сочетания *academic performance* вызывается тем, что оба компонента в нем многозначны, причем семантика слова *performance* ещё и размытая. Тем не менее выбор его первого значения «исполнение, выполнение» и использование лексической трансформации смыслового развития с заменой следствия его причиной позволяет нам перевести его словом «способности».

Выражение *academic circles* не представляет трудности для перевода, так как словарь приводит однозначное соответствие этому сочетанию – «академические круги», которым и воспользовался переводчик: “Preceded by the extensive publicity which had heralded *the Dynamics*, I was treated as a sort of celebrity both in academic and other elite circles in the great city” (с. 261). «На мою популярность работала широкая известность «Динамики», так что со мной носились как с писаной торбой и в академических, и в иных элитных кругах этого большого города» (с.189). Но, даже если словарь приводит однозначное эквивалентное соответствие слову или выражению, не всегда можно использовать его в переводе. Нам кажется, что все-таки более точно перевести его как «университетские круги», поскольку в контексте П. Сорокин рассказывает о своей поездке с лекциями в университет штата Калифорния в Лос-Анджелесе. Отметим, кстати, что в этом

предложении необходимо также уточнить перевод некоторых других слов, которые мы не комментируем. После всех изменений предложение принимает в переводе следующий вид: «*Благодаря широкой известности, которую вызвала публикация «Динамики», со мной обращались как со своего рода знаменитостью, как в университетских, так и других высших кругах этого замечательного города».*

В предложении «*Besides the academic institutions, several artistic, religious, and cultural organizations invited us for lunch and dinner conferences*» (с. 314) используется выражение *academic institutions*, которое можно было бы перевести так, как предлагает переводчик, а именно: «Кроме вузов нас приглашали на званые обеды различные организации, связанные с искусством, религией и культурной деятельностью» (с. 230). Однако русские читатели имеют четкое представление о том, что включают в себя вузы в России и не знают о структуре высшего образования в США, поэтому предлагаем несколько уточнить перевод и внести в предложение более генерализированное выражение: «*Помимо учебных заведений нас приглашали для обмена мнениями во время обеда или ужина несколько религиозных организаций и учреждений культуры и искусства».*

Таким образом, хотя слово *academic* вступает в сочетания с многозначными существительными, его значение в приведенных нами примерах не выходит за пределы его семантической структуры. Необходимо лишь знать его наиболее распространенную сочетаемость в русском языке и учитывать как узкий, так и широкий лингвистический контекст. В подтверждение нашей точки зрения отметим, что слово *academic* не встречается в тех главах и разделах книги, где П. Сорокин рассказывает о своей научной работе и где он использует слова *research* и *scientific*. В сочетаниях с определяемыми существительными прилагательное *academic* является логической доминантой, которая помогает перевести всё сочетание.

В книге встречается ряд производных слова *lecture* – *lecturing, lecturer, lectureship* и хотя само слово *lecture* или *lecturer* не представляет большой трудности для перевода, некоторые словосочетания с этими словами требуют внимания переводчика.

Одна из глав в книге называется «*Itinerant lecturer*», в переводе «Странствующий лектор» (с. 228). Глагол «странствовать» многозначен и объясняется в толковом словаре русского языка как «1) путешествовать 2) постоянно менять место пребывания» [4]. Из широкого контекста главы нам известно, что П. Сорокин не путешествовал и не менял постоянно место своего пребывания, а, имея постоянное место жительства, время от времени выезжал из дома в различные университеты для чтения лекций. Кстати, синонимом к слову «путешествовать» является глагол «ездить», то есть совершать поездки [1]. В дополнение к этому, использование лексической трансформации с заменой имени деятеля на действие позволяет нам перевести эту фразу как «Поездки с лекциями».

Слово *lectureship* многозначно: «1) лекторство 2) дьяконство», однако для наших контекстов подходит только первое значение. Кроме того, многозначный

суффикс -ship, среди своих значений, имеет значение указания «на круг людей, объединённых какой-л. деятельностью» [7], то есть П. Сорокин относит себя к тем, кто занимается чтением лекций. В предложении «I declined this as well as many subsequent offers of professorship or lectureship that have continued to come in ever-increasing numbers during the post-retirement years» (с. 313) слово *lectureship* не переведено, сравните: «С благодарностью и извинениями я отклонил как это, так и многие последующие приглашения, продолжавшие приходить во всё возрастающих количествах» (с. 228). Контекст позволяет не переводить слова *professorship* и *lectureship* в данном предложении для того, чтобы избежать повтора, но, взятый отдельно, русский перевод является недостаточно точным по сравнению с оригиналом и требует конкретизации: «Я вежливо отказался как от этого, так и от многих последующих приглашений занять должность профессора или прочитать курс лекций, которые продолжали приходить во всё возрастающих количествах после моего выхода на пенсию».

Словосочетание *itinerant lectureship* встречается в предложении «So arranged, my itinerant lectureship has been truly enjoyable, exciting, and refreshing» (с. 314), которому в русском переводе соответствует «В общем, подобные лекционные турне были в полном смысле наслаждением, отдыхом и источником впечатлений» (с. 229). Слово «турне» в данном предложении неуместно в соответствии с жанрово-стилистическими особенностями текста, а само словосочетание требует обязательного перевода. «При такой организации, поездки с лекциями были по-настоящему приятным, увлекательным занятием и придавали новые силы и энергию».

Словосочетание *annual or semester lectureship* в предложении «After my retirement, for some reason, the offers for permanent professorship, of annual or semester lectureship, and for one or more lectures notably increased» (с.312) переведено буквально: «После моего ухода на пенсию, по некоторым причинам число предложений постоянного профессорства, годовых или семестровых циклов лекций или небольших турне с одной или несколькими лекциями значительно возросло» (с. 228). Его следует поправить, заменив номинативные сочетания глагольными: «После выхода на пенсию, по некоторым причинам, количество предложений работать в должности штатного профессора, прочитать курс лекций в течение года или семестра или даже одну или несколько лекций заметно возросло».

Трудность перевода словосочетания *lecture engagement* вызвана многозначностью его второго компонента. Отметим, что одно из его значений представлено в словаре вариантами соответствиями – «дело, занятие», которое можно конкретизировать в контексте. Тогда сочетание *lecture engagement* является синонимом к слову *lectureship* и в переводе его можно трансформировать в «чтение лекций»: «Of other lecture engagements two episodes deserve to be mentioned here» (с. 317). Предложение выглядит следующим образом в переводе: «Из других лекционных гастролей стоит упомянуть два эпизода» (с. 231) и может быть представлено после редактирования так: «Из других случаев, связанных с чтением лекций, два эпизода заслуживают того, чтобы рассказать о них здесь».

Приведем ещё один пример: «Professor J.B. Ford, also one of my students, and Mrs. Ford, turned my lecture engagement in California into a series of convivial parties in between my lectures and conferences» (с. 314). В переводе ему соответствует «Профессор Дж. Б. Форд, тоже мой бывший ученик, и госпожа Форд заполнили промежутки между лекциями и конференциями дружескими вечеринками» (с. 230). Отредактированный перевод, в котором мы исправили также перевод слова *conferences*, выглядит следующим образом: «Профессор Дж. Б. Форд, также один из моих бывших студентов, и его жена, госпожа Форд, превратили чтение лекций в Калифорнии в сплошные праздничные вечеринки между лекциями и консультациями».

Слово *lecture-tour* в предложении «Exhilarated by the whole lecture-tour, we eagerly resumed our labors and habitual way of life» (с. 316) переведено так: «Уставшие от лекционного тура, мы с радостью вернулись к своим трудам и привычному образу жизни» (с. 231). Отметим, что в предложении, кроме того, неверно переведено слово *exhilarated* «в приподнятом настроении; весёлый». Из вариантных соответствий слову *tour* – «путешествие, поездка, турне; тур, экскурсия» следует, очевидно, выбрать более стилистически-нейтральное слово. В результате предложение может быть переведено так: «В приподнятом настроении от поездки с лекциями, мы с радостью вернулись к своим трудам и привычному для нас образу жизни».

В целом необходимо отметить, что переводчик, рассказывая о поездках П. Сорокина с лекциями, часто пользуется театральнo-артистической лексикой: *гастроли, тур, турне*, а также *ангажемент, выступления*, которые встречаются в других разделах текста, что смещает акценты в нейтральном письменном стиле изложения и превращает П. Сорокина в гастроллирующего артиста вместо серьезного ученого. Трудность перевода существительного *lectureship* объясняется многозначностью словообразовательного суффикса, а сочетаний *lecture engagement* и *lecture-tour* – многозначностью определяемого существительного.

Слово *department* в английском языке имеет несколько значений, из которых к нашим контекстам применимо второе значение: факультет; кафедра [7]. Как видим, оно представлено в словаре вариантными соответствиями, при этом они не являются синонимами в русском языке. В современном языке это слово в основном используется в значении «кафедра», например: *the English department* – кафедра английского языка (пример взят нами из словаря). В анализируемом нами произведении оно часто используется в значении «факультет», например: *I added, however, that they (the conditions) would be still better if the new chair of sociology were promptly expanded into a full department of sociology* (с. 237). Как видим, в этом предложении существительное *chair* противопоставлено слову *department*, что отражается и в переводе: «Однако я позволил себе заметить, что они (т.е. условия) были бы ещё лучше, если кафедру социологии в скором времени преобразовать в полный отдельный факультет социологии» (с. 172). Приведем ещё один пример: *Before the department was organized, I placed my chair in the*

department of economics (с. 241); в переводе – «До его создания я включил свою кафедру в состав экономического факультета» (с. 241).

При этом контекст показывает, что уже в последующем предложении слово *department* используется в ином значении: I chose this department because its distinguished members – Taussig, Gay, Carver, Burbank, Bullock, Black, Crumm, and others – had played an important role in the establishment of the new department and in electing me first professor of sociology at Harvard (там же). В переводе: «Я выбрал этот факультет потому, что его выдающиеся ученые – Тауссиг, Гэй, Карвер, Бёрбенк, Буллок, Блэк, Крамм и другие – играли важную роль в деле основания факультета социологии и выборе меня первым профессором социологии Гарварда» (с. 174-175). Однако в английском предложении использована видовременная форма Past Perfect, которая указывает на предпрошедшее действие, а до этого П. Сорокин писал об организации кафедры социологии в Гарварде и об избрании его профессором по этой кафедре. Поэтому, как нам кажется, предложение должно выглядеть следующим образом: «Я выбрал этот факультет потому, что его выдающиеся ученые – Тауссиг, Гэй, Карвер, Бёрбенк, Буллок, Блэк, Крамм и другие – сыграли важную роль в деле организации новой кафедры социологии и в избрании меня первым профессором социологии в Гарвардском университете». Кроме того, в русском переводе П. Сорокин говорит о том, что он принимал участие в организации двух факультетов социологии: одного – в Петроградском университете в 1919-1920 гг., а второго – в Гарварде в 1930-1931 гг. (с. 177); в оригинале в этом предложении используется слово *department*: «I happened to play an important role in the establishment of two departments of sociology...» (с. 244). При этом как переводчик А.В. Липский в комментариях к книге (с. 295), так и исследователи творчества П. Сорокина отмечают, что П. Сорокин выступает одним из организаторов не факультета, а кафедры социологии на отделении общественных наук Первого Петроградского университета [3, с. 138]. Вероятнее всего, в приведённых примерах слово *department* означает «кафедра».

Наблюдаются случаи, когда слово *department* переводится словом «подразделение», например: Therefore we agreed that the new department would have undergraduate and graduate divisions but that both would be open only to the upper ranks of students (с. 243). В переводе ему соответствует предложение: «Посему мы пришли к соглашению, что новое *подразделение* будет обучать как студентов первых четырех курсов, так и аспирантов, но оба отделения станут принимать только самых лучших учащихся» (с. 176). Факультеты являются подразделениями вуза, поэтому данное слово вполне приемлемо, как означающее видовое понятие по отношению к родовому.

Ещё большую сложность вызывает перевод сочетаний с этим словом. Так, Professor Edward Cary Hayes, chairman of the department of sociology at the university of Illinois (с. 212) переводится как «профессор Эдвард Кэри Хайэс, *председатель* факультета социологии Иллинойского университета» (с. 154). Кроме того, встречается выражение Professor F. S. Chapin, head of the sociology department (с. 217), которому в переводе соответствует «профессор Ф.С. Чэйпин, *руководи-*

тель тамошнего факультета социологии» (с. 157), чуть ниже фразе Professor F.S. Chapin, chairman of the sociology department (с. 221) в русском языке соответствует «профессор Ф.С. Чэйпин, председатель факультета социологии» (с. 160), а фраза Professor Wilbert Moor, chairman of the department of sociology at Princeton (с. 316) переведена как «профессор Уилберт Мур, *президент* факультета социологии в Принстоне (с. 231). При этом руководитель университета, например, I was also invited to lunch by the great president of Harvard, L. Lowell (с. 236) – это тоже «президент Гарварда Л. Лоуэлл» (с. 171). Должность П. Сорокина в переводе также называется то «президент», то «председатель», например: As full-time members of the department – beside myself as its chairman – R. Cabbot as full professor... (с. 243) «Помимо меня, как президента факультета, в качестве постоянных сотрудников были рекомендованы: Р. Кэбот (полный профессор),...» (с. 176), или: According to this mandatory vote, chairmen of all departments of Harvard should be appointed only for three years – in exceptional circumstances, for five years... (с. 251) «Согласно их решению, обязательному для всех, любой председатель факультета в Гарварде должен назначаться только на три года, в крайнем случае на пять лет...» (с. 181).

В сочетании со словом *department* в тексте встречается производное существительное *chairmanship*, как, например, в следующем предложении: The organization of the department having been accomplished and its satisfactory functioning secured, in the fourth year of my chairmanship I asked the administration to release me from the position and duties of chairman (с. 250). В переводе оно выглядит так: «Организация факультета закончилась, и его нормальное функционирование было обеспечено, поэтому на четвертом году моего председательствования я попросил администрацию освободить меня от поста и обязанностей главы факультета» (с. 181). В этом предложении его должность называется ещё и «глава факультета», что представляется предпочтительней, чем непонятное «председатель» или «президент», несмотря на то, что переводчик указывает в комментариях, что в американских вузах факультет возглавляет выбираемый преподавателями председатель, а декан – это назначаемый представитель администрации (с. 292). Кстати, слово *декан* также встречается в текстах, но значительно реже и его обязанности не раскрываются, например: At the University I established quite friendly relations with the administration, particularly with Vice President J. Lawrence, and deans G. S. Ford and H. Johnstone, the faculty, and the students (с. 221) «На работе у меня сложились вполне дружеские отношения с администрацией, в частности с вице-президентом Дж. Лоуренсом и деканами Г.С. Фордом и Х. Джонстоуном, преподавателями и студентами» (с. 160).

Итак, мы не можем однозначно сказать, используется ли слово *department* в значении «кафедра» или «факультет», скорее всего, в разных отрывках текста оно используется и в том и в другом значении. Смысловая многоплановость слова, то есть случаи, когда в тексте автором актуализируются сразу несколько значений многозначного слова, создаёт так называемую информационную неопределённость [6, с. 188], которая приводит к многовариантности перевода, по-

сколькx возможны разные переводческие решения и, следовательно, разные варианты. В нашем случае уточнению значения слова могло бы помочь изучение экстралингвистического контекста, на данный момент для нас недоступного.

Анализ приведённых примеров позволяет нам сделать вывод о том, что перевод многозначного слова, которое входит в состав свободного словосочетания, может усложняться многозначностью или размытостью семантики его второго компонента, что требует ещё более тщательного анализа узкого, широкого и экстралингвистического контекста, особенно в тех случаях, когда значение слова раскрывается в переводном словаре через варианты соответствия.

1. Александрова З.Е. Словарь синонимов русского языка. М., 1968.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М., 1975.
3. Ломоносова М.В. Вехи зарубежной истории российской социологии // Научный журнал «Наследие», ГБУ РК «Центр «Наследие» имени Питирима Сорокина». 2012. № 2. С. 136-142.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1985.
5. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. М., 1974.
6. Сдобников В.В., Петрова О.В. Теория перевода. М., 2006.
7. Словарь АBBYY Lingvo x3
8. Сорокин П.А. Дальняя дорога / пер. с англ. А.В. Липского. М.: Terra, 1992. 303 с.
9. Sorokin Pitirim A. A Long Journey. The autobiography of Pitirim A. Sorokin, College and University Press, New Haven, 1963. 327 p.

**ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ИДЕИ
«ПРОСВЕТЛЕННОГО БЫТИЯ» И «ПРОСВЕЩЕНИЯ»
В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ ОЧЕРКОВ ПУТЕШЕСТВИЯ
И.А. ГОНЧАРОВА «ФРЕГАТ «ПАЛЛАДА»**

В работе рассматривается своеобразие семантики и концептуального наполнения лексем «просвещение» и «просветленный» («просветленное бытие») в очерках путешествия И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада» как ключевых слов русской духовной культуры. Выявляется роль этих идеологически акцентированных слов-символов в репрезентации основных художественных идей произведения. Исследование проводится с учетом эволюции семантики лексем в древнерусском языке и в литературном языке XVIII в.

Ключевые слова: художественная идеология автора, ключевые слова-символы, концептуальное наполнение слова, динамика семантики слова в художественном тексте.

This paper is devoted to the uniqueness of semantics and conceptual content of tokens «education» and «enlightened» («enlightened being») in the essays travel Goncharov «Frigate «Pallada» as keywords Russian spiritual culture. Reveal the role of ideologically-accented words of characters in the representation of major works of art ideas. Research is conducted taking into account the evolution of the semantics of tokens in the ancient language and literary language of the XVIII century.

Keywords: artistic ideology of the author, keywords, symbols, conceptual content of the words, the dynamics of the semantics of words in a literary text.

Один из аспектов изучения специфики семантико-стилистической системы писателя – это рассмотрение важнейших художественных идей произведения через идеологически акцентированные ключевые слова-символы, выступающие организующими центрами в авторской картине мира. Образно-идеологическая общность художественно-описательных и публицистических контекстов «географического романа» И.А.Гончарова «Фрегат «Паллада» (далее – ФП), где создается образ единой человеческой Вселенной при учете неравномерности исторического развития народов, обусловлена системным выражением идеи единства развивающегося мира природы и человека. Эта идея реализуется во взаимосвязанных ключевых образах *живой космос* и *просветленное бытие*, которые можно рассматривать как авторские концепты, воплощающие этико-философскую концепцию *химически-исторического процесса*: эволюции природы и нравственно-духовного преображения человека и мира, совершаемых «в лаборатории»

[4, с. 525] природного и социального *космоса* (I, 8). Образ космоса в книге ориентирован на трактат известного ученого А. Гумбольдта, автора книги «Космос» (перев. 1848 г.), цель которой – «обнять явления мира в их общей связи, природу как целое, движимое и оживляемое внутренними силами»; познание *космоса* завершается познанием человека как его части, наделенной духовной жизнью: понятие «космос» включает «развертываемый» «на основе законов верховного порядка мироздания» [5, с. VI] мир природы и мир человека. Содержание образа *живой космос* во ФП точно так же соотносится с бытием эволюционирующих сфер мироздания: природной и социальной – в единстве психического (жизни души, сознания), ментального и физического начал. Их преобразование обусловлено движением к *просветленному бытию*. Выражение *просветленное бытие*, включающее переносно-метафорическое употребление отглагольного качественного прилагательного *просветленный* ‘облагороженный, очищенный от всего дурного. О духе, душе, мысли’¹ (БАС [9, Т XI, ст.1337]), символически и образно связано с ключевым словом-идеологемой *просвещение*² и соотнесено в публицистических контекстах с метафорами *лаборатория* и *царство жизни духовной* для обозначения сути социальной эволюции.

Развитие образа *просветленное бытие* выявляет единство публицистических и художественных контекстов ФП, в которых актуализируется важный для его семантики признак: ‘эволюция мира как процесс его одухотворения нравственным светом, внесенным Творцом’. Другой сущностный аспект семантики образа *просветленное бытие* эксплицируется в лирико-философском очерке «Море и небо»: созерцание красоты озаренной светом тропической ночи приводит автора к мысли об аналогии между противоборством космических и хаотических сил в «*лаборатории природы*» и в сфере человеческой души – на путях движения мира к изначальной универсальной *норме природы и жизни*: «Очнувшись, со вздохом скажешь себе: ах, если б всегда и везде такова была природа, так же *горяча* и так величаво и глубоко *покойна!* Если б такова была и жизнь!.. Ведь *бури*, бешеные страсти не норма природы и жизни, а только переходный момент, беспорядок и зло, процесс творчества, черная работа – для выделки спокойствия и счастья в лаборатории природы...» (1, 98).

Аналогия выражается с помощью характерных для стиля писателя двузначных языковых средств, актуализирующих образную семантику одновременно состояния и природы, и психической жизни человека: *покойна, бури*. Их смысло-

¹ Данная дефиниция слова в БАС сопровождается цитатой из А.И. Герцена: *Воспоминание человечества – своего рода небесное чистилище – бывшее воскресает в нем просветленным духом, от которого отпало все темное, дурное.*

² Ср. определение в «Словаре церковно-славянского и русского языка» 1847 г. [10, т. III, с. 552] переносных значений глаголов *просветлять* (с пометой «церковное») ‘делать веселым; светлым, чистым’ и *просветляться* ‘делаться светлым’ с иллюстративными примерами из древнерусских церковных книг: *Хотя убо поститися, не сетуй иудейски, но евангельски себя просветли* (Соборник); *Тогда просвещается душа и просветляется ум, и освящается сердце* (Пролог)

вая двуплановость поддержана, в частности, рядоположенностью в тексте слова и словосочетания: *бури, бешеные страсти*, с последующим соотнесением названного состояния с природой и обществом (*не норма природы и жизни*) – с природной и психической дисгармонией (*беспорядок и зло*). Эти лексемы обозначают формы проявления хаоса в сферах физической и психической материи, которая подвергается воздействию разумной силы (*процесс творчества, черная работа*), вызывающей эволюцию природы и человека и ведущей к воплощению в мире идеи космической гармонии. Образ *просветленное бытие* символизирует в итоге и становление *живого космоса* – его постепенное преобразование под влиянием высшего разумного начала, и итог эволюции – состояние мира¹, исполненное внутреннего равновесия, облагороженности и покоя. Развитие образа *просветленное бытие* выявляет единство публицистических и художественных контекстов книги, в которых актуализируется важный для его семантики признак: **‘эволюция мира как процесс его одухотворения нравственным светом – светом разума и духовной основы бытия, внесенным Творцом’**.

Взаимодействие ключевых образов формирует в содержании лексемы *космос* смысл ‘разумное устройство мира как гармоническое единство его частей’, который соотносится с содержанием слова «космос» в греческой философии: ‘высший мировой порядок, мироздание’. При этом процесс художественного освоения природного и социального мира проходит в книге под знаком формирующихся идей «просвещение» и «цивилизация», которые выражают важные аспекты ядерного концепта текста, воплощенного в названных ключевых образах. Они определяют особый сплав научных, художественных и публицистических форм языкового выражения, взаимодействие которых отражает динамику развития как литературного языка в 1830-50-е гг., так и жанра литературного путешествия. Эстетическое значение эпитета *живой* ‘развивающийся, преобразующийся’ акцентирует идею эволюции, совершенствования мира как целого. Средствами воплощения идеи единства мира на пути к гармонии являются: 1) оживление внутренней формы ключевых слов *просветленный, просвещение* и актуализация образа света, выступающего как символ единения природного, социального и духовно-психического; 2) антропоморфная семантика средств, формирующих образ природы как единого организма и как семьи; 3) двузначные лексемы, выступающие как основа образного параллелизма: природное – человеческое в «синкретических» пейзажных картинах; 4) рядоположенность лексики природы и внутренней жизни человека в однородных конструкциях; 5) применение общезыковой и специальной лексики природы при осмыслении процессов развития социума и как средства уподобления двух сфер бытия.

Названные концепты «живой космос» и «просветленное бытие» реализуются в книге в системе подчиненных им словесных образов, в частности, как отмеча-

¹В семантике слова *бытие* актуализируются смыслы ‘жизнь, существование, развитие’ (‘одухотворенное, пронизанное *просветленным-просвещающим* началом’), в противоположность абстрактному ‘наличию’ чего-л. (ср. одно из значений слова в МАС [7, т. I, с. 130]: ‘жизнь, существование’ с пометой *трад.-поэт., высокое* и цитатой из Пушкина).

лось, в динамической эволюции в публицистических главах книги семантики слов «просвещение» и «цивилизация»¹.

Во «Фрегате “Паллада”» слово *просвещение* употреблено 12 раз, дважды встречаются глагол *просветить* и существительное *просветитель*; 3 раза – прилагательное *просвещенный* (1 раз – авторское образование *полупросвещенный*, не отмеченное в толковых и исторических словарях) и 1 раз страдательное причастие *просвещенный*. Кроме того, в ранних публикациях некоторых глав ФП до выхода в свет ее полного издания и в 1-м издании 1858 г. имеются дополнительные контексты употребления слова *просвещение*, опущенные в окончательном варианте книги 1879 г., по которому печатались все последующие издания.

В отличие от существительного *цивилизация*, которое активно применяется в книге начиная с первых глав, слово *просвещение* впервые появляется только во втором томе, в очерках о Японии, хотя в дальнейшем оно, наряду с его производными, постепенно занимает равноправное со словом *цивилизация* положение в идеологической структуре произведения.

1. Лексема *просвещение* в ряде контекстов используется в частотном для середины XIX в. значении ‘**образованность, культура, просвещенность**’ или с усилением процессуального оттенка ‘**распространение научных знаний, образования, культуры**’. Так в контексте обобщающе-оценочного характера развертывается проходящая лейтмотивом через все повествование о Японии мысль о ее “системе отчуждения от целого мира” (2, 349), определяющей безнадежно застойное материальное и нравственно-духовное состояние страны: «Каков народ! Какова система ограждения [...]! Какая бы, кажется, могла быть *надежда* на торговлю, *на введение христианства, на просвещение*, когда так глухо заперто здание и ключ потерян?» (2, 364).

В то же время применение слова *просвещение* в одном ряду с выражением *введение христианства* ведет к осложнению его семантики дополнительными компонентами ‘**нравственно-духовное совершенствование**’, ‘**процесс эволюции сознания**’, актуальными для его употребления в языке XVIII в. В данном процессуальном смысле: ‘**приобщение человечества к духовному наследию, которым обладает цивилизованное сообщество**’ проявляется в тексте «географического романа» ФП связь семантики слов *просвещение* и *цивилизация*, обусловленная ведущей в его идеологической структуре идеей “христианской цивилизации” как прогрессивной основы эволюции человечества². В очерке “Шанхай” с рассмотренной семантикой существительных соотнесены по смыслу отглагольные прилагательные *просвещенный* и *полупросвещенный*, обозначающие состояние народов, находящихся на разных стадиях приобщения к цивили-

¹ См. о ядерном концепте художественного текста и его связи с культурным концептом: [1].

² Ср. смысловую близость в 1 томе ФП в перечислительном ряду *разделять наследие свободы, религии, цивилизации* выделенных слов-понятий, обозначающих разные проявления достижений общечеловеческой культуры, и актуализацию в «английских» и «сибирских» главах процессуальной семантики слова *цивилизация* как знака приобщения народов Азии, Африки, Сибири не только к европейской модели общежития, но и к этим достижениям.

зации как к гражданскому обществу, обладающему достаточно высокой степенью развития культуры: Нет, я вижу, уголка в мире, где бы не запрашивали неслыханную цену [...] Этой слабости подвержены и *просвещенные*, и *полупросвещенные* народы, и, наконец, *дикари* (2, 326).

Лексема *просвещенный* в этом контексте близка по содержанию к прилагательному *цивилизированный* в актуализированном во ФП значении ‘приобщенный к цивилизации; культурный, просвещенный’. Семантика слов *просвещение*, *цивилизация*, *просвещенный*, *полупросвещенный*, *цивилизированный* в рассмотренном аспекте поддержана в «японских главах» – в очерках о столкновении Японии с европейской цивилизацией – содержанием глагола *просветить* ‘сообщить знания; распространить знание, образование, культуру’ (9, XI, стб. 1342).

2. Встречается использование лексемы *просвещение* в другом актуальном для данного периода значении ‘**тип культуры, образования, воспитания народа, определяющий его нравы, манеру поведения**’, близком к выделенному в СЯП оттенку ‘цивилизация, культура’ основного значения слова – ‘просвещенность, образованность’: Почему ж [...] не быть у китайца русым волосам и красному носу, как у европейца? ведь англичане давно уже распространяют в Китае *просвещение* и завели много своего [...] (2, 417). Семантически родственным лексеме в таком применении оказывается другое употребление слова *цивилизация* ‘**тип культуры и организации общества**’ в сочетании с определениями «европейская, русская новейшая, христианская» и сходных с ним по смыслу лексем *культура*, *воспитание*, *образование*, концептуально значимое для выражения во ФП идеи цивилизации как совокупности самобытных типов человеческих культур, формирующих «живой» социальный космос.

3. В связи с актуализацией такого смыслового аспекта далее в контексте глав о Сибири, в соответствии с идеологически отмеченным использованием в них лексемы *цивилизация* как обозначения особого метода творческого преобразования природы и социума осваиваемых земель, в содержании глагола *просветить* и причастия *просвещенный* актуализируется в первую очередь **нравственно-этический компонент** семантики. Это связано с осмыслением особенностей русского цивилизационного процесса, направленного не только на достижение материально-технических и гражданственных “успехов”, но и на осуществление **облагораживающего**, “просветительского” **воздействия** на приобщаемые к цивилизации народы: «И когда совсем готовый населенный и *просвещенный* край, некогда *темный*, неизвестный, предстанет перед изумленным человечеством, требуя себе имени и прав, пусть тогда допрашивается история о тех, кто воздвиг это здание [...] это те же люди, которые в одном углу мира *подали голос к уничтожению торговли черными*, а в другом *учили алеутов и курильцев жить и молиться* – и вот они же создали, выдумали Сибирь, населили и *просветили* ее и теперь хотят *возвратить Творцу плод от брошенного Им зерна*. А создать Сибирь не так легко, как создать что-нибудь под благословенным небом» (2, 525).

В данном фрагменте антитеза *просвещенный край* – *некогда темный* оживает в причастии и следующем за ним глаголе *просветили* внутреннюю форму –

образ света, что приводит к обогащению семантики глагольных форм: значение ‘образовать, приобщить к культуре’, обретая образную форму, смыкается с идеей, заключенной в словах этого словообразовательного гнезда в древнерусском языке, – духовного света, озарения, духовного и умственного совершенствования. Эти ассоциативно возникающие смысловые связи поддерживаются высоким содержанием метафорического выражения *возвратить Творцу плод от брошенного Им зерна*: оно восходит к символике двух евангельских притч – о Сеятеле и зерне, «упавшем на добрую землю» того, кто «слышит слово» Божье, «разумет» его и «приносит плод во сто крат» (Мф. 13: 3-23), и о горчичном зерне (ему уподобляется Царство Небесное), «которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его» (Мф. 13: 31). Данное выражение в книге, таким образом, как бы указывает на символический «результат» завершеного процесса цивилизации и просвещения края.

Образно-понятийное содержание взаимосвязанного с лексемой «просвещение» слова-концепта “цивилизация” в этих последних главах, посвященных освоению Сибири, также обогащено новыми смыслами, важными для выражения идеи всей книги. Слово *цивилизация* постепенно теряет здесь свое “статическое” содержание, в большей степени характерное для него в главах, посвященных распространению английской цивилизации (как уже достигнутой ступени общественного развития) в колониях, и выражает свойственное ему лексико-грамматическое значение процессуальности: оно обозначает непрерывный **целостный процесс творческого воздействия на природу и человека**, чтобы активизировать заложенные в них программы биологической и нравственно-духовной эволюции: «Несмотря, однако ж, на продолжительность зимы, на лютость стужи, как все *шевелится* здесь, в краю! Я теперь живой заезжий свидетель того *химически-исторического* процесса, в котором пустыни *превращаются* в жилые места, дикари *возводятся* в чин человека, *религия и цивилизация борются* с дикостью и *вызывают к жизни* спящие силы. *Изменяется* вид и форма самой почвы, *смягчается* стужа, из земли *извлекается* теплота и растительность – словом, *творится* то же, что *творится*, по словам Гумбольдта, с материками и островами посредством тайных сил природы» (2, 525).

Контекст насыщен глаголами с семантикой активного воздействия и изменения, выполняющими синтаксически и ритмически организующую функцию конструктивной связки в структуре единого периода. Они являются семантическими центрами целой цепи параллельных синтаксических единств с контекстуально противопоставленными лексемами, обозначающими первоначальное состояние объектов, подвергшихся воздействию “цивилизующей силы”, и их последующее превращение в новое качество: *пустыни – жилые места; дикари – чин человека; дикость – религия и цивилизация; спящие силы – жизнь; стужа – теплота, растительность. Единый процесс преобразования природы и человека* представлен как одновременная «работа» цивилизации по обживанию пространств Сибири; нравственному и гражданскому воспитанию “дикарей” и воздействию

на “спящие силы” природы посредством трудолюбия и искусства. В образно-понятийной форме этот процесс назван *химически-историческим*, протекающим в «лаборатории» (2, 525) природной и социальной жизни, что подчеркивает единство разноаспектного проявления энергии творческой цивилизующей силы, воздействующей на вещество природы и на существо и образ жизни человека, подобно тому как “тайные силы природы” действуют на материки и острова.

Понимание “цивилизации” как **процесса “осторожного и постепенного воспитания” “диких младенцев человечества”** через приучение их к “систематическому труду”, нравственное развитие и охранение, как слабых и неопытных существ, от пагубных привычек *новейшей цивилизации* служит автору основанием для сопоставления *русского, самобытного примера цивилизации* с методами колонизации Африки и Азии англичанами и Америки “людьми Соединенных Штатов”: их активная “деятельность” связана с “жаждой приобретения” и оборачивается нравственным “бесстыдством” (2, 335) по отношению к туземцам. Автор ФП полемизирует со стереотипным идеологическим противопоставлением варварской России и цивилизованной Европы, отстаивая русский вариант цивилизации как **метод воспитания цивилизуемых народов и процесс “облагораживающего” гуманистического воздействия на человека**. Такое содержание становится ведущим в последних главах и приводит к активному смысловому взаимодействию слова *цивилизация* не только с лексемой *воспитание*, но и с существительным *просвещение* и глаголом *просвещать*.

Оживлению древней семантики лексем *просветить*, *просвещение* способствует, кроме того ассоциация с появившимся ранее в очерке “Ликейские острова” словосочетанием *просветленное бытие*, выражающим авторское представление о высшей нравственно-духовной цели цивилизационного процесса, а также метафорическое сочетание *религия с крестом и лучами света* как обозначение средства достижения «царства жизни духовной» и «просветленного бытия»: «Это не *жизнь дикарей*, грязная, грубая, ленивая и буйная, но и не *царство жизни духовной*: нет следов *просветленного бытия* [...] все свидетельствовало, что жизнь доведена трудом до *крайней степени материального благосостояния*; что самые заботы, страсти, интересы не выходят из круга немногих житейских потребностей; что *область ума и духа* цепенеет еще в *сладком, младенческом сне*, как в первобытных языческих пастушеских царствах; что жизнь эта *дошла до того рубежа, где начинается царство духа, и не пошла далее...* Но все готово: у одних дверей стоит *религия, с крестом и лучами света*, и кротко ждет *пробуждения младенцев*; у других – “люди Соединенных Штатов”, с бумажными [...] тканями, ружьями, пушками и прочими орудиями *новейшей цивилизации...*» (2, 387).

В результате такого “семантического насыщения” содержания лексем *просвещение*, *просветить*, *просвещенный-просветленный* эстетическими коннотациями в заключительной части ФП в рамках метафорического образа – сравнения происходит органическое взаимодействие в смысловой структуре слова *просвещение* этимологически исконных образных компонентов его семантики, реа-

лизованных как художественно-поэтические: просвещение как **стремительно распространяющийся свет, огонь, пожар**, и тех понятийных компонентов (см. названное выше его 1-е значение в книге), которые были выделены ранее в ходе функционирования слова в тексте: «Говорят, дикари не пьют, не воруют – да, пока нечего пить и воровать; не лгут – потому что нет надобности. Хорошо, но ведь *оставаться в диком состоянии нельзя. Просвещение, как пожар, охватывает весь земной шар*» (2, 538).

Приведенная выше цитата – часть обширного контекста, построенного в форме беседы автора с оппонентом. Содержанием диалога является, во-первых, спор о пользе и вреде просвещения для якутов и других «диких» народов Сибири и, во-вторых, – о самой сути понятия «просвещение». Гончаров полемизирует со своим предшественником писателем Г. Геденштромом, издавшим путевые заметки «Отрывки о Сибири» (1830), в которых автор утверждает следующее: «Якутская область – одна из тех немногих стран, где просвещение или расширение понятий человеческих (sic) более вредно, чем полезно. Житель сей пустыни (продолжает автор)¹, сравнивая себя с другими мирожителями, понял бы свое бедственное состояние и не нашел бы средств к его улучшению» (2, 538).

В этой цитате содержание слова *просвещение* ‘образование, приобщение к цивилизации, культуре’ сближается с его толкованием в «Словаре церковнославянского и русского языка» 1847 г. – ‘обогащение ума познаниями’ (III, 552). Значение ‘приобщение к цивилизации, культуре’ наиболее очевидно проявляется также в следующих цитатах из книги Геденштрома: «Пушкай просвещение достается на часть тех народов, которым провидение указало земли, могущие удовлетворить рождающимся желаниям и соделать их счастливейшими; но да пощадит оно якутов и подобных им, к которым природа их земли была мачехою. Просветившись, они тем еще были бы несчастнее, что не могли бы оставить земли своей для приискания лучшей» [3, с. 96].

В своих возражениях автору книги Гончаров для прояснения истинного исконного смысла понятия “просвещение” различает и противопоставляет основное, сложившееся в XVIII в. значение слова *просвещение* ‘образованность, просвещенность, цивилизованность, культура’ и его особое употребление: ‘внешнее приобщение к материально-техническим плодам цивилизации’, которое появляется в начале XIX в. и актуализируется в тексте Геденштрома: «Автор берет пороки образованного общества, как будто неотъемлемую принадлежность просвещения, как будто и само просвещение имеет недостатки: тщеславие, корысть, тонкий обман и т.п. Кажется, смешно и уверять, что эти пороки только обличают в человеческом обществе еще недостаток просвещения. Если дикари увлекаются скорее всего заманчивостью блеска или чувственных удовольствий [...] то за ними, как за детьми, надо смотреть, что здесь [в Сибири] и делается» (2, 538).

¹ Цитата Геденштрома приведена в тексте ФП, курсив и примечания в скобках принадлежат Гончарову.

В семантике слова *просвещение*, в результате такого противопоставления так же, как в предыдущих контекстах в содержании слов *просветить*, *просвещенный*, усиливается нравственно-этический компонент **‘внутренняя культура, нравственность, духовность’**. Данный аспект содержания лексемы разрабатывался далее во ФП в рассуждениях о просвещении, которые имелись в публикациях очерка «Из Якутска» в журнале «Морской сборник» (1855) и в 1-м издании книги 1858 г.: «Если б не мы к ним, так дикари сами бы пришли к нам с этими же мехами [...] просить взамен чего-нибудь другого и, все равно, не избегли бы просвещения, все равно узнали бы добро и зло и, прошедши сквозь огонь опыта, усвоили бы первое, научившись избегать второго, в чем и состоит истинное просвещение. Как же вдруг хотеть, чтоб дикарь прямо из Якутской области вдруг прыгнул в область добродетели?...» [6, с. 312]

В этом контексте семантика слова *просвещение* разноаспектна и складывается из нескольких смысловых компонентов: просвещение – это, во-первых, **‘приобретение знаний, информации о мироустройстве’** (*узнали бы добро и зло*), **‘сопутствующий им опыт’** (что связано с практической стороной познания мира – приобщением к цивилизации, ее достижениям и порокам) и, во-вторых (как итог), **‘обретение внутренней культуры и стремления к нравственно-духовному совершенствованию’** (к искоренению в себе пороков образованного общества и к усвоению добра – к добродетели). Именно этот результат “опытного познания” человеком себя и мира является, по мнению автора, показателем завершенности процесса “истинного просвещения”.

Заложенная в слове-понятии *просвещение* во ФП идея непрекращающегося процесса эволюции, внутреннего совершенствования человека соотносит его по смыслу с распространенным в XVIII в. вариантом употребления лексемы, связанным с актуализацией в ее содержании аспекта **‘объективный процесс эволюции человеческого разума в противоположность его прежнему варварскому состоянию’** (в типовых словосочетаниях «просвещение ума, раз.» с синонимическими выражениями «шаги, степени просв., челов. разума» и др.) Усиление аспекта **‘развитие, движение, интеллектуальное и духовное самоусовершенствование человеческого сообщества’** в семантике ключевых для идеологической структуры книги слов *просвещение* и *цивилизация* сказывается на выборе способов обозначения объективно существующих типов (стадий) развития цивилизации и одновременно фаз эволюции человеческого сознания, присущих народам, находящихся на разных стадиях социо-культурного развития. Для этого применяются как номинативные сочетания, так и метафорические выражения, характеризующие социально-интеллектуальное и духовное состояние наций; ср.: *младенцы человечества* (2, 465) (африканские жители); *дикие младенцы человечества*, которые *требуют осторожного и постепенного воспитания* (2, 533) (сибирские народы); *дети природы*, с примесью значительной *дозы дикости* (2, 478) (корейцы); *младенчески-старческая цивилизация* (2, 467) (китайская), которая не дошла до периода *зрелости* и уже *одряхла* и *разошлась с жизнью* (2, 465); *но-*

вейшая цивилизация (2, 387) (Америка); *просвещенные и полупросвещенные народы* (2, 326).

Понимание специфики задач просвещения по отношению к диким народам, которым нужно пройти ряд последовательных фаз на пути к «цивилизованному» и «просвещенному» человеку, проявляется также в соотнесении понятий «просвещение», «цивилизация» и «воспитание» (в разных аспектах): «*Просвещение якута пока состоит в том, чтоб приучить его к земледелию, к скотоводству, к торговле [...] он живет в пустыне, просвещение находит средство справиться и с пустыней.* Думали же прежде, что здесь не родится хлеб; а принялись с *уменьем и любовью к делу* – и вышло, что родится» (2, 538).

Здесь в содержании понятия «просвещение» выделены смысловые аспекты ‘воспитание человека через пробуждение в нем сознания необходимости труда’ и ‘творческий подход к труду’; ср. в приведенных ранее контекстах глав о Сибири характеристику *русского самобытного примера цивилизации* как процесса «*осторожного и постепенного воспитания*» «иноплеменных детей», для которых «*систематический труд – мучительная, лишняя новизна*» (2, 531). «Просвещение» рассматривается как приобщение к более высокому уровню организации общества в сфере трудовой деятельности, практических знаний, умений и экономики. В других контекстах на первый план выдвигаются религиозный, нравственно-духовный и гражданственный аспекты понятия «просвещение»: «*просветили Сибирь, приобщив ее к цивилизации, уча алеутов и курильцев жить и молиться*» (2, 525); ср. приведенный ранее контекст из «африканских» глав о необходимости приучить аборигенов *жить обществом, как порядочные люди*. Здесь имплицитно *просветить* понимается как ‘воспитать путем приобщения к цивилизации как к гражданскому обществу’ и ‘пробудить тягу человека к духовному развитию’.

Таким образом, формированию семантико-стилистического единства художественно-очерковых и публицистических фрагментов «Фрегата “Паллады”», отражающих общественно-социальный аспект эволюции *живого космоса*, способствует, во-первых, употребление ключевых для русской национально-языковой картины мира слов-понятий *цивилизация, просвещение*, содержание которых эксплицирует когнитивную основу книги. В контексте «географического романа» раскрывается многоаспектность их смысловой структуры, определенные понятийные признаки которой закрепляются в литературном языке. Характер использования этих слов обусловлен общим замыслом автора: осмыслить развитие природной и социальной вселенной на путях ее движения к *просветленному бытию*; поэтому ведущей в семантике лексем становится мысль о динамическом процессе эволюции общества, обусловленном развитием гуманистических начал “христианской цивилизации”. Это проявляется в активности двух основных смыслов при употреблении слова *цивилизация*, актуальных для формирования его смысловой структуры в языке XIX в.: ‘прогрессивное движение общества к гармоническому устройству в единстве материально-технического и духовного’ и ‘один из исторических типов социокультурных образований’ и в

оживлении внутренней формы слова *просвещение*, семантика которого, отражая основополагающую для древнерусского сознания этическую норму: 'умственное и духовное совершенствование' [7, вып.20, с. 211], сближается с актуальным для XVIII в. значением 'объективный процесс эволюции человеческого разума в противоположность его прежнему варварскому состоянию' [11, с. 171]¹. Усиление оценочного компонента в слове *цивилизация*: 'гуманность или антигуманность методов ее осуществления' и образного компонента 'свет, нравственный и духовный' в слове *просвещение* обусловлено их применением для характеристики разных типов цивилизации народов Азии, Африки и Сибири.

Важность для авторского понимания цивилизации гуманистических целей ее развития проявляется в смысловом сближении в книге слов *цивилизация*, *просвещение* (они занимают равноправное положение в идеологической структуре ФП), *воспитание* и *культура*, что ведет к прояснению ключевого для социально-философской концепции ФП и для семантики слова *просвещение* аспекта, отражающего основополагающую для древнерусского сознания нравственно-этическую норму: 'умственное и духовное совершенствование'. Такое содержание связывает лексему *просвещение* с тем ее идеологическим применением в текстах Н.В.Гоголя и славянофилов, которое способствовало формированию идеи особого характера «русской образованности» в отличие от западноевропейской². При этом сохраняется смысловая связь слов *просвещение*, *просвещать* с образно-переносным их употреблением в древнерусском языке и языке XVIII в., обусловленная оживлением их внутренней формы в структуре текста: 'озарение, освещение, свет' (как духовное, нравственное начало). Этому способствует и ассоциация с выражением *просветленное бытие* (оно передает представление о высшей нравственно-духовной цели цивилизации).

Во-вторых, сложившийся в художественных описаниях очерков путешествия «Фрегат «Паллада» «язык аналогии» «человек -> природа» в философско-публицистических контекстах реализуется в противоположном направлении, то есть выступает как обратимый стилистический прием: «природа, человек -> социум». Названия природных явлений, термины биологии и физиологии используются как образное средство характеристики эволютивных и энтропийных социальных процессов [12]. Жизнь социума предстает как органическая часть еди-

¹ Данное значение слова в языке XVIII в. было выделено на основе Картотеки «Словаря русского языка XVIII в.» ИЛИ РАН.

² С формированием в 40-50-е гг. XIX в. особого взгляда на сущность понятия «просвещение», отличного от западного, соотносится употребление слов *просветить*, *просвещение* в «Выбранных местах из переписки с друзьями» Н.В.Гоголя (1847) (глава «Просвещение»), где образная актуализация внутренней формы лексем направлена на экспрессивное выделение идеи полного, всеобъемлющего обновления человека, приобщенного к познанию мира, сути жизни: Мы повторяем теперь еще бессмысленно слово «*просвещение*». Даже и не задумались над тем, откуда пришло это слово и что оно значит. Слова этого нет ни на каком языке *Просветить* не значит научить, или наставить, или образовать, или даже осветить, но *всею нас сквозь высветлить человека во всех его силах*, а не только в одном уме, *пронести всю природу его сквозь какой-то очистительный огонь* (2, с. 70-71).

ного целого – «живого космоса». В результате публицистический пласт повествования концептуально связывается с художественно-поэтическим и научным – образной основой, которая выражает идею «светового» проявления разумного бытия природной и человеческой жизни (*просвещения, просветленного бытия*) и раскрывающими содержание понятия «органическое целое человечества» уподоблениями гуманитарного мира природному в системе оппозиции «механистическое» – «органическое».

1. *Бахмутова Н.И.* Художественный мир и ключевые метафоры в романе Е. Замятина «Мы» // Проблемы речевой коммуникации: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. М.А. Кормилицыной. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. Вып. 3.
2. *Г-н Геденитром М.М.* Отрывки о Сибири. СПб., 1830.
3. *Гоголь Н.В.* Собр. соч.: в 9 т. / сост. и коммент. В.А. Воропаева, И.А. Виноградова / В.А. Воропаев, И.А. Виноградов. Т. 6. Духовная проза; Критика; Публицистика. М.: Русская книга, 1994.
4. *Гончаров И.А.* Фрегат «Паллада». Очерки путешествия: в 2 т. Л.: Наука, 1986. Т. 2. Здесь и далее цитаты приводятся по этому изданию с указанием в скобках арабскими цифрами номера тома и страницы.
5. *Гумбольдт А.* Космос. Опыт физического мироописания / пер. с нем. Н. Фролова. Ч. 1. СПб., 1848. С. VI.
6. *Морской сборник.* 1855. Т.16. №6. Отд. IV.
7. *Словарь русского языка XI-XVII вв.* Вып. 1-27. М., 1975-2006.
8. *Словарь русского языка:* в 4 т. / под ред. А.П.Евгеньевой. М.: Русский язык, 1985-1988.
9. *Словарь современного русского литературного языка:* в 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948-1965 (Далее в тексте ссылки на словарь приводятся с указанием в скобках номера тома и столбца).
10. *Словарь церковнославянского и русского языка:* в 4 т. СПб.: Изд. Акад. наук, 1847.
11. См.: Юркина О.В. Жанровые нормы и идиостиль писателя (очерки путешествия И.А. Гончарова «Фрегат «Паллада»): дис. ... канд. филол. н. СПб., 2009.
12. См. об этом: там же.

РЕЦЕНЗИИ, МАТЕРИАЛЫ

УДК 94(47).073.

Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI вв.: Материалы Всерос. науч. конф. СПб., 27–29 ноября 2012 г. / отв. ред. И.А. Тропов. СПб.: ГУАП, 2012. 202 с.: ил.

В сборнике «Под сенью Чесменского дворца» включены статьи участников конференции, посвященной истории России XVIII–XX вв., проходившей в ноябре 2012 г. в Санкт-Петербургском государственном университете аэрокосмического приборостроения. Среди участников конференции и авторов статей – специалисты, преподаватели и начинающие ученые из Санкт-Петербурга, Сыктывкара, Череповца и других городов России.

Сборник открывается обстоятельной статьей Е.О. Пятлиной (Санкт-Петербург), в которой проанализированы основные этапы истории Чесменского дворца, возведенного по приказу Екатерины Великой в память об одной из самых блистательных побед Российского военно-морского флота (архитектор Ю.М. Фельтен). Е.О. Пятлиной удалось показать, что судьба построенного на окраине Петербурга Чесменского дворца оказалась тесным образом связанной с судьбой страны XVIII – начала XXI вв. В настоящее время в Чесменском дворце расположен один из корпусов Санкт-Петербургского государственного университета аэрокосмического приборостроения (ГУАП).

Проблемам развития высшего образования в императорской России посвящены статьи петербургских историков А.А. Журавлева и Н.Ю. Бринюк.

Несомненным достоинством статьи А.А. Журавлева, посвященной истории Женского медицинского института, стала характеристика сложных перипетий борьбы за высшее медицинское образование в контексте общественно-политической борьбы второй половины XIX в. и становления самостоятельной системы женских высших учебных заведений. Исследователь показывает, что желание девушек получать равное с мужчинами образование натолкнулось на глухую стену непонимания власти. Это явилось одной из главных причин массового выезда девушек на учебу за границу 1870–1880-е гг., где вместе с образованием они получали опыт в революционной деятельности. В итоге власть, вынужденная пойти на уступки, поставила учебный процесс под жесткий контроль. Автор подчеркивает, что созданный в 1897 г. институт по организационно-правовой форме был негосударственным учебным заведением, и «отсекающий» уровень оплаты за получение образования определила элитарный характер института.

Представляется, что вопрос о социальном составе слушательниц института нуждается в дальнейшей разработке.

Статья Н.Ю. Бринюк посвящена истории Николаевской военной академии Генерального штаба. Созданная еще в 1832 г. военная академия играла ведущую роль в системе высшего военного образования дореволюционной России. В центре внимания исследователя – процесс реформирования системы обучения в академии после неудачной для империи русско-японской войны. На основе нового комплекса документов из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) Н.Ю. Бринюк сумела обстоятельно проанализировать кадровый состав преподавателей академии, основные принципы обучения и организации учебной работы, применяемые методики преподавания и систему оценки знаний слушателей.

Серия статей сборника посвящена истории благотворительности в Российской империи. В работе исследовательницы из Череповца О.Ю. Солодянкиной анализируется малоизученный и актуальный сегодня исторический опыт решения «жилищного вопроса» в России в последней трети XIX – начале XX вв. Автор раскрывает помощь разных организаций домашним учительницам – иностранкам при решении жилищного вопроса в зависимости от их национальной / конфессиональной принадлежности; деятельность благотворительных организаций Москвы и Петербурга по оказанию материальной помощи российским учительницам и воспитательницам для решения «квартирного вопроса». Нельзя не отметить большой объем интересной фактологической информации, введенной в научный оборот исследователем. Автором убедительно показано, что благотворительные организации внесли большой вклад в оказание помощи временно безработным в поисках нового места работы, а старым и немощным – в обеспечении приюта по старости.

А.Ю. Мельникова (Санкт-Петербург) посвятила свою статью истории благотворительных организаций в Кронштадте в XIX – начале XX вв. Читая характеристику деятельности около 15-ти благотворительных учреждений и обществ в небольшом провинциальном городе нельзя не согласиться с автором статьи: «невольно удивляешься тому, как много было в нем общественных организаций, созданных жителями на добровольных началах с благотворительными целями».

Исследование Л.В. Шевниной описывает историю единственного в Санкт-Петербурге исправительно-воспитательного приюта для девочек имени императора Александра III, существующего на благотворительные средства и при финансовой поддержке от государственной казны. Автор отмечает, что, как и все исправительные заведения, приют имел целью нравственное перевоспитание малолетних и несовершеннолетних преступниц с помощью трудового обучения.

В разделе сборника, посвященном экономической истории, опубликованы статьи петербургских историков О.А. Яковлевой о деятельности немецких компаний в горнодобывающей промышленности на российском Дальнем Востоке в начале XX в., и С.И. Подольского об арендно-концессионной политике Северо-Западного регионального органа ВСНХ в 1920-е гг.

В целом ряде статей получили отражение вопросы развития общественной мысли в России и проблемы взаимодействия власти и общества.

Несомненный интерес читателя вызовет статья Л.Ю. Гусман, (Санкт-Петербург), в которой, по-видимому, впервые в исторической литературе, предпринята попытка исследования отражения Восточного вопроса в эмигрантской либеральной публицистике второй половины XIX – начала XX вв. Анализ автором публикаций Н.И. Тургенева, П.В. Долгорукова и Л.П. Блюммера приводит читателя к заключению: идеологию имперской сверхдержавной экспансии («идею-гегемона» русской власти) разделяли не только «охранители», но и либералы. К сожалению, Л.Ю. Гусман, ограничив Восточный вопрос «константинопольским» вопросом, не показал отношение либералов к идее Славянского союза. Были ли либералы захвачены всеобщим «православно-славянским соблазном», охватившим и власть, и общество? Разделяли ли русские либералы популярные в Российской империи, сохранившиеся и в умах многих наших современников идеи «православного фундаментализма»?

С.В. Степанов (Санкт-Петербург) рассматривает на примере Царскосельского уезда общественную жизнь и деятельность различных по направленности деятельности общественных организаций во второй половине XX века.

Статья А.Н. Егорова (Череповец) посвящена исследованию образа либералов в чиновничьих кругах России начала XX в. Исследователь, подробно анализируя высказывания представителей высшей бюрократии о программе и деятельности русских либералов, пришел к заключению о конструировании чиновничьей элитой негативного образа либералов как «врагов» (власти / государства?). Отметим некоторое противоречие в используемой автором терминологии, утверждениях и выводах исследования. Так, в одном случае утверждается, что «российская административная элита видела в либералах, прежде всего, в кадетах борцов с самими основами существующего строя», в другом – автор пишет всего лишь о «непонимании чиновниками сути действий либеральной оппозиции, что и позволяло им конструировать образ врага».

Особенности функционирования советских органов власти весной – летом 1917 г. стали предметом исследования в статье петербургского историка И.А. Тропова. Преодолевая сложившиеся в отечественной историографии стереотипы, автор привел убедительные аргументы против господствующей концепции «двоевластия» применительно к анализируемому в статье периоду. Историк склонен воспринимать местные советы не как альтернативу органам Временного правительства, по крайней мере в начальный период после падения самодержавия, а как «инструмент закрепления революционных приобретений», как органы, нацеленные на отстаивание, прежде всего, экономических интересов различных групп трудящегося населения. В одних случаях, как показано И.А. Троповым, это приводило к превращению Советов в аналог профсоюзных организаций, в других – вело к заметному обострению отношений с официальными властями в центре и на местах и к политизации советской деятельности.

Теме предвоенной советской пропаганды посвящена статья М.И. Тягур (Санкт-Петербург). Автор рассматривает на материалах трех советских газет различные типы публикаций, посвященных международным вопросам, показывает эволюцию содержания советской предвоенной пропаганды.

Статья Ф.К. Ярмолич «К вопросу о значении органов цензуры в СССР в 1950-е гг. (на материалах Ленинграда)» посвящена деятельности Главлита. Автор статьи, подчеркнув свою приверженность гипотезе, что «существование любого социального института немислимо без позитивного эффекта его для общества», акцентирует внимание на крайней важности контроля со стороны Главлита «для военной и промышленно-экономической безопасности страны». Официальные данные советской статистики о соотношении политико-идеологических и военно-экономических цензурных вмешательств, приводимые автором, призваны обосновать тезис о незначительной роли идеологической цензуры (в 1950 г. – 10,6%, 1957 – 2,6% вмешательств по политико-идеологическим мотивам). Подчеркнем, что заключения автора сделаны исключительно по отношению к издательской деятельности. Однако совершенно иную картину масштабов идеологической цензуры Главлита показывают сведения об изъятии книг из библиотек и книготорговой сети. Только в 1958 г. Главлит изъяс и направил в библиотечные спецфонды более 6 млн книг, «содержащих антисоветские и антисоциалистические материалы». Одна из важнейших функций Главлита – контроль за библиотечными фондами и литературой, находившейся в книготорговых организациях, – вне поля зрения автора. Не упоминается и о введении с 1952 г. цензуры над репертуаром профессиональных и самодеятельных художественных коллективов, произведениями изобразительного искусства, музейными экспозициями и выставками и пр. Статья страдает и многочисленными стилистическими погрешностями.

Один из наиболее представительных разделов сборника представлен публикациями по истории российской повседневности. Статья петербургской исследовательницы Н.П. Сабуровой «О положении женщин в российском обществе в конце XVIII – начале XIX вв.» посвящена главным образом женскому воспитанию и образованию.

З.З. Мухина (Старый Оскол) исследует пути социализации крестьянской женщины в условиях модернизации страны пореформенного времени. Автор пишет, что в отсутствие мужчины, ушедшего на отхожие промыслы, женщина становилась ключевой фигурой в хозяйстве, стимулируя рождение нового самосознания, способствуя самоутверждению женщин.

Две статьи раскрывают повседневность российской семьи второй половины XIX – начала XX вв. В.А. Веремченко (Санкт-Петербург) описывает внутрисемейное распределение обязанностей в дворянских семьях. По мнению автора, изменения в этой сфере происходили, с одной стороны, под влиянием ухудшавшихся после отмены крепостного права материальных условий жизни дворянских семей, а с другой – под воздействием либеральных европейских идей, касающихся в том числе и вопроса о взаимоотношениях полов.

Повседневной жизнью российской семьи было наказание детей, причем, как справедливо подчеркивает петербургская исследовательница И.В. Синова, положение ребенка, допускавшее применение телесных наказаний, складывалось в России исторически на протяжении веков и было закреплено юридически. Различные по форме и степени жестокости наказания применялись в семьях всех сословий, включая императорскую семью. Жестоким телесным наказанием со стороны хозяев и подмастерьев подвергались и малолетние ученики ремесленных мастерских.

В.С. Печникова (Санкт-Петербург) дает читателю целостное представление о сложности бракоразводного процесса в Российской империи во второй половине XIX в. Согласимся с заключением автора, что, несмотря на появление самой прогрессивной судебной системы в Европе, серьезными изменениями внутри российского общества, «семья как ячейка этого общества» оказалась запертой в клетке устаревшего законодательства, основанного на прежней системе патриархальных отношений, не соответствовавших реалиям жизни новой эпохи.

В статье О.И. Зезеговой (Сыктывкар) рассматриваются события одного дня – 10 июня 1917 г. За основу взяты дневниковые записи историка В.В. Бирюковича, хранящиеся в личном архиве автора статьи. Яркий информативный источник в сочетании со способностью автора статьи к тонкому, вдумчивому анализу позволил представить один день из повседневной жизни российского общества революционной эпохи во всей его целостности и противоречивости.

К сожалению, объем рецензии не позволяет детально проанализировать все представленные в сборнике материалы. Одно представляется очевидным: несмотря на некоторые полемические замечания рецензента, в большинстве статей, представленных в сборнике, на основе профессионального анализа нового фактологического материала исследуются малоизученные в отечественной историографии темы и сюжеты, авторы приходят к интересным и оригинальным выводам. Статьи написаны на хорошем, живом литературном языке, и несомненно, что книга представляет интерес как для специалистов, так и широких кругов российских граждан, интересующихся историей своей страны.

*Г.Ф. Доброноженко,
д-р истор. наук*

Гуманитарное образование в высшей школе для негуманитарных специальностей: традиции и современные проблемы : коллективная монография / под ред. Б.М. Завьялова. Сыктывкар: КОГУЗ «МИАЦ», 2012. 148 с.

Рецензируемая монография подготовлена межвузовским авторским коллективом и посвящена анализу места и роли гуманитарного образования в подготовке специалистов негуманитарного профиля. Актуальность предметного поля, в рамках которого разворачивается научно-методологический поиск данного исследования, не вызывает сомнений. В российском высшем образовании продолжают процессы модернизации, направленные на повышение его эффективности. Происходит переход к государственным образовательным стандартам нового поколения, к двухступенчатой системе обучения (бакалавриат, магистратура), предпринимаются шаги для повышения статуса вузовской науки, для утверждения более тесной связи процесса подготовки бакалавров и специалистов разного профиля с запросами современного социально-экономического и социально-культурного развития страны. Перечисленные процессы порождают дискуссии как на уровне специалистов и экспертов, так и в среде заинтересованной общественности. Одним из узловых центров этих дискуссий является проблема гуманистических установок и гуманитарной составляющей в обучении и воспитании специалистов (бакалавров) – негуманитариев. Следует заметить, что в массиве публикаций, посвящённых данной проблематике, рецензируемая коллективная монография может занять достойное место.

В монографии достаточно чётко определен круг исследовательских задач, без решения которых, по мнению авторов, невозможно ни продуктивно модернизировать современную высшую школу, ни провести полноценную самоидентификацию всего процесса гуманитарного образования. Во-первых, определение специфики гуманитарного знания и гуманитарного образования, его дисциплинарного строения, а также состава, объёма и содержательного наполнения блока социально-гуманитарных и экономических дисциплин в учебных программах для негуманитарных специальностей. Во-вторых, анализ исторических традиций в становлении гуманитарного знания и образования, а также современных тенденций их развития. В-третьих, реконструкция национально-культурных особенностей, форм и способов их экспликации в содержании и процессе преподавания различных гуманитарных дисциплин. В-четвёртых, поиск методов и приёмов, при помощи которых гуманитарные знания адекватным для запросов времени образом будут органично встроены в систему подготовки специалистов с высшим образованием. В-пятых, определение гуманитарно-гуманистического векто-

ра того образовательного пространства, в котором сегодня приходится работать вузовским коллективам.

Сформулированные исследовательские задачи, а также межвузовский и междисциплинарный характер авторского коллектива определили структуру данной работы. В первой главе обозначаются основные вехи исторического становления гуманитарного образования и знания в контексте западной и российской традиций. Вторая глава посвящена анализу дисциплинарного строения гуманитарного образования в непрофильных вузах (на непрофильных факультетах), его программы, цели, задачи, методы и средства. В третьей главе раскрываются особенности гуманитарной подготовки в медицинском вузе, ставятся вопросы кадрового обеспечения системы здравоохранения в Республике Коми.

Первая глава «Из истории гуманитарного образования: западная и российская традиции» представляет нам различные концепты гуманитарного образования, связывая данные модели, прежде всего со спецификой социокультурного развития общества от античности до современности. По сути, каждый концепт – дитя своего времени, но их взаимосвязь и даже взаимоотталкивание создают необходимую почву для поисков путей развития современного гуманитарного образования. В этом плане статьи Д.Н. Безгодова, И.А. Гончарова удачно дополнены исследованием места и роли гуманитарного образования в высшей школе США в работе Е.Г. Тонковой. В статье Б.М. Завьялова, посвященной российской традиции образования, формулируется её важнейший смысл и назначение – необходимость органичной связи образования и воспитания. Эта связь обеспечивается фундаментальной идеей служения Делу. Автор пишет: «Служение Делу позволяет избежать двух крайностей, которые обнаруживаются в нашей истории, а именно: безоглядно идеологизированное, сомнительно или невнятно артикулируемое служение целому (самодержавию, революции, социализму и коммунизму, неправоммерно отождествлённых с отечеством) и столь же безоглядное, а часто и циничное служение исключительно лицам...». Решение этой архисложной задачи автор видит на путях утверждения личного достоинства и гражданской ответственности. Исследованию этих путей, выявлению мировоззренческой и методологической наполненности предметов гуманитарного цикла посвящены следующие две главы монографии.

Вторая глава «Преподавание гуманитарных наук в непрофильных вузах (на непрофильных факультетах)» представлена достаточно разнородным материалом – от социологического исследования, посвященного отношению студентов к гуманитарным дисциплинам (Ю.П. Шабает), до статьи В.Н. Асташова и В.Н. Савиной об особенностях воспитательного процесса в современной высшей школе. Интерес для специалистов в той или иной предметной области гуманитарного знания вызовут статьи Б.М. Завьялова («Философия»), О.В. Золотарева («Отечественная история»), А.Н. Козловой («Русский язык и культура речи»), А.Н. Петровской («Иностранные языки»), В.В. Муравьева («Религиоведение»). Рецензент в силу своих профессиональных пристрастий с особым вниманием прочитал статью Б.М. Завьялова «Философия в современной практике гуманитарного образования: герменев-

тическая установка». Исповедуемый автором статьи путь формирования личности через погружение в мир философских текстов является, безусловно, универсальным способом, независимо от того, что происходит в мире, а возможно, и становится необходимым сегодня инструментом спасения самого Человека.

В третьей главе – «Гуманитарная подготовка в медицинском вузе» – исследуются особенности гуманитарного образования применительно к специфике профессиональной высшей школы. Панорама представленных статей достаточно разнообразна – от исследования социокультурной проблематики формирования и развития медицинского образования в России до анализа особенностей содержательного и методологического характера в преподавании конкретных предметов. В этой главе стоит, безусловно, выделить статью С.В. Иванова «Медицинское образование в России: история и современность», написанную ярким стилем и с нечасто встречающимся в современной гуманитаристике научным задором. Автор не только исследует исторические этапы развития медицинского образования в России, но и сравнивает две основные традиции – германскую и англосаксонскую, подчеркивая продуманный и чётко выраженный гуманитарный аспект первой в противовес прагматизму второй (англосаксонской), которая сегодня явно задаёт тон в выборе путей развития медицинской (и не только) высшей школы. В статье Б.М. Завьялова «Зачем гуманитаризация медицинского образования?» рассматриваются тенденции развития социально-гуманитарного знания в XX – начале XXI вв. На основе своего исследования автор приходит к трем важным выводам, создающим концептуальную основу для положительного ответа на вынесенный в заголовок вопрос. Во-первых, в практике преподавания необходимо исходить из гуманитаризации социальных наук и социального бытия вообще, во-вторых, и специальные (медицинские) дисциплины должны быть «гуманитаризованы», и, в-третьих, гуманитаризация медицинского образования должна охватывать не только сферу знаний, но и область овладения навыками и приёмами врачевания. Статьи А.Е. Михайлова, В.А. Пилипенко, Н.Д. Найдёнова, А.Н. Петровской и др. исследуют специфику преподавания отдельных гуманитарных курсов в медицинском вузе и представляют безусловный интерес для преподавателей соответствующих дисциплин.

Практически во всех разделах монографии обращается внимание на опасности безоглядной модернизации высшей школы, когда в расчёт не принимаются как сложившиеся на протяжении десятилетий традиции в рамках гуманитарного образования в России (Советском Союзе), так и социокультурный контекст современного российского общества. Эта обеспокоенность разделяется и рецензентом. Монография будет востребована не только профессиональным сообществом преподавателей-гуманитариев, но и, безусловно, равнодушной к проблемам высшей школы значительной частью общества. Данный опыт исследования места и роли гуманитарного образования требует своего продолжения.

*М.Г. Завьялов,
канд. филос. наук*

УДК 78.08:801.81

**Святочная поздравительная поэзия в Фольклорном архиве СыктГУ:
систематический указатель / сост. И.И. Демченко, Т.С. Канева (отв.)**

В работе представлен указатель записей жанров обрядового фольклора, бытовавшего во время Святков (колядок и виноградий), которые хранятся в Фольклорном архиве Сыктывкарского университета. Он построен по жанрово-сюжетному принципу, содержит сведения о сюжетных мотивах, архивных шифрах, местах записи произведений. Предназначен для специалистов по традиционному фольклору.

Ключевые слова: фольклор, жанр, сюжет, мотив, коляда, винограды, архив, систематизация, указатель

We present a pointer records ritual folklore genres, was common in Christmas time (Christmas carols and grapes), which are stored in the Folklore Archive of Syktyvkar State University. It is built on genre-subject principle, provides information about product subject basics, archival code and place of recording. Designed for professionals in the sphere of traditional folklore.

Keywords: folklore, genre, subject, theme, motive, Christmas carol, Christmas grape, archive, organize, index

Настоящий указатель продолжает серию публикаций, посвященных систематическому описанию записей из Фольклорного архива Сыктывкарского государственного университета (далее – ФА СыктГУ)¹. В нем представлены характеристики записей произведений зимнего обрядового фольклора – колядок и виноградий, которые исполнялись во время святочного обхода дворов (в первые дни святков – периода от Рождества Христова, 7 января, до Крещения Господня, 19 января).

ФА СыктГУ построен по локально-региональному принципу, все записи, которые были сделаны на северо-востоке европейской части России (главным образом, в районах Республики Коми и прилегающих к ним районах Кировской и Архангельской областей), сгруппированы в нем по территориальным собраниям;

¹ Фольклорный архив Сыктывкарского университета : опыт научного описания. Вып. 1. Песенный фольклор Печоры: Систематический указатель / сост. Т.С. Канева (отв.), Н.Н. Николаева, О.Г. Шабанова; под ред. А.Н. Власова. Сыктывкар, 2000; Михейченко Н.А. Опыт систематизации материалов по великочетверговой обрядности (вятские собрания ФА СыктГУ) // Комплексное собирание, систематика, экспериментальная текстология : материалы VI Международной школы молодого фольклориста. Архангельск, 2004. Вып. 2. С. 133-141.

всего в архиве сформированы 34 такие коллекции. Тексты названных жанров были выявлены в десяти архивных собраниях: *Великоустюгском* (Великоустюгский р-н, Вологодская обл.), *Верхнетоемском* (Верхнетоемский р-н, Архангельская обл.), *Вилегодском* (Вилегодский р-н, Архангельская обл.), *Койгородском* (Койгородский р-н, Республика Коми, далее – РК), *Коми-Пермяцком* (на момент записи – Коми-Пермяцкий АО, Пермская обл., ныне – Пермский край), *Котласском* (Котласский р-н, Архангельская обл.), *Ленском* (Ленский р-н, Архангельская обл.), *Нарьян-Марском* (Ненецкий АО, Архангельская обл.), *Усть-Вымском* (Усть-Вымский р-н, РК), *Усть-Цилемском* (Усть-Цилемский р-н, РК).

Все представленные в указателе тексты записаны на аудионосители в ходе научных экспедиций сотрудников и студентов СыктГУ, а также в рамках студенческих фольклорных практик в 1980-2000-е гг. (основная часть записей была сделана во второй половине 1980-х – 1990 гг., самая ранняя из представленных записей относится к 1983 г. (см. I.4, 1103), самые поздние – к 2007 г.).

Стоит отметить, что в разных архивных собраниях записи произведений обозначенных жанров представлены неравноценно: самое большое количество текстов выявлено в Усть-Цилемском собрании – около 50, менее чем по десять записей хранится в Вилегодском, Нарьян-Марском, Усть-Вымском собраниях, в остальных коллекциях записи единичны.

Публикуемый указатель относится к указателям жанрово-тематического (жанрово-сюжетного) типа. Первым уровнем деления материала является жанр, соответственно указатель состоит из 2-х жанровых разделов: «Колядки» (I) и «Виноградья» (II). Далее внутри разделов описания произведений представлены по сюжетным типам.

Колядки в записях ФА СыктГУ представлены, главным образом, тремя сюжетными типами: «Хождение Богородицы по церквям» (I.1), «Терем» (I.2) и «Катилась колядица / колесница по полице» (I.3). Кроме того, в раздел I включены описания текстов, также приуроченных к святочным поздравлениям: детские песенки, сюжет которых условно обозначен «Маленький Юльчик» (I.4), и один текст так называемого новогоднего «посевания» (I.5), сопровождавшего осыпание зерном с целью пожелания благополучия. Колядный сюжет «Хождение Богородицы по церквям» был зафиксирован фольклористами СыктГУ на севере рассматриваемой территории – в бассейне реки Печоры (Усть-Цилемский и Нарьян-Марский районы), а также – в единичной фиксации – и на юге (Верхнетоемский район Архангельской области, река Двина). Колядка сюжетного типа «Терем», известная во многих районах России, выявлена в ФА СыктГУ в материалах из районов Вычегодско-Двинского бассейна (Вилегодский, Котласский, в Верхнетоемский районы Архангельской обл., Усть-Вымский район РК). Сюжет колядки, который мы обозначили как «Катилась колядица / колесница по полице», записан собирателями СыктГУ в 2-х территориально близких районах Архангельской обл. (Верхнетоемском и Вилегодском). Колядка «Маленький Юльчик», характерная для детского святочного репертуара, обнаружена в наиболь-

шем количестве архивных собраний (Верхнетоемском, Вилегодском, Великоустюгском, Усть-Вымском и Койгородском).

Святочные величания-виноградья выявлены в пяти собраниях ФА СыктГУ: Усть-Цилемском, Усть-Вымском, Нарьян-Марском, Ленском и Коми-Пермяцком. По сюжетным типам они распределены в основном по классификации А.Н. Розова¹. Виноградье типа «Герем», исполнявшееся для всей семьи (П.1), зафиксировано в одной из печорских традиций (в Усть-Цилемском районе) и в двух соседних традициях бассейна реки Вычегды (в Ленском районе Архангельской обл. и в Усть-Вымском районе РК). Сюжеты виноградий, предназначенных для холостой молодежи, в записях ФА СыктГУ более разнообразны, выделено три типа: «Сборы молодца в церковь» (записано на северо-западе Архангельской обл., П.2) и «Три рыбы» (по одной записи в Ленском и Коми-Пермяцком собраниях, П.3), адресованные юноше («холостые»); величание незамужней девушке («девье») – «Девушка, вышивающая полотно» (записи сделаны на Печоре – в Усть-Цилемском и Нарьян-Марском районах). Виноградье, исполнявшееся для подростков («детское» или «маленькое»), представлено одним сюжетным типом, мы его обозначили как «Девушка идет за водой»; такие тексты также зафиксированы на Печоре – в Усть-Цилемском и Нарьян-Марском районах.

Обобщая репертуар произведений святочной поэзии, выявленный в ФА СыктГУ, можно отметить специфику репертуара отдельных традиций. Так, в Усть-Цилемском районе бытовала колядка «Хождение Богородицы...» и три разновидности виноградий: «семейное», «девье», «детское». Практически такой же репертуар, но исключая величание семье, характерен для соседнего Нарьян-Марского района (нижняя Печора). По два вида виноградий зафиксированы в Ленском районе Архангельской обл. («холостое» «Три рыбы» и «семейное») и на северо-западе области («холостое» «Сборы молодца в церковь» и «девье»); по одному типу виноградий отмечено в Усть-Вымском районе РК («семейное») и в Кочёвском районе Коми-Пермяцкого АО («холостое» «Три рыбы»). Несколько колядок входят в репертуар Верхнетоемского и Вилегодского районов Архангельской обл.

Каждый **сюжетный тип** представлен в указателе по следующей схеме:

- **Основные сюжетные мотивы** и их более или менее типичные реализации (исключение составляет описание единственного текста «посевания» (I.5), который приведен полностью).
- **Архивные собрания**, в которых выявлены тексты данного типа.
- Перечень **архивных шифров** записей с указанием **порядковых номеров** конкретных мотивов, отмеченных в данном тексте, и сведений о месте записи и исполнителе.

¹ Розов А.Н. Песни русских зимний календарных праздников (проблемы классификации колядок) : автореф. дис. ... к. филол. н. Л., 1978. С. 2.

• *Публикации* произведений данного типа из этой же традиции, при этом знаком ◊ отмечена публикация текста из ФА СыктГУ.

• Завершает описание ссылка на *близкие варианты* произведений описанного сюжетного типа из других традиций, выявленные в сборниках русского фольклора (список сокращений раскрывается в конце указателя).

Настоящий систематический указатель предназначен в первую очередь для фольклористов и может быть интересен для сопоставления с подобным материалом из других архивов и регионов.

Святочная поздравительная поэзия в Фольклорном архиве СыктГУ: систематический указатель

I. КОЛЯДКИ

I.1. «Хождение Богородицы по церквям»

1. *Зачин* («Коляда-моляда, отворяй ворота»)
2. *Снегопад* («Снеги на землю падали, перепадывали»; **2а**: «Снеги на землю падали, очи на небо взирали»)
3. *Схождение с небес святых* («Со небёс Христос, со ангелом Гавриилом, со Иваном Богословом / Предтечей»)
4. *Хождение Богородицы по церквям, соби́рание даров, обращение к проповедникам с просьбой «проведа́ть» про Христово Рождество* («Пресвята мати Мария по Божьим церквам ходила, Божьей дани собирала, руки к сердцу прижимала, всем проведчикам сказала: «Вы, проведчики Христовы, вы проведайте про то, про Христово Рождество»)
5. *Приход Рождества* («Прикатилось Рождество к господину под окно»)
6. *Обращение к хозяину дома с просьбой о пробуждении, угощении и снаряжении в дорогу* («Ты вставай, господин, разбужай госпожу, хлебом солью накорми / накормлю, путь дорожку укажи / отряжу»)
7. *Праздничное веселье* («От села до села голова весела, сердце радуется, перерадуется»)
8. *Восхваление хозяйства* (**8а**: *домашней скотинки*: «У нашей матки телятки глады, скачут через грядки, копытцами шелкают, хвостом не задевают»; **8б**: *молочных продуктов*: «Молока густы, сметаны толсты, масла жёлты»)
9. *Просьба о вознаграждении, угощении* (**9а**: «Нам не руб, не полтина, одногривенная, позолоченная, по рюмочке винца, по стаканчику пивца» / «Они просят немножко: не руб, не полтину, одну четвертину...» / «Девушки маленькие, берем помаленьку: не руб, не полтину, одну четвертину...»). Приговоры, бытовавшие самостоятельно, а также завершавшие исполнение коляды и винограды: **9б**: «Пирог да шаньгу, серебряну деньгу / копейку»; **9в**: «Бог спустился с небеси! Хозяйка, шаньгу принеси, денежку – копейку, бумажный рубелёк»; **9г**: «Хозяин, хозяйка! На Божью славу <нрзб>, что Бог послал – то и нам подай!»; **9д**: «Хо-

зьян, хозяйюшка! Подавай хлебушек, не цельшек, не горельшек»; **9е**: «Чего Бог послал, то и нам подай. Дедушка – копеечку, бабушка – шанежку»).

Верхнегоемское собрание

0107-21: №№ **2, 3** («Христос с ангелами пережаживали»), **3, 4** («Христово Рождество по всему миру расцвело») (Горковский с/с, д. Согра, Кокорин Е.Е., 1923 г. р., урожай. д. Монастырь)

Усть-Цилемское собрание

0312-14: №№ **1-8** (Усть-Цилемский с/с, д. Гаревое, Хозяинова М.П., 1910 г.р., Хозяинова П.А., 1906 г.р.)

0323-58: №№ **2-6, 8а** (Пижемский с/с, д. Степановская, Чуркина А.Е., 1907 г.р., урожай. д. Черногорская)

0341-2: №№ **1-3** (Усть-Цилемский с/с, д. Синегорье, Чупрова М.Н., 1918 г.р.)

0341-53: №№ **1-5** (Цилемский с/с, д. Рочево, Осташова А.К., Рочева Н.А., Кузьмина Н.Ф.)

0342-46: №№ **1-7, 9а** (Цилемский с/с, д. Филипповская, Носова М.И., 1925 г.р.)

0343-27: №№ **1, 3, 4, 6, 8а** (Цилемский с/с, с. Трусово, Дуркина К.А.)

0350-27: №№ **1-6, 8а** (Цилемский с/с, с. Трусово, Ермолин В.Н.)

0353-25: №№ **1-7, 8а, 8б** (с. Усть-Цильма, Овчинникова М.Д.) ♦

0387-49: №№ **1-7, 9а** (Пижемский с/с, д. Лёвкинская, Михеева Л.А., урожай. д. Новожиловской)

03110-44: №№ **2, 3, 5, 6, 8а** (Цилемский с/с, с. Трусово, Носова Е.Ф., 1893 г.р.)

03120-9: №№ **1-7, 8а** (с. Усть-Цильма, Носова Ф.С., 1915 г.р.)

03181-33: №№ **5-7, 8а, 8б, 9а, 9б** (Бугаевский с/с, с. Ср. Бугаево, Бобрецова О.Н., 1938 г.р., урожай. с. Хабариха)

03194-21: №№ **5, 6** (Пижемский с/с, д. Скитская, Михеева А.А., 1932 г.р. урожай. д. Левкинской)

03197-59: №№ **1, 3-7, 8а, 8б** (Пижемский с/с, д. Загривочная, Осташова (Носова) А.А., 1937 г.р.)

03230-6, 6а: №№ **1-3** (Цилемский с/с, д. Рочево, Осташова Д.М., 1916 г.р., урожай. с. Трусово)

03231-60: №№ **5, 6, 8а, 8б, 9а** (Цилемский с/с, д. Рочево, Рочева М.П., 1933 г.р., урожай. с. Трусово)

03232-21: №№ **1-6** (Цилемский с/с, с. Трусово, Чупрова Е.И., 1918 г.р., урожай. д. Кривомежной)

03233-10: №№ **1-6, 9в** (Цилемский с/с, с. Трусово, Рочева А.Н., 1925 г.р.), ср. 03233-17

03233-17: №№ **1-6, 8а, 9в** (Цилемский с/с, с. Трусово, Рочева А.Н., 1925 г.р.), ср. 03233-10

03235-36а: №№ **1, 6** (Цилемский с/с, с. Трусово, Ермолина Ф. Ф., 1927 г.р.)

03242-40: №№ 1-7, **8а, 8б** (Цилемский с/с, д. Рочево, Осташова А.К., 1931 г.р., урожай д. Карпушовка)

03246-28: №№ 5-7, **8а, 9г** (Цилемский с/с, с. Трусово, Бобрецова А.В., 1940 г.р., урожай д. Савино)

03248-7а: №№ 5, 6, 2, 3, **9е** (Цилемский с/с, с. Трусово, Бобрецова У.А., 1931 г.р., урожай д. Лёвкинская)

03251-11; 12: №№ 1, 2, **8а, 9д** (Цилемский с/с, д. Филипповская, Дуркина Х.И., 1926 г.р.)

Публикации: Ончуков № 18 [№№ 1 («Коляда, маляда, не подашь пирога – обсеру ворота»), 2-8]. – ПП № 122 [№№ 1-9а], 123 [№№ 1-7]. – РНХУЦ 11 [№№ 1-8]. – ОП № 25 [№№ 1-9б]. – Дети и детство № 511 [0353-25].

Котласское собрание

0636-37: №№ 4 («Рождество, Рождество, прикатило Рождество»), **5** («Хозяин, хозяйка, встречай Рождество, с пивом, вином, со сладким медом») (с. Межог, Межогских Е.М.)

Нарьян-Марское собрание

0706-18: №№ 2а-6, **9а** (Великовисочный с/с, д. Великовисочная, Шаликова Н.С.)

0709-13: №№ 2, 3 (Пустозерский с/с, с. Оксина, Недосекова А.А., 1923 г.р.)

0709-30: №№ 2а, 3, **5** (Пустозерский с/с, с. Оксина, Сумарокова Т.А., 1916 г.р.)

Публикации: Ончуков № 19 [№№ 2а, 3-7, 9а]. – ПП № 287 [№№ 2а, 3-7, 9а].

Близкие варианты: ОПП № 4. – КОиОПВО № 12. – Дуров № 293.

I.2. «Терем»

1. Зачин («Коляда, коляда (пришла коляда) накануне Рождества» / «Коляда, коляда, пресвятая коляда»)

2. Поиск коляды («Мы ходили, мы искали пресвятую коляду»)

3. «Обнаружение» коляды («Мы нашли коляду во (у) Петровом(-а) дворе(-а)»)

4. Описание двора (4а: «На семи столбах, на семидесяти верстах, на каждом столбике по звёздочке, на звёздочке – по кресточке»; **4б:** «Двор – железный тын, у железного тына / среди тына – три терема»; **4в:** «Во Петровом дворе – три терема»)

5. Обитатели теремов: 5а: *Небесные светила в теремах* («Во первом терему – светлый месяц, во втором терему – ясны звёздочки, их деточки, а во третьем терему – красно солнышко»); **5б:** *Хозяин – Адам* («Как во первом терему – сам хозяин во дому, как Адам во раю»)

6. *Благопожелание* («Пожалуйте, хозяин, хозяйюшка, на многие лета, на долгие века!»)

7. *Вознаграждение семейства колядовщикам* (**7а:** «Наш хозяин-господин полтину подарил, хозяйка-госпожа золоту гривну дала, малы деточки – по копейке»; **7б:** «Хозяйка выходила – всем по рубличку дарила, малым деткам – по гривенничку»)

Верхнегоемское собрание:

0107-21: №№ **1-3, 4б, 5а** + I.3 (Горковский с/с, д. Согра, Кокорин Е.Е., 1923 г.р., урож. д. Монастырь)

Вилегодское собрание:

0443-7, 8: №№ **1-3, 4б, 5а** + I.3 (Ильинский с/с, д. Стрункино, Ильина С.П., 1913 г.р.) ∅.

0449-60: №№ **1, 2** (Ильинский с/с, д. Елезово, Сабашникова М.И., 1904 г.р.)

0457-52: №№ **1-3** (Ильинский с/с, д. Берег, Ильина А.А., 1904 г.р.)

0461-22; 22а: №№ **1-3, 4в, 5б, 7б** + I.4 (Фоминский с/с, д. Борок, Тропникова А.Н. 1925 г.р.) ∅.

0479-12: №№ **1, 2, 4б, 5а, 6** (Вилегодский с/с, д. Мышково, Костина М.Н., 1903 г.р.) ∅

Публикации: ТФВ с. 155-156, № 1 [0461-22а], 2 [0443-8], 3 [0479-12].

Котласское собрание:

0643-14: №№ **1-3, 4а, 7а** (Вонгорский с/с, д. Слободка, Иванкина А.М)

Ср.: II.1.

Близкие варианты: МПФ № 1. – МЭМ № 1, 2, 3. – ППЗ № 1, 2, 3. – ТФНО № 281, 182, 286. – МПФЛО № 3, 4, 5, 6. – ОПП № 3. – КОиОПВО № 3, 4. – Тульцева с. 36. – ОП № 7 Новгород., 8 Ярослав., 10 Новгород.

I.3. «Катилась колядица/колесница по полице»

1. *Колядица / колесница катится по полице* («Катилась колесница по (самой) по полице»)

2. *Собирание колесницей «даров» – угощений и денег* (**2а:** «Схватила пирог, шаньгу, пива шайку, медную копейку, грош, вино»; **2б:** «Дам тебе хлеба кусок да денег мешок»)

3. *Обращение к хозяевам с просьбой одарить колядующих* («Хозяин, хозяйюшка, открывайте сундучки, подавайте пяточки»)

4. *Предназначение даров* («Богу на свечки, остатки – нам на калачи, малым ребятам на орешки» / «Вам – на потешки, нам – на орешки»)

Верхнетоемское собрание:

0107-21: №№ **1** (колесница), **2а, 4** (Горковский с/с, д. Согра, Кокорин Е.Е., 1923 г.р., урожай д. Монастырь)

0108-69: №№ **1** (колядица), **26** (Горковский с/с, д. Великая, Пешкова А.М., 1924 г.р., урожай д. Изивера)

Вилегодское собрание:

0443-8: I.2: №№ 1-3, 4б, 5а + I.3: №№ **1** (колесница), **2а, 3, 4** (Ильинский с/с, д. Стрункино, Ильина С.П., 1913 г.р.) ◇

Публикации: ТФВ с. 155, № 2 [0443-8].

I.4. «Маленький Юльчик»

1. Юльчик играет на дудочке («Маленький Юльчик сел на стульчик, в дудочку играет, Христа потешает / поздравляет / поминает»)

2. Просьба о вознаграждении («На повети сундучок, подарите пяточок»)

3. Предназначение даров («Вам – на потешки, нам – на орешки»)

Верхнетоемское собрание:

0107-21: №№ **1** (Горковский с/с, д. Согра, Кокорин Е.Е., 1923 г.р., урожай д. Монастырь)

Вилегодское собрание:

0461-22а: I.2 + №№ **1, 3** + «Денежка – копеечка и руб не мешает» (Фоминский с/с, д. Борок, Тропникова А. Н. 1925 г.р.) ◇. См. I.2.

0461-44б: №№ **1, 3** + «Денежка – копеечка и руб не мешает» (Фоминский с/с, д. Борок, Кондакова О.А., 1902 г.р.) ◇

Публикации: ТФВ с. 155-156 № 1 [0461-22а], 4 [0461-44б].

Усть-Вымское собрание:

1025-2: №№ **1** (без «Христа потешает»), **3** + «Сотвори на многая лета, многая лета, многая лета» (с. Усть-Вымь, Федяева Э.С., 1930 г.р.)

Великоустюгское собрание:

1101-46: №№ **1, 3, 2** («На повети сундучок, подарил пяточок, пирожком да с шанежкой») (Ломатовский с/с, д. Илатовская, Рядовинова Е.К., Попова А.П.)

1103-48: № **1** («... Хозяюшку с хозяином с пирожком да с шанежкой»), **3** (место записи не конкретизировано; ансамбль)

Койгородское собрание

2901-130: №№ **1, 3** (п. Кажым, Забалуева О.П., 1912 г.р.)

Близкие варианты: ОПШ № 10, 12. – ОП № 73. – Калужникова № 3, 5. – КОиОПВО № 38. – ДПФ № 847.

I.5. «Посевание»

Дева Мария по полю ходила,
Бога просила:
«Уроди, Боже,
Пшеницу, всяку пшеницу».
Сею-вею, посеваю,
С Новым годом поздравляю!
Хозяину жить сто лет,
Хозяйке – не болеть!

Вилегодское собрание:

0427-40 (Павловский с/с, д. Залесье, ансамбль)

II. ВИНОГРАДЬЯ

II.1. Для всей семьи («семейное»): «Терем»

1. Хождение виноградчиков по городу, поиск господина двора («Мы ходим – не ходим по нову городу, ищем – не ищем господинов двор»)

2.1. Описание масштабности двора («...высоко на горе, далеко в стороне, на семидесят(и) верстах, на восьмидесят(и) столбах»); **2.1а:** + «Вокруг дома – белокаменная стена, железный тын»

2.2. Описание украшенности двора («На каждом столбичке – по кисточке, на каждой кисточке – по ленточке, на каждой ленточке – по маковке, на каждой маковке по свечке горят, на каждой на свечке – по лампочке» / «на каждой тынинке – по маковке...»)

3. Просьба виноградчиков о разрешении пройти в дом хозяев («Ты позовь, хозяин ко двору придти, на круто крыльцо зайти, по новым сеням пройти, в нову горницу зайти, против грядочки встать, ещё того повыше – против матицы встать...»)

4. Просьба о разрешении спеть виноградье («... нам на лавочку сесть, виноградье спеть, хозяина опеть, хозяйку припеть, малых деточек опеть»)

5. Величание хозяев дома: **5а:** *называние супругов по имени-отчеству*; **5б:** *уподобление членов семейства разным образом*¹: «хозяин – Адам в раю, хозяйка – оладья в меду, деточки – часты звездочки»

¹ Смешанный тип уподобления, в котором соединились образы из разных типов мотива: «Семья в достатке» и «Небесные светила в теремах», см.: Смирнов.

6. Дары от каждого члена семьи: 6а: «Хозяин дарил золотую гривну, хозяйка – бел-круписчатый калач, малы деточки – по копеечке»; **6б:** «Выходил/Выйди государь на красно крыльцо, выносил/выноси золоту гривну виноградчиков дарить... государыня... <дары не названы> малы деточки...»

7. Предназначение даров («Золоту гривну на вине пропьем, бел-круписчатый калач на закуску съедим, те копеечки – на конфеточки»)

Усть-Цилемское собрание:

0307-28: №№ 1-4, **5а, 6а, 7** (с. Усть-Цильма, Рочева П.Ф.)

0308-6: №№ 1-4, **5а, 6а, 7** (без «деточек»), **5б** («деточки – часты звездочки») (с. Усть-Цильма, Чупрова А.О.)

0354-6: №№ 1, 2 («... на каждом столбичке по свечке горят») (с. Усть-Цильма, Булыгина А.Г., 1922 г.р., Булыгин А.И., 1922 г.р.)

0364-6: №№ 3, 4 (с. Усть-Цильма)

0377-43: №№ 1, 2.1, 2.2 (фр.) (с. Усть-Цильма, Торопова М. В., 1914 г.р.)

0381-24: №№ 1-4, **5а, 6а, 7** (с. Усть-Цильма, ансамбль) ◇

0386-39: №№ 1-4, **6а, 7** (Усть-Цилемский с/с, д. Чукчино, Шишелова В.Я., 1925 г.р.)

0387-2: №№ 3, 4, **5б** («Хозяин на дому...», <предполагается завершение сравнения: «... как Адам во раю»>), **6а, 7** (Усть-Цилемский с/с, д. Карпушовка, Шишелова А.Н., Торопова Е.Н.)

0391-53: № 1 (Пижемский с/с, д. Загривочная, Поташова А.И.)

03120-8: №№ 1, 2.1 (с. Усть-Цильма, Носова Ф.С., 1915 г.р.)

03187-67: №№ 1 («по Кремлю-городу»), **2.1** (Пижемский с/с, д. Загривочная, Поташова Е. К., 1908 г.р.)

03220-24: №№ 1 («по Кремлю-городу»), **2.1** (Пижемский с/с, д. Загривочная, Чупрова Е. К., 1908 г.р., Чупров И., 1931 г.р.)

03224-36: №№ 2, 3, **6а, 7** (Цилемский с/с, д. Рочево, Осташова А.К., 1931 г.р., урож. д. Карпушовка)

Публикации: Ончуков № 22 [№№ 1, 2 (+ «на середке стояло три терема»), 5: «небесные светила в теремах» + 5б: «Адам... оладья... дети – оладышки», 3, 4, 6, 7]. – ПП № 126 [№№ 1-4, 5б, 6, 7], 127 [№№ 1-4, 5б <без детей>, 6, 7]. – ТПИ-ФУЦ № 21 [0381-24]. – Смирнов № 4 [№№ 1-4, 5а, 6, 7].

Ленское собрание:

0801-43; 0825-72: №№ 1, 2.1а, 2.2, **6б, 5б** (Сойгинский с/с, д. Ср. Сафроновская (Якимовская), Мисихин Ф.И., 1899 г.р.)

0826-34: № 1 + «Наше виноградье не мало, не велико, в двери не входит, в окошко не шьёт, подворотину метёт» (Слободчиковский с/с д. Вандыш, Бережная Н.Т., 1910 г.р.)

Усть-Вымское собрание:

1006-19: № 1 («Ходим по кремлю городу») + «Как хозяин на дворе, как хозяйка по дворе» <вероятно, фрагмент забытого мотива № 5б> (Гамский с/с, д. Гамлакосм, Минина Н.И., 75 лет, урожай. д. Арабал)

1007-32: №№ 1, 5б (хозяин – Адам), 6а (дары хозяина и хозяйки) (Гамский с/с, д. Пакиб, Адамова Л.С., 1914 г.р., Богомолова А.И., 1903 г. р.) ◊

1008-2: № 1 (с. Усть-Вымь, Поповцева Е.П.)

1025-3: №№ 1, 2 («Господинов двор на восьмидесяти воротах, как вокруг двора вся трава мурава, трава шелковая, цветы лазоревые, как на этих на столбах да всё по маковке») (с. Усть-Вымь, Федяева Э.С., 1930 г.р.)

Публикации: ТНKK № 10 [1007-32].

Ср.: I.1.

Близкие варианты: ППЗ № 8. – ОПП № 1, 2. – ПФМ № 183а, 183в.

II.2. Для юноши («холостое»): «Сборы молодца в церковь»

1. Звон колоколов («У света Михаила Архангела зазвонили часто ранною заутреню»)

2. Пробуждение молодца ото сна, сборы молодца в церковь («Ото сна молодец пробуждается, ключевой водой умывается, тонким белым полотенцем утирается, во козловые сапожки снаряжается, одевает на главу чёрну шляпу пухову. Во Божью церковь отправляется ко правому гласу, по закону Божьему / походит во Божью церковь»)

3. Встреча с суженой («За праву руку берёт свою суженую, свою ряженую, поводит её во Божью церковь / Он и взял-подхватил красну девицу-душу»)

Нарьян-Марское собрание:

0719-45: №№ 1-3 (Канинский с/с, с. Несь, Коткина А.П.)

0722-6: №№ 1-3 (Омский с/с, с. Ома, ансамбль)

Близкие варианты: ОП № 45 Архангельск. – ПФМ № 183г.

II.3. Для юноши («холостое»): «Три рыбы»

01. Просьба о благословлении хозяина на исполнение виноградья («Благослови ты, хозяин, виноградье кликать»)

02. Просьба наградить виноградчиков («Мы немного просим – всё по чарочке, по кружечке, по чашечке, по ведёрочке, по корчаге»)

03. Величание хозяев дома: уподобление небесным светилам («Сам государь как мясочок, государыня его – ясно солнышко, малы дитятки – часты звёздоньки, послужанки – как свечки горят»)

1. **Поход государя на синее море** («Выезжал государь на синё море Хвалынское / по озеру-морию»)

2. **Потеря перстня** («Уронил государь золотой перстень с правой руки»)

3. **Три невода – в море** («Приказал государь три невода отдать, три шелковые (ленск.) / Опустил государь три невода: 1-ый – полушёлковый, 2-ой – чисто шелковый, 3-ий – чисто жемчугом» (коми-перм.))

4. **Три окуня** («Неводили, неводили – ничего не неводили, только выневодили три окуня златопёрые» (ленск.) / «Уловил государь три окуня» (коми-перм.). Первому окуню – сто рублей, второму окуню – тысяча, третьему окуню – цены нет»)

Ленское собрание:

0825-75: №№ 1-4 (Сойгинский с/с, д. Якимовская, Мисихин Ф.И., 1899 г.р.)

Коми-Пермяцкое:

3005-13: №№ 01-03, 1, 3, 4 + «ему будет цена большим ящичком» (Кочёвский р-н, д. Маскаль, Бузинова Н.М., 1928 г.р., Вавилина Е.Е, 1935 г.р.)

Близкие варианты: ОП № 49 Архангельск, 50 Горьковск.

II.4. Для девушки («девьё»): «Девушка, вышивающая полотно»

1. **Чистое поле** («Не во далече-далече, во чистом поле, во раздольице»)

2. **Дерево в поле** («там стояла-постояла берёзка кудреватенькая / яблоня кудревая, под той белой берёзой...»)

3. **Бел-полотняный шатёр** под деревом / в поле («там стоял-постоял бел-полотняный шатёр»)

4. **Столы в шатре** («Во шатру столы дубовы стоят, ножки точеные, позолоченные»)

5. **Девушка в шатре** («За столами красна девица сидит. Она шила-вышивала тонко бело полотно (усть-цилемск.) / шириночки (нарьян-марск.))»)

6. **Картина, вышиваемая девушкой** («В первой угол / во первой раз вышивала красно солнце с моревами, со частыми облаками, на второй угол / во второй раз – светел месяц со лунами, со частыми со звездами, в третий угол / во третьей раз – чисто поле / сыры боры со лесами, со рысучими зверями, со черными соболями, во четвертый – синё море с кораблями / со волнами, с молодыми матрусами, с корабельщиками, во серёдку – Питер-Москву со дворцами, Божью церковь со крестами»; <последовательность изображаемых фрагментов в вариантах различна; в записях из Нарьян-Марского собрания эти фрагменты представлены лаконично, как правило, одним стихом>)

7. **Молодец-охотник** («Тут шел-прошёл удалый/молодой молодец, шёлковой тетивкой подпоясался, драгоценного камня полну пазуху наклал» (нарьян-марск.), / «куницами-лисицами обвешался, черным соболем подпоясался, острым копьём / тросточкой подпирается» (усть-цилемск.))

8. Желание молодца взять в жёны девушку («Небылыми словесами похваляется: Как бы жил, как бы был на другой стороне, эту девицу имярек за себя бы замуж взял, (этой шириночкой усы подтирал: нарьян-марск.), во Божью церковь повёл / зайдем, золоты венцы принял / примем / чуден крест я целовал / веселу свадебку сыграм»)

Усть-Цилемское собрание:

0306-1: №№ 1, 3-6 (три элемента) (Усть-Цилемский с/с, д. Сергеево-Щелье, Поздеева П.В.)

0306-20: №№ 1, 3-6 (три элемента) (Усть-Цилемский с/с, д. Сергеево-Щелье, ансамбль) ◇

0308-7, 7а: №№ 1, 5, 6 (четыре элемента, в четвертый – Божью церковь), 7, 8 (с. Усть-Цильма, Чупрова А.О.)

0338-13: №№ 1, 7, 8 («... взамуж взял») (Новоборский с/с, д. Медвежка, Торопов И.Ф., 1903 г.р., Торопова У.В., 1906 г.р.)

0341-4: №№ 1, 3 (Усть-Цилемский с/с, д. Синегорье, Чупрова М.Н., 1918 г.р.)

0377-44: №№ 1, 3, 5 (с. Усть-Цильма, Торопова М.В., 1914 г.р.)

03242-37: №№ 1, 3, 5 (Цилемский с/с, д. Рочевое, Осташова А.К., 1931 г.р., урож. д. Карпушовка)

Публикации: Ончуков № 21 [№№ 1, 3-6, 8, 7, 8]. – ПП 124 [№№ 1, 3-8], 125 [№№ 1, 3-8]. – ТПФИУЦ № 22 [0306-20].

Нарьян-Марское собрание:

0706-21: №№ 1, 2 (береза), 3-6 (четыре элемента), 7, 8 (Великовисочный с/с, д. Великовисочная, Шаликова Н.С., 1902 г.р.)

0721-21; 22: №№ 1 (+ «на окатинке, на украинке»), 2 (яблоня), 3-6 (три угла, на середке – «церковь с куполами, тундра с оленями») (Омский с/с., с. Ома, ансамбль)

Публикации: Ончуков № 24 [№№ 1, 2 (береза), 3-8].

Близкие варианты: ОП № 62 Архангельск. – ПФМ № 183д.

П.5. Для подростков («детское», «маленькое»): «Девушка идет за водой»

- 1. Дорожка у садика** («Кругом домик кругом сад, есть така дорожка»)
- 2. Девушка у окошка** («Хорошо было сидеть (имярек) у окошка»)
- 3. Девушка идет за водой, беседует с молодцем** («За ключевую водой (имярек) выходила, хороши речи она (молодцу: имярек) говорила / с улыбкою такой с (молодцем: имярек) говорила»)
- 4. Молодец делает предложение выйти за него замуж** («Парень / имярек ей в ответ: Будь моей невестой»)
- 5. Величание девушки** («Сплю я вижу Вас во сне в розовом капоте / в розовой шалюшке, Ваша русая коса убрана цветами, на правой руке кольцо вижу

непростое, во белой руке алмаз, целоваться двести раз» (усть-цилемск.) / «ваша девья красота занята друзьями» (нарьян-марск.)).

Усть-Цилемское собрание:

0302-5: №№ 1-5 (с. Усть-Цильма, ансамбль) ◇

0341-52: №№ 1-4 (Цилемский с/с, д. Рочево, ансамбль)

0377-45: №№ 1, 2 (с. Усть-Цильма, Торопова М.В., 1914 г.р.)

Публикации: ТПФИУЦ № 23 [0302-5]. – Дети и детство № 514.

Нарьян-Марское собрание:

0730-18: №№ 1-5 (Пустозерский с/с, д. Оксино)

Сокращения

Дети и детство – Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева. Сыктывкар, 2008.

ДПФ – Детский поэтический фольклор. Антология / сост. А.Н. Мартынова. СПб., 1997.

Дуров – Дуров И. Святки в Поморье // Архангельск. 1910. № 293.

Калужникова – Калужникова Т.С. Традиционный русский музыкальный календарь Среднего Урала. Екатеринбург, 1997.

КОиОПВО – Календарные обряды и обрядовая поэзия Воронежской области / сост. Т.Ф. Пухова, Г.П. Христова. Воронеж, 2005.

МПФ – Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области: в записях 1970-1980 гг. / сост. В.А. Лапин. Вып. 2. Л., 1989.

МПФЛО – Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области: в записях 1960 – 1980 гг. / сост. В.А. Лапин. Вып. 2., перераб. и дополн. СПб., 2008.

МЭМ – Румянцева А.Е., Молчанова Т.С. Мы ходили искали святую коляду : музыкально-этнографические материалы по Рождеству и Святкам в Петербургской губернии. СПб., 2005.

Ончуков – Ончуков Н.Е. Печорские стихи и песни. СПб., 1908.

ОП – Обрядовая поэзия / сост. В.И. Жекулина, А.Н. Розов. М., 1989.

ОПП – Обрядовая поэзия Пинежья (Русский традиционный фольклор в современных записях) / под. ред. Н.И. Савушкиной. М., 1980.

ПП – Песни Печоры / изд. подгот. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, Ф.В. Соколов. М.; Л., 1963.

ППЗ – Песни Псковской земли : календарно-обрядовые песни (По материалам фольклорных экспедиций ленинградской консерватории) / сост. А. Мехнецов. Вып. 1. Л., 1989.

ПФМ – Песенный фольклор Мезени / изд. подгот. Н.П. Колпакова, Б.М. Добровольский, В.В. Митрофанова, В.В. Коргузалов. Л., 1967.

РНХУЦ – Русский народный хор села Усть-Цильма: грампластинка. «Мелодия», 1973.

Смирнов – Смирнов Ю.И. Колымское виноградьё // Русский фольклор Сибири : элементы архитектоники. Новосибирск, 1990.

ТНKK – Традиционный народный календарь коми: Материалы / сост. В.В. Филиппова, Т.С. Канева. Сыктывкар, 2002.

Тульцева – Тульцева Л.А. Рязанский месяцеслов. Круглый год праздников, обрядов, обычаев и поверий рязанских крестьян. Рязань, 2001.

ТФВ – Традиционный фольклор Вилегодского района Архангельской области (в записях 1986-1991 гг.). Исследования и материалы / отв. ред. А.Н. Власов. Сыктывкар, 1995.

ТПИФУЦ – А в Усть-Цильме поют. Традиционный песенно-игровой фольклор Усть-Цильмы / подготовка текстов и коммент. З.Н. Бильчук, А.Н. Власова, А.Н. Захарова, Т.С. Каневой. СПб., 1992.

ТФНО – Традиционный фольклор Новгородской области (по записям 1963 – 1976 гг.). Песни. Причитания / сост. В.И. Жекулина, В.В. Коргузалов, М.А. Лобанов, В.В. Митрофанова. Л., 1979.

Рукописные сборники печорского старообрядца С.А. Носова: сборник № 10*.

Степан Анфиногенович Носов (или Анхеныч) (1902-1981) – последний на Печоре переписчик старинных рукописей и оригинальный религиозный писатель. Дома он имел небольшую коллекцию рукописных и старопечатных книг, в основном – изданий Преображенской типографии конца XIX – начала XX вв. Однако помимо собирания и хранения печатных книг С.А. Носов сам переписал, составил и переплел 28 рукописных сборников (он называл их «книгами»). В настоящее время в Отделе рукописной и редкой книги Научной библиотеки СыктГУ хранятся пять сборников С.А. Носова, описание трех из них опубликовано [2. С. 205-215, 232-239]. Летом 2007 года дочь С.А. Носова, Роза Степановна, прислала нам диск DVD, на котором отсканированы еще 11 сборников из ее личной библиотеки. Однако о судьбе 12 сборников нам в настоящее время ничего не известно, и хотелось бы верить, что они до сих пор находятся в обращении, а не погибли после смерти их владельцев [4. С. 4-18].

Сборники предоставляют уникальную возможность не только заглянуть во «внутренний мир» пишущего старообрядца, но и ознакомиться с самим процессом работы: узнать, какими книгами (религиозными и светскими) он располагал, понять, как происходил процесс отбора и накопления материалов для сборников, с кем и по каким поводам он общался и какие вопросы (догматические и житейские) его интересовали.

С.А. Носов самостоятельно освоил все виды работ, связанных с книгой: он не только переписывал тексты, но и художественно оформлял рукописи заставками, переплетал их, а также реставрировал свои и чужие книги. Эти сборники, как правило, имели формат в восьмерку или четверку, объем 130-200 листов из школьных тетрадей. Оформлены сборники крайне небрежно, в некоторых из них даже края книжных блоков обрезаны неровно или не обрезаны совсем. В поздних сборниках (1970-е гг.) тетради изготавливались из листов одного формата, т.к. С.А. Носов покупал готовые наборы почтовой бумаги, на этой бумаге он и пись-

* Исследование проводилось при финансовой поддержке гранта РГНФ 13-14-11002 а(р). Региональный конкурс «Русский Север: история, современность, перспективы». Темы и сюжеты древнерусской и старообрядческой литературы в осмыслении печорских крестьян.

ма писал, и делал заготовки для сборников. Листы выравнивались, из них составлялись тетради, затем тетради переплетались. Материалом для переплетов для сборников С.А. Носова чаще всего служил картон, который он обтягивал цветной бумагой, тканью, клеенкой или фольгой от чайных упаковок, а корешок чаще всего изготавливался из материи. На верхнюю крышку переплета книжник наклеивал бумажный ярлычок с порядковым номером сборника.

По своему назначению содержание большей части сборников традиционно для позднего старообрядчества: тексты, содержащиеся в них, должны были разъяснять основы христианского вероучения и специфику старообрядческих воззрений, указать путь к спасению и предостеречь от искушений, рассказать о разновидностях грехов и о каре за каждый из них, о конце света и о приметах, свидетельствующих о его неизбежном приближении, о бранобритии, курении табака, винопитии и т.п. Практически всегда С.А. Носов указывает на источник, из которого им взят тот или иной текст или сделана та или иная выписка.

Объем текстов, входящих в состав сборников, мог быть разным. Некоторые сборники по обилию и разнообразию тем больше похожи на книги для памяти, на своеобразные справочники, в которых, правда, не просматривается никакой внутренней связи: они составлены из мелких выписок (от 1-2 строк до 1-2 страниц) на самые разные темы. Это и разрозненные факты из Ветхого Завета, Священной истории и из истории России, и дни церковных праздников по церковному календарю и по календарю современному, и дни памяти святых, и десятки самых разных цитат из богослужебных текстов и из мирских книг, и т.д. В каждом сборнике есть выписки из Апокалипсиса, Ветхого Завета, Апостола, Евангелий, Кормчей, из Прологов, из имевших широкое распространение в старообрядческих кругах сборников «Щит веры» и «Правая вера». Носов прекрасно ориентировался в этих сложных и объемных книгах и постоянно на них ссылался, причем всегда к месту. Есть в сборниках Носова и другие объемные тексты или пространственные выписки из житий. Так, например, в сборниках № 3 и 5 помещены подборки текстов о преподобном Макарии. Достаточно много в сборниках и выписок из Жития Андрея Уродивого, из слов Максима Грека, из широко распространенного среди старообрядцев сборника поучительных повестей «Великое зеркало». По разнообразию источников и по количеству тем находящихся в них текстов сборники Носова можно считать универсальными.

Особое место в сборниках С.А. Носова занимают подборки материалов по истории старообрядчества. Отметим, что, несмотря на значительную удаленность с. Бугаево, в котором проживал печорский книжник, от центра, он находил возможность читать не только религиозные книги, в изобилии представленные в книжных собраниях земляков, но и редкие научные издания XIX века по истории старообрядчества.

Непререкаемым авторитетом в вопросах веры для печорского книжника был знаменитый идеолог старообрядчества протопоп Аввакум. Практически в каждом сборнике есть и краткие, и достаточно объемные выписки о нем из светских книг и исследований по истории старообрядчества. Напомним, что С.А. Носов

был знаком с известным исследователем старообрядчества и древнерусской книжности В.И. Малышевым, переписывался с ним, у него была книга В.И. Малышева «Усть-цилемские рукописные сборники XVI-XX веков», на которую он неоднократно ссылался и из которой переписал в сборник № 10 «Повесть о самоожжении в Мезенском уезде в 1743-1744 гг.» [2. С.186-189].

Источником большей части подборок материалов по истории старообрядчества и об Аввакуме был «Старообрядческий календарь», и каждый раз, когда Носов приводит эти выписки в своих сборниках, он указывает и источник, которым пользовался при сборе материалов на данную тему. Внешний вид сносок, которые делал С.А. Носов в своих сборниках, вполне научный. Он не забывал указывать ни полное название издания, из которого брал фактический материал, и указать страницу, на которой был помещен данный фрагмент. Примером может послужить подборка выписок из сборника № 10. Приведем полностью небольшой фрагмент из сборника: «Календарь 1970 стр. 47. Начало: «300 лѣтъ назадъ 14 апреля 1670 г. в далѣкомъ Пустозерскѣ (при устье реки Печоры) на берегу Ледовитого океана состоялась публичная казнь начальных отцевъ и страдальцевъ за древлеправославие...». Конец: «1 и 2 «Пустозерские сборники», «Протопопъ Аввакумъ» проф. А.К. Бороздина, стр.164. СПб. 1900 г.; А.Н. Робинсон. «Жизнеописание Аввакума и Епифания». стр.48 М., 1963; «Старообрядческий календарь» 1969 г. стр. 163-167».... 1 сентября 1669 г. Начало цитаты: «Союзникъ Аввакума по темничному сидѣнню дияконъ Феодоръ написалъ письмо многострадальной страсотерпице Настасье Марковнѣ (женѣ протопопа Аввакума)...». Конец цитаты: «Я.Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества стр. 67-70. 1912 г. «Старообрядческий календарь. 1969 г. стр.88» [5. Л.55-56].

Из цитат, или «выборок», как их называл сам С.А. Носов, он составил и неоднократно дублировал в разных сборниках своего рода компилятивную «биографию» Аввакума, в которой факты, почерпнутые из «Старообрядческого календаря» за 1969 год, по истории старообрядчества чередуются с полюбившимися печорскому старообрядцу лирическими пассажами из «Жития» самого Аввакума. Особый интерес в плане использования источников представляет сборник № 10: в нем сначала идут выписки из «Старообрядческого календаря» за 1969 год, по истории старообрядчества, а за ними – отредактированный С.А. Носовым список (возможно, даже редакция) «Жития» протопопа Аввакума по печатному изданию этого текста [1], после текста «Жития» – послание Аввакума царю Алексею Михайловичу, тоже из «Старообрядческого календаря» за 1969 г. «Житие» воспроизводится не с самого начала, а с эпизода, в котором рассказывается о ночном молении Аввакума после того, как на исповедь к нему приходила блудница [5. Л. 15-53].

Безусловно, сборники С.А. Носова нельзя назвать оригинальными произведениями, поскольку большая часть содержащихся в них текстов – это выписки из известных богослужебных и четых книг, и намного реже – полные тексты известных произведений средневековой религиозной литературы. Но обилие и раз-

нообразии книг, цитируемых печорским книжником второй половины XX века, свидетельствует о значительной (для старообрядца второй половины XX в.) грамотности и начитанности. С.А. Носов свободно ориентируется в сложной догматической литературе, в произведениях отцов церкви, отдавая предпочтение, как и все старообрядцы, эсхатологическим сочинениям. Все приведенные выше материалы характеризуют С.А. Носова как своеобразного просветителя не только близких ему людей, но и людей совсем незнакомых, как духовного отца и наставника, помогающего землякам и словом, и делом, как идеолога самой «народной» ветви русского православия, как переписчика и морализатора, «духовного отца», учителя и проповедника.

1. «Житие Аввакума имъ самимъ написанное» / под ред. Н.С. Тихонравова. М., 1861.
2. Малышев В.И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI-XX веков. Сыктывкар, 1960.
3. Памятники письменности в хранилищах Коми АССР : каталог-путеводитель. Сыктывкар, 1989. Ч. 1. В. 1. Рукописные собрания Сыктывкарского государственного университета. Это сборники из Усть-Цилемского собрания У-Ц. р. №№ 138, 140, 196. В библиотеке СыктГУ находятся еще два аналогичных по содержанию и оформлению сборника: У-Ц р. № 250 и У-Ц р. № 251, описание которых не издано.
4. Печорский старообрядческий писатель С.А. Носов: видения, письма, записки / подгот. текста, вступит. статья и примеч. М.В. Мелихова. М., 2005.
5. Сборник С.А. Носова № 10.

Книга 10. Сборник рукописный, 8°, 240 л., переплет – картон, обклеенный серой бумагой, корешок матерчатый, прошит снизу черными нитками. На верхней крышке переплета по центру – бумажная прямоугольная наклейка с надписью печатными буквами «Книга (десятая)». Текст написан чернилами разных цветов, перьевой и шариковой ручкой, карандашом, на бумаге разного качества (листы из школьных тетрадей в клетку, линейку, косую линейку, бумага желтая оберточная или из почтовых наборов, края неровно обрезаны). Авторская нумерация сборника начинается с третьего листа, который идет под № 1, номера страниц написаны цифирью карандашом в правом верхнем углу.

Подражание печатным буквам, заголовки в большей части текста написаны красными чернилами. На нижней крышке переплета запись скорописью: «Прочла 23 дек. 2003 г. Прочла 1 октября 2005 г.». Подпись неразборчива, видимо, Р.С. Носовой.

Л. 1 а – Оглавление. Нач.: «Указание словъ в книзѣ сей. Краткое содержание».

Л. 2 а – чистый.

Л. 1 – Книга Кирила Иеросалимского 9-е послание Мелетиево глава 45 лист 500. Нач.: «Во единѣй же точию истиннѣй вѣрѣ от начальника и совершителя ея Господа нашего Иисуса Христа преданѣй из Иеросалима от божественныхъ ученикъ...». Конец: «Отвѣтъ. Слыши Павла иже ко ефесеомъ во своемъ послании глаголюща единъ Господь едина вѣра едино крещение единъ Бог Отець всемъ иже надо всѣми и от всѣхъ и во всѣхъ насъ».

Л. 6 – чистый.

Л. 7 – «Цѣлебник», киим святымъ даны благодать, каковыя благодати исцѣления от Бога даны и когда память ихъ. Нач.: «О прозрѣнни ослѣпшихъ очесь молитися пресветѣй Богородицы Казанской июля 8». Конец: «От скорби и печали от оклеветания пресвятѣй Богородицѣ всѣмъ скорбящимъ радость октября 24».

Л. 9 – Книга Лѣствичникъ глава 39. Нач.: «Мнози убо звании мало же избранных и не убоимся рече врагъ нашихъ бѣсовъ яко лице души наша видять...». Конец: «...абие отходят от насъ борющемся рече со всѣмъ усердиемъ, ниже дияволъ, ниже человекъ бореть».

Л. 9 об. – 40 глава. Нач.: «Христось бо рече и благо и время легко нарицаеть...». Конец: «... наше бо житие на небесѣхъ есть Господу рекшу: «Иже всѣхъ не отречется своихъ не может выти мой ученикъ».

Л. 10 – Выборки о жизни протопопа Аввакума, 1621-1682 годъ. Нач.: «Прошло три столетия, и все еще не угасаетъ интересъ в старообрядствѣ и в кругахъ ученыхъ к жизни и дѣятельности крупнейшаго писателя Древней Руси 17 вѣка...». Конец: «Л.С. Михайловъ. Старообрядческий календарь 1969 г. стр. 166.

Л. 15 – По записи из жития Аввакума. [Житие протопопа Аввакума] Нач.: «Плакався во своей избѣ пред образомъ Господнимъ, яко и очи опухли...». Конец: «Житие Аввакума, имъ самимъ написанное, издано под редакциею Н.С. Тихонравова, издание Д.Е. Кожанчикова. 1861 г.»

Л. 53 – Старообрядческий календарь 1969 г. стр. 88. Нач.: «В памятно датѣ сказано 1 сентября 1669 г. протопопъ Аввакумъ написалъ царю Алексею Михайловичу из Пустозерска...». Конец: «...и любезно мнѣ на земли лежать и свѣтомъ одѣяну и небомъ покрыту быть небо мое и земля моя и свѣтъ мой».

Л. 54 – Календарь 1970 стр. 47. Нач.: «300 лѣтъ назадъ 14 апреля 1670 г. в далѣкомъ Пустозерскѣ (при устье реки Печоры) на берегу Ледовитого океана состоялась публичная казнь начальныхъ отцевъ и страдальцевъ за древлеправославие...». Конец: «1 и 2 Пустозерские сборники», Протопопъ Аввакумъ. Проф. А.К. Бороздина, стр.164. СПб. 1900 г.; А.Н. Робинсон. Жизнеописание Аввакума и Епифания. стр.48 М., 1963; Старообрядческий календарь 1969 г. стр. 163-167».

Л. 56 – 1 сентября 1669 г. Нач.: «Союзникъ Аввакума по темничному сидѣнию дьяконъ Феодоръ написалъ письмо многострадальной страстотерпице Настасьѣ Марковнѣ (женѣ протопопа Аввакума)...». Конец: «Я.Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества стр. 67-70. 1912 г. (Старообрядческий календарь. 1969 г. стр.88).

Л. 57 – Старообрядческий календарь. 1967 г. стр.50. Нач.: «13 мая 1667 г. церковный соборъ в Москвѣ вынесъ окончательное решение об участии старообрядчества. До того вызывали отдѣльныхъ руководителей старообрядчества и в случае упорства предавали анафеме...». Конец: «Проф. Н.Ф. Каптеревъ. Патриарх Никонъ и царь Алексей Михайловичъ Т.1. Стр. 448. Сергиев Посад, 1909 г.».

Л. 58 – Календарь 1968 г. стр. 75. нач.: «28 сентября 1738 г. в дополнение к указу 21 марта 1736 г. было издано строгое предписание «Следить за тайнымъ расколомъ» и за наложениемъ двойного оклада с зарегистрировавшихся старообрядцевъ...». Конец: «...потаенныхъ раскольниковъ в домъ свой не принимать и противныхъ правому мудрованию книгъ как печатныхъ такъ и письменныхъ отнюдь у себя держать. Проф. П. Смирновъ. Христианское чтение. Стр. 112-128.»

Л. 58 об. – Календарь 1968 г. стр. 75. Нач.: «28 сентября 1738 г. в дополнение к уезу 21 марта 1736 г. было издано строгое предписание следить за тайным расколом и за наложением двойного оклада...». Далее: выписки из указов от 2 марта 1718 г., 15 мая 1722 г., 16 июня 1728 г.

Л. 59 – календарь 1970 стр. 36. Нач.: «Холмогорский архиепископ Варнава сообщил Синоду, что много старообрядцев проживает в «черном диком лесу» верстах в 15 от деревни Шалимовой, наставник Максим Васильев...». Конец: «Д.И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе. Стр. 55. М., 1889.

Л. 59 об. – Стр. 24 календарь 1970 г. Нач.: «15 января 1725 г. правительствующий Синод опубликовал «Уведомление» к старообрядцам, которые сами себя сожигают. Как то недавно в Сибири в Ишимской волости Тобольского края и на Двине случилось...». Конец: «Д.И. Сапожников. Самосожжение в русском расколе. стр. 52. М., 1889 г.

Л. 60 – В 1685 г. царевной Софией при участии патриарха Иоакима был издан указ из 12 статей. Указ предписывал...». Конец: «Ясевич-Бородаевский В.И. Борьба за старую веру. Стр. 316. СПб., 1912».

Л. 60 об. – Календарь 1970 г. стр. 30. 6 февраля 1670 г. (300 лет назад). Нач.: «На сырной неделе в ночь был схвачен в Москве соборным попом Петром со многими служивыми людьми иноком Авраамий...». Конец: «В 1671 г. его сожгли в Москве на «Болоте», яко в некоей печи древняго благочестия всесладчайший хлбб огнепалением испекшее».

Л. 61 – Старообрядческий календарь 1965 г. стр. 56. Нач.: «Лета 7173 (1665) августа в 21 день по указу государеву было повелено сыну боярскому Михаилу Онучину ехать ему от Москвы до Вологды...». Конец: «2 января 1670 г. Григорий (Иван) Неронов предаде святую свою душу с миром Богу (Житие Григория Неронова)».

Л. 61 об. – Старообрядческий календарь 1966 г. стр. 28. Нач.: «В списке старообрядцев, привлеченных к суду на собрание 1666 г. указан старец Ефрем (во иночестве – Спиридон) Потемкин, пострижник Бизюкова монастыря Дорогобужского уезда...». Конец: «Келию Потемкина сожгли (Субботин. Материалы по истории раскола. Т.1. Стр. 444).

Л. 62 – Старообрядческий календарь 1965 г. стр. 78 памятная дата. Нач.: «2 ноября 1666 г. скончался архимандрит Покровского монастыря в Москве Спиридон Потемкин...». Конец: «И во убогой келиице нищету и скудость терпя всерадостно преставися в лето 7173 месяца ноября во второй день».

Л. 62 об. – 9 декабря 1665 г. Нач.: «Шель допрос в Москве диякона Благовещенского Собора в Кремле Феодора Иванова, допрашивал его сам митрополит Сарский Павел...». Конец: «Материалы для истории религии. Субботина т. 1. стр. 403 календарь 1965 стр. 85».

Л. 63 – 20 апреля 1668 г. был послан в Пустозерск Феодор диякон, но он продолжает рассылать «послания христианом» подобно Аввакуму...». Конец: «Проф. Бороздин. Протопоп Аввакум. стр. 140-141. СПб. 1900. Календарь 1968 г. стр. 39».

Л. 63 об. – Нач.: «Никита Добрынин был ревностным защитником древлеправославия. В течении семи лет он изучал сличал разные сборники и церковно-богослужбные книги...». Конец: «Ив. Румянцев, Н.К. Добрынин-Пустосвят. 1916 г. стр. 326. Календарь 1965 г. стр. 84».

Л. 64 об. – Старообрядческий календарь 1965 г. стр. 31. Нач.: «В памятной дате пишется: 17 апреля день преставления преподобного отца Зосимы игумена Соловецкого

чюдотворца...»). Конец: «Затем, осенивъ себя крестнымъ знаменем, предаль духъ свой Господу Богу 17 апреля 1438 года».

Л. 65 – Календарь 1966 стр. 32. Нач.: «Множество исцелений и другихъ благодатныхъ знамений доказали святость преподобнаго...». Конец: «Изображение преподобнаго Зосимы и 16 клеймъ на надгробии с резбой находится в Третьяковской галерее (см. снимок на стр. 34).

Л. 65 об. – чистый.

Л. 66 – Календарь 1968 г. Нач.: «17 июля 1628 г. скончался игумень Соловецкой обители Иринархъ. С 1614 г. он управляль обителью...». Конец: «В 1640 г. калязинский игумень Иларионъ написалъ Житие игумена соловецкаго Иринарха, отметивъ сънисходительную кротость Иринарха в отношении к другимъ и строгость к себѣ».

Л. 66 об. – Календарь 1966 г. стр. 21 (дата) 14 февраля 1666 г. иноками Соловецкаго монастыря была отправлена первая челобитная царю Алексею Михайловичу о вѣрѣ православной от имени цѣлаго монастыря...». Конец: «В 1640 г. калязинский игумень Иларионъ написалъ «Житие» игумена соловецкаго Иринарха, отметивъ сънисходительную кротость Иринарха в отношении к другимъ и строгость к себѣ».

Л. 67 – Субботин. Материалы по истории раскола. Т. 3. стр. 47. Нач.: «4 октября 1666 г. архимандритъ Сергии прибыль в Соловецкии монастырь. В тот же день все братия были созваны в главныи храмъ Преображения Господня...». Конец: «Это событие отображено на картине С.Д. Милорадовича. (см. снимок фото). Картина хранится в Третьяковской галерее в Москвѣ».

Л. 67 об. – Календарь 1967 г. стр. 25. Нач.: «В январе 1667 г. неспокойно было в Соловецкомъ монастырѣ несмотря на всѣ увѣщевания архимандрита Сергия монахи отказывались принять новышества...». Конец: «Субботинъ. Материалы по истории раскола. Т. 3. стр. 185».

Л. 68 об. – Календарь 1967 стр. 75. Нач.: «14 сентября 1667 г. в Соловки прибыль из Москвы архимандритъ Иосифъ, назначенный архимандритомъ в Соловецкий монастырь вмѣсто Варфоломея...». Далее выписки с с.84, 97. конец: Очерки истории СССР. XVII в. стр. 323 АН СССР. М. 1955.

Л. 70 – Нач.: Календарь 1969 стр. 54. Нач.: «3 мая 1669 г. к архимандриту Иосифу послана царская грамота чтобы онъ в Сатскомъ острогѣ и во всѣхъ усольяхъ приказнымъ людям велель учинить заказъ крпкой чтобы из мѣсть никакие люди въ Соловецкии монастырь отнюдь не ездили...». Конец: «И.Я. Сырцовъ. Возмущение Соловецкихъ монаховъ. Стр. 263 и 265».

Л. 70 об. – стр. 24 Календаря 1969 г. Н.А. Волоховъ. Нач.: «Из Сумскаго острога. Послалъ с предложениемъ стрельца к монахамъ принести добровольно покорность царю...». конец: «И.Я. Сырцов. Возмущение Соловецкихъ монаховъ-старообрядцевъ. стр. 262. Кострома 1888 г.»

Л. 71 – Челобитникъ соловецкихъ отцевъ листъ 39 по 47 воспоминается. Нач.: «Егда воевода Мещериновъ на взятие монастыря приступаше тогда на Москвѣ государь царь телесною болѣзнию объемлется...». Конец: «Соловецкие отцы пострадали в лѣто 7184 генваря 29 в субботу мясопустную поутру во исходъ нощи в началѣ дня от мещерскаго во обстоянии быша 7 лѣтъ и болѣе».

Л. 72 – В Архангельской губернии в Мезенскомъ уездѣ содѣяся в нынѣшнѣмъ 7252 году. Нач.: «Окладниковой слободки черносошной крестьянинъ Артемии Ванюковъ шедъ на Холмогоры зговоряся со архиепископомъ и с новолубители или самъ умысли в сердца своемъ злое лукавство...». Конец: «По помяннику мужеска пола 33 человекъ во

главѣ с наставникомъ Иваномъ Акиндиновъ, женска пола 45 человекъ. Возглавляла ихъ инокиня Александра, наставница женской половины скита. Она была родная сестра Акиндинова Ивана.

Список «Повести о самосожжении в Мезенском уезде в 1743-1744 гг.» по книге: Мальшева В.И. Усть-цилемские рукописные сборники XVI-XX вв. Сыктывкар, 1960. С.186-189.

Л. 80 об. – Краткие выписки из Лествичника о молитве с толкованиями.

Л. 82 – Краткие выписки из Апокалипсиса, стихи 1, 3, 7, 8, 9 и др.

Л. 84 – Толковое Евангелие от Луки зач. 87. Нач.: «Яко же бысть во дни Ноевы, тако будет во дни Сына Человеческа ядяху, пияху, женихуся...». Конец: «В толковании глаголется: «Яко антихристу пришедшу безмѣстными сластями обложении будутъ человецы... Будутъ бо тогда человецы во всякой пищи. Якоже и при Нои. Ничтоже зла не чають, но и не вѣрують еже имъ кто о какомъ чемъ случится лаголетъ якоже и при Нои и Лотѣ».

Л. 84 об. – Евангелие от Матфея зачин 102. Нач.: «Якоже бысть во дни Ноевы, тако будет и пришествие Сына Человеческаго якоже бо бяху во дни прежде потопа...». Конец: «Обаче внезапно придетъ день скончания являетъ же яко антихристу пришедшу сласти похотныя умножатся в чelовѣцехъ и напиткия и браки безсрамно уклонятся якоже и при Нои исполни».

Л. 85 – В Книгѣ о вѣрѣ в главе 20 писатель пишетъ. Нач.: «Еже истинныи Иоаннъ евангелистъ во Апокалипсисѣ пишетъ о связании сатаны на тысящу лѣтъ...». Конец: «Аще кто достигнетъ тѣхъ времен на брань съ самими дияволомъ. До здѣ изъ Книги о вѣрѣ. Поморскимъ ответы. Отвѣтъ 106.

Л. 86 – В книге Поморские отвѣты пишется в отвѣтъ 106 сие. Нач.: «Тѣмъ же видится писатель сей разумѣвая содѣявшееся развязание дияволе...». Конец: «...да сподобитесь убѣжати всѣхъ сихъ хотящихъ бытии и стати предъ сыномъ чelовеческимъ. Лука глава 21 (Поморский отвѣтъ 106)».

Л. 88 об. – Лѣствичникъ. Продолжение главы 213. Нач.: «Понеже святы нужныя в житии семь потребы богословнѣ творяху в коемъ бо помыслѣ рекоша отцы обрящется умъ ...». Конец: «...яко ничтоже бо можетъ угаитися от Бога даже и до тонкаго помышления сердечнаго».

Л. 89 – Святой мученикъ Ипполит в словѣ толкования пророка Даниила пишет: Нач.: «В самомъ дѣлѣ если дияволъ на короткое время получилъ власть возмутитъ землю...». Далее ссылки на Евангелие от Матфея (стихи 28, 18, 7), Марка (8, 38), Апокалипсис (стих 160). Конец: «И дана бысть ему брань творити со святыми и побѣдити я».

Л. 89 об. – чистый.

Л. 90 – таблица «О вселенскихъ соборахъ святыхъ отецъ» (указаны место, даты от создания мира и от рождества Христова, время от собора до собора).

Л. 90 об. – Апокалипсисъ указания главы и стихи о антихристѣ и послѣднѣмъ времени».

Л. 91 – Нач.: «А будетъ такъ и не учинитца, тако глаголетъ Духъ Святой, пострадать будетъ и намъ, яко же и грекомъ. А потомъ варваръ попуститъ и на самую превую блудницу, еже есть костель римской...». Конец: «Папа римский воръ начальной, а по немъ патриархъ русскій, да много ихъ от Христа оттекаша».

Выписки из письма Аввакума царевне Ирине Михайловне Романовой. См.: Житие протопопа Аввакума, им самим наисанное, и другие его сочинения / Подгот. текста, составление, вступит. статья и комментарии Н.С. Демковой. СПб., С.208.-209.

Л. 92 – Краткие выписки из толкового Евангелия.

Л. 94 – Книга Житие Андрея Блаженного глава 65 о безстудной и беззаконнѣй женѣ. Нач.: «Да востанетъ жена мондана (так!) от понта царствовати начнетъ во градѣ семь и будетъ буява дьявола дщи потворница...». Конец: «...еже Господь Иисусъ Христосъ рекль есть выти (так!) начало болѣзнемъ мимошедшу же цареву граду тому и царству языческому здѣся кончина успеваеся».

Л. 96 – глава 44. Отвѣтъ блаженного Андрея о душе и другие к Епифану. Нач.: «Душе даль есть Богъ силу животворити тѣло и правити и цвѣсти и покоити теплоты ради...». Конец: «Отвѣтъ: Святые же рече мамона есть хищникъ или мытарь или обидникъ яко поядающе дома вдовиць и сиротъ не по правдѣ но насилиемъ и мамона есть обидникъ демонъ иже приставленъ к сей злобѣ».

Л. 97 – Вопрос. Нач.: «Епифании же рече: «Рцы ми глубже, что есть вѣчный состав. Отвѣтъ. Святый же рече: Еже не оскудѣти временемъ и лѣтомъ, но бытии имъ безпрестани...». Конец: «...безъ конца и вѣкъ и проходимъ бывая на непроходимая жилища отнюдь».

Л. 102 – О второмъ пришествии Христовѣ. Вопросъ: «Рече к нему Епифанъ: «Что нарицается ад? Отвѣтъ: Святый же рече: Адъ – пленение всѣхъ человекъ...». Конец: «Отвѣтъ: «Святый же рече: «Мамона есть хищникъ или мытарь или обидникъ, яко падающее дома вдовиць и сиротъ не по правдѣ, но насилиемъ и мамона есть обидникъ демонъ, иже приставленъ к сей злобѣ».

Л. 106 – Из книги Андрея Цареградскаго глава 46. Нач.: «Жена нѣкая пригласи волшебника в домъ свой и не знаяше о немъ яко от дьявола он творить». Конец: «И внезапно бысть шумъ с небесе свѣтъ и молния разгна вся бѣсы и воплями лютѣ намъ». Конец: «...и внезапно бысть шумъ с небесе, свѣтъ и молния разгна вся бѣсы и воплями лютѣ намъ».

Л. 107 – Краткие выписки из толкового главы Апокалипсиса, главы 30, 44.

Л. 108 – Книга Правая вѣра глава 30 пишется: Нач.: «Всегда всѣмъ вѣрнымъ подобаетъ имѣти прежде бывшия вины и сему внимати, яко по тысящи лѣтъ от воплощения Божия слова Римъ отпаде со всѣми западными странами от восточныя церкви...». Конец: Книга о вѣрѣ лист 28 и сборник старообрядческий».

Л. 109 – Краткие выписки из толкового Апокалипсиса главы 29 стихи 129, 128, 114, 116, 126; главы 41 стих 172.

Л. 114 – Апостоль толковый, Иоанна послание 71 лист 146. Нач.: «Дѣти послѣдняя година есть и яко же слышите, яко антихристъ грядеть...». Конец: «Всякъ духъ иже исповѣдуеть Иисуса Христа в плоть пришедша от Бога есть».

Л. 114 об. – Кирилл Иерусалимский глава 4 речено. Нач.: «Аще кто спитъ бдите и молитесь: не вѣсте бо, в кии часъ Сынъ Человеческий приидеть...». Конец: «...а злыхъ ради дѣль прекратити о томъ святи пророцы и апостоли лѣта и дни часа послѣдняго не описаха».

Л. 115 – Апокалипсисъ глава 63 стих 258, 166, 146, 130, 160, главы 64, 68.

Л. 119 – Кирилл Иерусалимский глава 4 пишет. Нач.: «Яко Христосъ време пришествия своего и кончины вѣка никому не сказа, токмо знамения нѣкая и раздѣления повѣда...». Конец: «Понеже Христа ожидаемъ даже внезапно не умремъ и лживымъ антихристомъ да не будемъ прельшени».

Л. 119 об. – Краткие выписки из книги пророка Ездры главы 8, 9.

Л. 121 – Книга Кирилла Иерусалимскаго лист 15. Апостоль Павелъ к солунянам зачин 275. Нач.: «Первое бо приидеть отступление потомъ человекъ беззаконию сынъ по-

гибели противник антихриста...». Конец: «Блаженъ есть иже соблюдетъ повелѣнїя его да будетъ область имъ над древомъ живота».

Л. 122 – Из книги Андрея Цареградскаго (коротко). Глава 63. Нач.: «В послѣдняя дни возставитъ Господь Богъ царя от нищеты и ходити начнетъ во мнозѣхъ правдѣхъ...». Конец: «Минувшу же царству тому со всею тишиною его и тогда востанетъ начало болѣзни».

Л. 122 об. – Глава 64. Нач.: «Приидеть же ино царство пятое иже от Аравии лѣто едино и при царствѣ его соберутся святы добрии животворящаго древа...». Конец: «...слышавше придут малии отроцы оставившее бодрость и прочее...».

Л. 125 – выписки из Апокалипсиса о последнем времени.

Л. 126 об. – Пророка Ездры третьих книг глава 15. Нач.: «Горе вѣку и иже обитають в немъ, понеже приближиса мечъ и сокрушение ихъ и востанетъ языкъ на языкъ...». Конец: «Горе тебѣ, бѣднѣй, понеже уподобилася еси ему и украсила еси дщери твоя в любодѣянии ко угождению и прославлению в любодѣянии ко угождению и прославлению в любовныхъ твоихъ иже с тобою похотѣша всегда блудити...».

Л. 128 – Глава 16 (ниже). Нач.: «Се посылаются злая и не возвратятся донде же придуть на землю...». Конец: «...да не преотягчат васъ грѣси ваши ниже превзыдутъ беззаконїя ваша. Горе иже стѣсняются от грѣхъ своихъ и покрываются беззаконїи своими».

Л. 130 – Краткие выписки из Апокалипсиса, стихи 63, 64.

Л. 132 – Даниилъ пророкъ написа еже по седми и по шестидесяте и двухъ седмиць кииждо день в седмицы в лѣте почитается...». Конец: «Катехисисъ слово о страсти Хистове».

Л. 132 об. – чистый.

Л. 133 – О кончинѣ Андрей Уродивый. Нач.: «В послѣдняя дни возставитъ Господь Богъ царя от нищеты и ходити начнетъ во мнозѣхъ правдѣхъ...». Конец: «...от земли и от моря возникнуть поизобилу и будутъ якоже были при Нои в тихости и весели донѣже прииде потопу минувшу же царству тому тогда настанетъ начало болѣзни (глава 64 Андрей Уродливый)».

Л. 134 – Нач.: «На вопросъ Епифанїя Андрею како хочетъ человечество изгинуть от земли...». Конец: «...и от тѣхъ звѣрей устрекаети ядомъ лютымъ отекшее горькою смертию погибнуть (Книга Андрея вопросы Епифанїя)».

Л. 135 – Нач.: «Апостольскому мужу Ерму было сказано о четырехъ цвѣтахъ которые имѣль звѣрь на головѣхъ следующее...». Конец: «...потому что непорочны чисты блудятъ тѣ которые избраны Богомъ в жизнь вѣчную (Изъ видѣнїя Ермы видѣннаго в половинѣхъ втораго вѣка и истолковано ему ангеломъ Урииломъ)».

Л. 136 – Пророкъ Иезекииль глава 38 предрече. Нач.: «И бысть слово Господне ко мнѣ глаголя...». Конец: «Падеть же со всѣми силами своими на горахъ Израилевыхъ».

Л. 137 – Псалтырь толковая. Нач.: «Яко вся злая возгорятъ от сѣвера и понеже во откровении Иоанну Богослову...». Конец: «...Гогу и Магогу приити глаголетъ убо нужно есть изобрѣсти».

Л. 137 об. – Краткие выписки из книг Щит веры, Златоуст.

Л. 138 – Книга Триодъ постная понедельник 2 недели поста (кратко). Нач.: Егда изгна Господь Богъ Адама из рая пищи дѣлати землю от нея же взять бысть и изыть Адама и всели его прямо рая пищи...». Конец: «...не убо аще праведно принесеши правѣ же не раздѣлиши согрѣшихъ еси умолкни к тебѣ обращение его и ты тѣмъ обладаеши».

Л. 138 об. – Вторая 2 недели поста от Бытия чтение. Нач.: «Рече Каинъ ко Авелю, брату своему: Поидемъ убо на поле...». Конец: «...и положи Господь Богъ знамение на Каинѣ еже не убити его всякому обрѣтающему его».

Л. 139 – Среда 2 недели поста от Бытия чтение. Нач.: «Изыде Каинъ от лица Божия и вселися в землю Инаидъ прямо Эдему и позна Каинъ жену свою и заченше роди Еноса...». Конец: «...и Сифу бысть сонъ именована же имя ему Енось, сей призвати имя Господа Бога».

Л. 139 об. – Четверг 2 недели поста от Бытия чтение. Нач.: «Сия книга Бытия человека в онъ же день сотвори Богъ Адама по образу своему сотвори его...». Конец: «И угоди Енось Богу и не обрѣташеся, зане престави его Богъ».

Л. 141 – Исчисления. Нач.: «Жить Адамъ 230 лѣтъ и роди сына Сифа. Поживе Сифъ лѣтъ 205, роди Еноса. Поживе Енось лѣтъ 190, роди Каинана...». Конец: «А черезъ 750 лѣтъ бысть Ноевъ потопъ, т.е. в 2242 лѣто».

Л. 141 об. – чистый.

Л. 142 – Пятокъ 2 недели поста Триодъ. Нач.: «Ное бѣ пятисотъ лѣтъ и роди Ное 3 сыны: Сима, Хама, Иафета...». Конец: «Ное обрѣте благодать предъ Господемъ Богомъ».

Л. 142 об. – Понедельник 3 недели поста Триодъ (кратко). Нач.: «Ное человекъ праведенъ и совершенъ сынъ в родѣ своемъ...». Конец: «И сотвори Ное вся елика заповѣда ему Богъ, тако сотвори».

Л. 144 – Чтения из Триоди постной о потопе.

Л. 150 – Понедельник 5 недели поста. Триодъ лист 419. Исая. Нач.: «И изыде ангель Господень и уби от полка асирианъ 100 и 85 тысящ и отиде ангель...». Конец: «...от руки царя асирийска избавлю тя и градъ сей и заступление сотворю о градѣ семь».

Л. 150 об. – 12 святым апостолам имена (пронумерованный список апостолов).

Л. 151 – Триодъ постная в понедельник 1 недели поста от Притчей чтение. Нач.: «Послушай, сыне, наказания отца твоего и не отрини законы матерее твоея...». Конец: «Тии бо иже кровемъ причащаются снискають себе злая».

Л. 151 – В четверг 1 недели поста. Нач.: «Сыне, моихъ законъ не забывай, глаголы же моя да соблюдаютъ твое сердце». Конец: «...но буди мудръ о себѣ, чти Господа от своихъ праведныхъ трудовъ».

Л. 154 – Библейская хронология (годы жизни Адама, дата Ноева потопы и т.д. здесь же – дата крещения Руси, даты вселенских соборов).

Л. 158 – Ис книги Златаго бисера от глав 2. Нач.: «Вопросъ. Богъ единъ ли прежде неже сей мир сотворил». Конец: «...тогда бо закрываетъ его земная землею толстота, то есть ношь, и то разумѣй, яко солнце безпрестанно течеть и не может нимало стояти».

Л. 163 – Миняя четья сентября 4 житие пророка Моисея (краткое содержание). Нач.: «Фараону было извещение от волхвовъ, яко егда родится вождь людей израильскихъ много имать приятии казни Египеть». Конец: «...и достиже ихъ ополчившихся при мори но не возможе напасти на ня: ангель бо Божии ходя пред полкомъ израилевымъ и ста столпъ облачный между полкомъ израилевымъ... и прочее». (сокращенный вариант библейского текста, сокращения отмечены в тексте многоточиями или авторским комментарием).

Л. 168 – Нач.: «Даде же Фараонъ Иосифу в жену Асейфу дѣвицу дщерь Пентефрия, но не того Пентефрия, у него же работа Иосиф, но инаго. Той бо бѣ воевода, а оныи другии бѣ жрецъ начальныи во Илиополи, си есть Солнечномъ градѣ». Конец: «Слышав же яко хлѣбъ обилень во Египтѣ рече къ сыновомъ своимъ... и прочее».

Л. 169 – Прологъ сентября 10. Нач.: «Три жены обрѣтены питаемыи птицами носящее има с древеса плоды 11 лѣтъ пребыли жены в пропасти земной никѣмъ ведоми безвы-

ходно». Конец: «...и третия в трети день ночи и погребшее я славящее Христа Бога нашего. Прологъ 11 сентября слово еже не отчаятся грѣховъ своихъ ради Божия милости».

Л. 170 – Книга Библия глава 34 книга 5 Моисеовы Второзакония. Нач.: «И възде Моисей от Аравофа моавля на гору Нававъ на верхъ Фазга яже есть прямо Иерихону и показа ему господь...». Конец: «Моисею же бѣ лѣтъ сто и двадесять егда скончася».

Л. 170 – От Исхода чтение (Общая Миняя лист 493 на Преображение). Нач.: «Рече Господь к Моисею възди ко мнѣ на гору и стани ту и дамъ ти скрижали каменныя законъ и заповѣди...». Конец: «...и възде на гору и бѣ ту на горѣ четырдесятъ днии и четырдесятъ ношей».

Л. 171 – От Исхода чтение (Общая Миняя лист 493 на Преображение). Нач.: «Во днехъ онѣхъ глагола Господь к Моисею лицомъ к лицу якоже аще кто глаголетъ ко своему другу...». Конец: «И преиде Господь предъ лицомъ его и призва Господь Богъ щедръ и милостивъ и истиненъ и потщався Моисей приникъ на землю поклонися Господеву».

Л. 172 – Из слова святаго Климента ноября 8. Нач.: «Ангеломъ показанъ боговидцу Моисею в горѣ Синаистѣй образъ пресвятыя Богородицы купиною огнемъ горящею и не опалѣвшее...». Конец: «...и вопияху трисятую гл҃снь глаголющее Святъ, святъ, святъ Господь Саваофъ исполнь вся земля славы его».

Л. 172 об. – От царствъ третьихъ чтение (Общая Миняя лист 494) на Преображение. Нач.: «И иде Илия до горы Хоривския и вниде ту в пещеру и вселися в ней...». Конец: «...и пойдеши в путь пустыни Дамасковы и помажеши Елисея сына Асафатова вмѣсто себѣ пророка».

Л. 173 – Евангелие от Матфея зачин 70. Нач.: «И по днехъ шестихъ поять Иисусъ Петра Иякова и Иоанна брата его и возведе ихъ на гору високу едины и преобразися предъ ними...». Конец: «...заповѣда имъ Иисусъ, глаголя: «Никомуже повѣдите видѣнныя дондеже Сынъ Человечески из мертвыхъ воскреснетъ»».

Л. 173 об. – Из Синаксаря. Нач.: «Гора Елеонъ есть прямо Иерусалима двѣ тысящи и четырдесятъ ножныхъ ступеней растожи ей...». Конец: «...зане же и сѣнь свидѣнныя толицѣми стопами ногу бяше от стоящи от иудейскаго полка».

Л. 174 – Пророка Захарии глава 5. Нач.: «Обратихся и возведохъ очи мои и водѣхъ и се серпъ летящъ и рече...». Конец: «...се клятва исходящая на лице всея земли зане всякъ тать от сего до смерти мстится».

Л. 174 об. – Иоиль глава 3. Нач.: «Разсеците рала ваша на оружия и серпы ваша на луща (так!) немощны да глаголетъ...». Конец: «...Господь же пошадитъ люди своя и укрѣпитъ Господь сыны Израилевы и увѣсте яко Господь Богъ вашъ».

Л. 175 – Исайя пророкъ сказуетъ глаголя. Нач.: «Егда убо царствоваше Иезекія царь во Израили прииде на нь царь асирийский яко приятии градъ...». Конец: «Такова бо есть сила безплотныхъ онѣхъ слугъ божественныхъ ихъ же свѣтъ суща начальника архистратига Михаила. Слово святаго Климента в 8 день ноября».

Л. 175 об. – чистый.

Л. 176 – Нач.: «Архистратигъ Гавриилъ единъ есть от небесныхъ князей иже искони Богомъ посылаемъ на землю и всю добродѣтель сотворяя человеческому роду». Конец: «...того ради сотворяется соборъ великаго архангела Гавриила искони благуя творящи человеческому роду. Слово на соборъ архангела Гавриила в конце».

Л. 176 об. – Из слова Дионисия Ареопагита о иноческомъ свершении. Нач.: «От пераго лѣта Декиева царства в немъ же уснуша святи отроцы до тридесять и осмаго лѣта

юнаго Феодосия царя...». Конец: «Оттолѣ же до 38 лѣта царства Феодосия юнаго 150 лѣтъ».

Л. 178 – Правило 10 святых апостоль повелѣвает. Нач.: «Яко моляися со отлученными аще не в церкви но в дому...». Конец: «О семь же книга Правая вѣра глава 2 лист 21 указываетъ».

Л. 178 об. – чистый.

Л. 179 – Краткие выписки из книги Сынъ церковный главы 4, 5, 7, 10...

Л. 182 – Прологъ 8 мая на память Иоанна Богослова. Нач.: «Яко отецъ Иоанна Богослова Заведей бѣше, мати же Саломия...». Конец: «Гора Охли (?) и яко наричется Ливать идѣже лежать святые семь отрокъ при устии горы и многие другие апостолы и святые (чти в словѣ 8 мая)».

Л. 182 об. – чистый.

Л. 183 – выписки из Ветхого Завета (имена сыновей Иакова с комментариями о каждом, имена апостолов).

Л. 184 – Родословие пресвятыя Богородицы. Нач.: «От колѣна Нафанова сына Давидова, Матфанъ иерей сынъ Левиевъ от Вифлеема роди Левию...». Конец: «И посему яко бытии Саломеи бабѣ и Елисавети и святѣй Богородицѣ дщеремъ родныхъ трехъ сестреницъ. Христосъ же и Иоаннъ Предтеча двоюродныхъ сестрѣ дѣти (Кириль Иеросалимский глава 20. лист 207).

Л. 185 – Нач.: «От перваго лѣта Декиева царства, в немъ же уснуша святи отроцы...». Конец: «Оттолѣ же до 38 лѣта царства Феодосия юнаго 150 лѣтъ (Слово Дионисия Ареопагита о иноческом свершении (повтор, см. Л. 176 об).

Л. 185 об. – Когда ангель удержалъ руку Симеона (было ему 90 лѣтъ). Конец: «...и приять Господа Иисуса Христа на руку свою и прося отпущения сиречь кончины (слово о пророцѣхъ)».

Л. 186 – Прологъ 3 декабря слово преподобного Арсения. Нач.: «Показа ми ангель человека стояща на кладезѣ и черплюща воду от него...». Конец: «...достоить же всякому человеку съ чистотою добродѣтели стяжати, а не вотще трудитися».

Л. 187 – Святый Дорофей в главѣ 62 пишетъ. Нач.: «Честнѣе есть всѣхъ молитвъ пред Богомъ и трудовъ и приношение Богу еже не согрѣшати...». Конец: «Блудъ бо нарицается от своєю жены и своєю не по закону».

Л. 187 об. – краткие выписки из книги Иисуса сына Сирахова и Пролога от 18 марта.

Л. 188 – Кормчая уставъ о бранобритцѣхъ. Нач.: «Два брата-то два колѣна, дѣти – тою четыре колѣна...». Конец: «Не достоинъ поимати двою сестру, ни сестры из братамъ, дву сестру поимати, ни двѣма братама, тетки с сестричною».

Л. 188 об. – Краткие выписки из Апостола толкового, Зонаря, Златоуста, Номоканона о супружеской верности и о блуде.

Л. 207 – Бѣсѣды апостольские лист 1642 Златоуст. Нач.: «Всѣ раздоротворцы если вы безчисленныя добродѣтели совершили и то будутъ осуждены с жидами...». Конец: «(Слово 5 Аввы при низѣ Ефрема Сирина)».

Л. 207 об. – Слово 23 книга Старчество. Нач.: «Аще хочещи поспати, возлегши на одрѣ своемъ или гдѣ имѣешь обычай спати...». Конец: «Господи Иисусе Христе сыне Божии. Благослови и освяти и сохрани мя силою креста живоноснаго ти», и глаголи молитву сию дондеже уснеши».

Л. 208 об. – От послания к Тимофею в толковании. Нач.: «Что глаголетъ еже освѣщается словомъ Божиимъ и молитвою, явѣ бо яко ни чисто сие освѣщается...». Ко-

нец: «...но и спась, иже вся очищая и брашна не входящее, рече, сквернить человека, но исходящее».

Л. 209 – Из указания собора христианъ поморцевъ в Москвѣ в 1909 г. 1 – 12 мая. Нач.: «Вопросъ. Можно ли пѣть погребение или творить поминовение по христианамъ...». Конец: «Феофила же царя блаженная царица Феодора жена его подвигну многихъ святыхъ на молитву избавити от муки, а сухую же ону лбину, над нею же преподобный Макарий помолися».

Л. 210 – Из правилъ Стоглаваго собора *статья* 40. Нач.: «Брадобреецъ, умерший без покаяния, не долженъ быть отпѣваемъ...». Конец: «Мирщение (ядение, питье) с иноверными есть грѣхъ малый, а если постоянно – грѣхъ большой».

Л. 209 об. – 66 правило 6 вселенскаго собора. Нач.: «Считаю употребление чая, сахара и водки случайное грѣхомъ, а постоянное – ересью». Конец: «Запрещено не питье вина, а пиянство, мы должны сему послѣдовать».

Л. 211 – «Кормчая глава 47 лист 389. Нач.: «Брадобритие от Константина Кавалина и еретика суца се узаконено есть, на томъ бо вси знакахъ яко еретическия слуги суть...». Конец: «Брады брѣющихъ святое писание еретическими слугами называет».

Л. 211 об. – мелкие выписки из Кормчей, Маргарита, Слова 5 Иосифа Волоколамского о брадобритии.

Л. 214 – Книга Максима Грека слово о властех послѣдняго вѣка лист 67. Нач.: «Блажь бо сии вѣсть паче же самосовершенство благодать и человеколюбие и милость...». Конец: «...не бы убо устѣкнулъ в главу священную божественнаго предотеку крестителя Иоанна и отроковицѣ пляшущей мзду не даль бы ея (книга Максима Грека)».

Л. 216 – О брадобритии. Нач.: «Святой апостоль Павелъ, предостерегая православныхъ христианъ от оболщения еретиковъ, пишет: Помните наставники ваша...». Конец: «...не прелагай предѣль вѣчных, яже положиша отцы твои (Притчи глава 22 окружное послание издание 1862 года лист 1)».

Л. 216 об. – Нач.: «Отцы Стоглаваго собора, разсуждая о брадобритии, изложили слѣдующее постановление...». Конец: «Далее. Ты же, обнажающий бороду свою, чтобы нравиться, как сопротивляющийся закону мерзокъ будешь у Бога, создавшаго тебя по образу своему (Постановление святыхъ апостоль. Казань, издание 1863 года стр. 6)».

Л. 217 – Отцы Стоглаваго собора изложили в Большом Потребнике. Нач.: «Аще кто браду сбръщетъ и преставится тако, не достоитъ над нимъ служити ни сорокоуста, по немъ пѣти...». Конец: «Это есть исполнение предписанаго церковноу закона, обязательнаго для вѣрующихъ в Бога и его святую церковь».

Л. 218 – Из Толковаго Зонаря пишется. Нач.: «Такъ пусть же брадобритцы воззрят на образъ Христа спасителя...». Конец: «Итак, стричь и брить бороду обычаемъ не христианский, но поганыхъ язычниковъ, идолопоклонниковъ и невѣрующихъ в Бога и его святую церковь».

Л. 219 – «В лѣто Льва царя Премудраго сына Василиева Македонянина бысть папа в Римѣ Формосъ проклятый...». Конец: «(Из епистоли на римляны от седмаго собора на латыню. Глава 81 и во апостольской епистолии тоже)».

Л. 220 – Из книги Кирила Иеросалимскаго. Слово о латынскихъ ересехъ глава 26 лист 235. Нач.: «Философъ Панагиотъ к Азимиту рече: чесо ради папы ваши и вси церковницы стригутъ брады, рцы ми, Азамить?». Конец: «Тоя же вы и доднесь держитесь прелести, понеже жена посрамила есть васъ и бриете брады своя подпупия ради женскаго».

Л. 223 – нач.: «Левъ папа римский был по рожествѣ Христовѣ в девятомъ стѣ, 84 лѣта». Конец: «...и без епитимии и без покояния прощати повелѣ и на предняя лѣта грѣхи отпушати».

Л. 224 – Потребникъ правило 133. Нач.: «Аще кто поидеть на праздникъ варварский или еретический и снѣсть в той день с ими от нихъ жремая за душу ихъ...». Конец: «...аще кто и безплотных житие поживеть, еретикомъ же приобщаяся в дружбѣ и в любви, таковой чюждь есть владыки Христа».

Л. 225 – «Всякъ от церковнаго чина чтыи еретическия книги иже сопротивляются истинѣ, мирстии же да отлучатся...». Конец: «...или яже суть на угождение человекомъ творити и любиму бытии ими Богу же ненавидимы бытии (Правая вѣра предисловие)».

Л. 226 – «Проклинаю богоненавидимую блудолюбнаго образа прелесть – душегубительныя ереси...». Конец: «От Бога Моисею и в новой благодати никто же того не творяше до совращения преже реченных еретиковъ (лист 601 из правила крещения от ересей приходящихъ)».

Л. 227– Зерцало Великое глава 46. Слово о том яко пьяница осужденъ по смерти пити огонь смолу и серу. Нач.: «Близ града Колны бѣ нѣкии воинъ Радингеръ великии винопитица тако охочии пити...». Конец: «Он же рече: Питие мое, чадо, смола, огонь и сера, и всегда Пию, но выпить не могу, и тако исчезе».

Л. 228 – Книга Видѣние Григория сказание Феодоры мытарство 11 пьянственное люти упивающимся. Нач.: «И грядущее же внидохомъ в мытарство 11, иже глаголется пьянственное. Слуги же его стояху, яко волцы...». Конец: «...и ты хотѣ пострадади, аще не бы искупа прияла еси от угодника Божия Василия».

Л. 229 – Июня 15 слово Иоанна Златоустаго поучительно (кратко записано). Нач.: «Болѣзную любимию, яко вотще поучение бываетъ и ратай болше всѣгъ, земля же аще не дасть плода, то вельми печалуетъ». Конец: «А иже в мѣру питие здравие творить, а бѣз мѣры души пагубу творить, Богу нашему слава и нынѣ и присно и во вѣки вѣкомъ».

Л. 232 – Нач.: «Не попускай плоти твоей житии сиречь действовати донде же ту еси, но да умрет, аще бо умереть – жива будет...». Конец: «Что же паче сего окаяннѣйши во дни от всѣхъ посмѣваему бытии, ввечеръ же паки в ту же скверну впадати (Апостоль толковый лист 338)».

Л. 233 – «Слыши писание, глаголющее: «Дадите вина сущимъ в печали, а пьянство сущимъ в болѣзни...». Конец: «Сего ради Богъ сотворилъ есть тѣлеса наша умѣрена, яко и от малыхъ насыщатися».

Л. 233 об. – чистый.

Л. 234 – «Аще ли же во святыя праздники упиваетеся и блудъ творите, чимъ есть лучше поганыхъ?». Конец: «...вино бо и жены превращаютъ смысленные умы и пустошны сотворяють я».

Л. 235 – «Не буди винопийца, пьяница бо всегда в скверныхъ пребываетъ на конецъ жития обнищаетъ». Конец: «Мытницы бѣсовстии вострепеташа, ангели же видѣвше чюдо, прославиша Бога, давшаго ей толику благодать молитвами святаго Василия, и ведоша святую Феодору радуешесе на небо».

Л. 237 – «Философъ Арсахарсось рече: «Егда сѣдиши в пиру, 1-ю чашю испиеши в здравие, 2-ю – в сладость, 3-ю – в безумие». Конец: «...николи же тако радуюся о жертвѣ поганыхъ человекъ, якоже о пьяныхъ христианѣхъ в пьяницахъ бо вся воля моя («Правая вѣра» глава 15) (Како возмогаютъ бѣси сѣкира топориче...)».

Л. 237 об. – «От здѣ показуеть, яко антихристу пришедшу, яже безмѣстныхъ сластѣй нападуть на законопреступныхъ и своего спасения...». Конец: «...пьянство – самовольный бѣсъ злобѣ мати, спротивление добродѣтели, погуба души».

Л. 238 – Сказание от Геннадия о хмелю. Нач.: «Всемилюстый Богъ созда человека и вложи ему умъ во главу меж мозгомъ и тѣменемъ, во главнѣмъ версии...». Конец: «Подобаеть убо питии в честь и славу Божию 1-я чаша, 2 – сытости, 3 – веселию. А иже кто пьетъ четвертую, то безумио, а 5-ю – то гордости ради, 6-ю – горцѣй муцѣ и смерти, а иже кто 7-ю пьетъ, то не будетъ мучению конца».

Л. 238 об. – Родословие св. Анны.

Л. 239 – «Вкушение сладкое изгна из Рая. Путь во вѣмъ злымъ и начало и корень погубели человеку есть пища и питие, и любяй свою плоть...». Конец: «...ядяху и пияху, женияхуся и посягаху до него же дне. Вниде Ное в ковчегъ и прииде потопъ, и погуби вся (книга Правая вѣра глава 15)».

Л. 240 – «И пиемъ, донелѣже и в смѣхъ дѣтемъ будемъ, такоже и безчисленное упивание творя троя вины приноситъ любящимъ его...». Конец: «См. Феодоры сказание о пьянственномъ мытарствѣ».

Л. 240 – 8 генваря Прологъ. Нач.: «Начало бо всему злу пища, пьнство же родительница есть всякому дѣлу скверно...». 13 генваря. Нач.: «Не лѣнится, братие, о своемъ спасении, ни пребывайте, аки скоти...».

Сведения об авторах

1. **Власов Михаил Александрович**, аспирант СыктГУ. Научный руководитель И.А. Гончаров, доктор философских наук, профессор.
E-mail: komimort@list.ru
2. **Волкова Татьяна Федоровна**, доктор филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии СыктГУ.
E-mail: volkovatf777@gmail.com
3. **Волокитина Надежда Александровна**, кандидат культурологии, старший преподаватель кафедры истории, политологии и социологии СыктГУ.
E-mail: anjis@rambler.ru
4. **Гончаров Игорь Анатольевич**, доктор философских наук, профессор, зав.кафедрой политологии и международных отношений СыктГУ.
E-mail: goncharov88@rbcmail.ru
5. **Демченко Ирина Игоревна**, учитель русского языка и литературы в г. Ухта, МОУ «СОШ №16».
6. **Доброноженко Галина Федоровна**, доктор исторических наук, зав. кафедрой истории, политологии и социологии СыктГУ.
E-mail: g_dobronozhenko@mail.ru
7. **Завьялов Борис Михайлович**, кандидат философских наук, доцент, зав. кафедрой гуманитарных и социальных наук Коми филиала Кировской государственной медицинской академии.
E-mail: zavialov49@rambler.ru
8. **Завьялов Михаил Геннадьевич**, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Института гуманитарных наук СыктГУ.
E-mail: micado.fox@yandex.ru
9. **Зезегова Ольга Ивановна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, политологии и социологии СыктГУ.
E-mail: oizezegova@mail.ru

10. **Иванов Фёдор Николаевич**, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и зарубежных стран СыктГУ.

E-mail: fedor-ivanoff@mail.ru

11. **Казакова Карина Ацамазовна**, кандидат исторических наук, доцент кафедры связей с общественностью и рекламы Института гуманитарных наук СыктГУ.

E-mail: kazkarin@yandex.ru

12. **Канева Татьяна Степановна**, кандидат филологических наук, доцент, зав. Учебно-методическим центром по традиционной народной культуре.

E-mail: t-kaneva@yandex.ru

13. **Кознова Ирина Евгеньевна**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института философии РАН.

E-mail: i.koznova@gmail.com

14. **Конева Елена Витальевна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

ev-kon@yandex.ru

15. **Кочкина Любовь Вадимовна** – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей педагогики и психологии Государственного образовательного автономного учреждения Ярославской области «Институт развития образования».

siam_l@mail.ru

16. **Лудыкова Валентина Матвеевна**, доктор филологических наук, профессор кафедры коми и финно-угорской филологии СыктГУ.

E-mail: kkfuy@syktsu.ru

17. **Максимова Евгения Олеговна**, магистрант кафедры русской и общей филологии СыктГУ.

E-mail: maximova-evgeniya@yandex.ru

18. **Мелихов Михаил Васильевич**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и общей филологии СыктГУ.

E-mail: melikhovm@mail.ru

19. **Попова Анна Олеговна**, магистрант кафедры коми и финно-угорской филологии СыктГУ.

E-mail: kkfuy@syktsu.ru

20. **Пунегова Галина Васильевна**, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора языка ИЯЛИ КНЦ УрО РАН.

E-mail: galina.syksu@mail.ru

21. **Рассыхаев Алексей Николаевич**, кандидат филологических наук, научный сотрудник Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН.

E-mail: rassyhaev@mail.ru

22. **Солондаев Владимир Константинович** – кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова.

solond@yandex.ru

23. **Юркина Ольга Валерьевна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и общей филологии СыктГУ.

E-mail: radost.ol@mail.ru

24. **Черных Вера Александровна**, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков экономических и юридических специальностей СыктГУ.